Подається російською мовою

Луиза Олкотт

Маленькие женщины

Вместо предисловия

Пусть эта небольшая повесть

Все тайное со дна души поднимет,

Заставит вас подумать и понять,

Что нету доблести превыше доброты.

Пусть эта небольшая повесть

Представится вам вроде пилигрима,

Который вам поведал тьму историй,

Чтоб, их узнав, вы сделались мудрей.

Пусть эта небольшая повесть

Заставит вас задуматься о ближнем

И, несмотря на множество преград,

Обучит вас науке милосердия.

Из Джона Беньяна[1]

Глава I

Игра в пилигримов

– Ну что это за Рождество без подарков! – проворчала лежащая на ковре Джо.

– Ужасно быть бедным, – ответила Мег и со вздохом оглядела свое старое платье.

– Да уж куда хуже, – добавила маленькая Эми. – У одних девочек столько красивых вещей, что некуда девать, а у других вообще ничего нет!

Эми даже раскашлялась от досады.

– Ну, нам еще не так плохо. У нас, по крайней мере, есть отец с матерью, да и живем мы все вместе, – отозвалась из своего угла Бет, и голос ее звучал куда веселее, чем у остальных.

Услышав эти слова, девочки приободрились.

– Да, но папы-то с нами нет, – словно спохватилась Джо. – Когда мы теперь увидимся?

Тут все четверо снова затихли, и каждая невольно подумала о том, чего не сказала Джо: папа сейчас на войне[2], а значит, может вообще не вернуться.

Некоторое время сестры молчали.

– Вы же знаете, почему мама не хочет, чтобы мы дарили друг другу подарки на это Рождество, – сказала наконец Мег. – Зима предстоит трудная. И мама считает, что, пока мужчины воюют, женщины не имеют права тратить деньги на удовольствия. Конечно, от нас мало что зависит. Но будет справедливо, если мы пойдем на небольшие жертвы. Мама говорит, что такие жертвы должны приносить радость, но я… что-то не особенно радуюсь.

И, вспомнив, какие прекрасные вещи дарят обычно на Рождество, Мег грустно покачала головой.

– Да уж, невелика от нас польза: у каждой наберется не больше доллара. Вряд ли армия разбогатеет от таких пожертвований. Впрочем, я обошлась бы в этом году без подарков. Но мне так хочется купить "Ундину и Синтрама", – с тоской произнесла Джо, которая более всего на свете любила книги.

– А мне нужны ноты, – призналась Бет и вздохнула так тихо, что вздох ее услышали только кочерга да подставка для чайника.

– А я куплю коробку фаберовских цветных карандашей, – заявила Эми. – Они мне очень нужны.

– Но мама ничего не говорила о наших деньгах. Вряд ли она хочет, чтобы мы вообще от всего отказались. Хоть маленькие радости можно себе позволить? Нам ведь эти деньги не просто так достались! – с жаром произнесла Джо и тут же смутилась.

– Мне-то уж точно они достались не даром, – подхватила Мег. – Целыми днями учить этих кошмарных детей! Дома-то сидеть куда лучше!

– Все это просто пустяки по сравнению с тем, каково приходится мне, – сказала Джо. – Посмотрела бы я, как вам понравится сидеть

целыми днями со взбалмошной старухой. Слушать ее брюзжание, исполнять прихоти, а она вечно всем недовольна! Угодить ей просто невозможно. Она все время меня пиявит. Так и хочется отхлестать ее по щекам. Или самой выброситься в окно, чтобы никогда больше не видеть этой старой карги.

– Грех, конечно, жаловаться, но мне кажется, моя работа еще хуже. Вас бы заставить мыть посуду и убираться! Знаете, как я устаю! И руки грубеют, я с трудом уже играю на рояле.

Бет грустно посмотрела на свои руки и громко вздохнула.

– Мне все равно хуже! – воскликнула Эми. – Вам не надо ходить в школу. Над вами не издеваются эти мерзкие девчонки! Не выучу урок – они надсмеиваются! И над моими старыми платьями, и над нашим папой, раз он разорился. Они станут надсмеиваться даже над носом, если он им не понравится.

– Эми, – заметила со смехом Джо, – надо говорить не "надсмеиваются", а "насмехаются".

– Неважно, – отмахнулась Эми. – Ты ведь прекрасно поняла меня, так чего иронизировать? К тому же, – с важным видом добавила она, – новые слова расширяют кругообзор.

– Да перестаньте вы препираться! О чем спорить? Конечно, лучше, если бы папа не разорился. Когда я была совсем маленькой, мы были богатыми. В те времена мы не думали ни о какой экономии, – вздохнула Мег.

– Ну да, а вчера ты говорила, что мы счастливее королевских детей. И что королевские дети, хоть и богатые, то и дело ссорятся и дерутся.

– Верно, Бет. Я не отказываюсь от своих слов. Конечно, нам приходится трудно. Но ведь мы и повеселиться умеем. Недаром же Джо прозвала нас веселой компанией.

– Вот-вот, – осуждающе заметила Эми. – И откуда только Джо набралась этих словечек!

И она бросила укоризненный взгляд на длинноногую Джо, которая по-прежнему лежала, вытянувшись на ковре.

Джо тут же села и принялась свистеть.

– Перестань свистеть, Джо! Ты ведешь себя как мальчишка.

– А я и хочу вести себя как мальчишка.

– Терпеть этого не могу!

– А я терпеть не могу благовоспитанных кривляк.

– "Птенчики в гнезде воркуют", – пропела Бет и скорчила такую потешную рожицу, что спорщицы весело рассмеялись.

Бет всегда выступала в роли примирительницы.

– Должна заметить, дорогие мои, что вы обе не правы, – назидательно произнесла Мег. Она была самой старшей и чувствовала за собой право давать советы остальным. – Ты, Джозефина, уже достаточно большая. Пора оставить мальчишеские замашки и научиться вести себя прилично. Пока ты была маленькой, еще куда ни шло. А сейчас посмотри, ты уже носишь прическу. И выглядишь как настоящая девушка.

– Никакая я не девушка! – упрямилась Джо. – А если все дело в прическе, лучше уж я буду до двадцати лет носить косички. – Она сорвала с головы сетку, и каштановые волосы тут же разлетелись веером. – Противно думать, что я когда-нибудь превращусь во взрослую мисс Марч. Надену длинное платье и стану чопорной, как индюк. Мне и так не повезло. Угораздило же меня родиться девочкой, когда я так люблю играть в мальчишеские игры! Всю жизнь жалею, что я не мальчик. А теперь еще больше. А то ушла бы воевать вместе с папой. Теперь вот сиди здесь и вяжи, точно древняя старуха!

Джо в сердцах так сильно встряхнула синий армейский носок, который вязала во время разговора, что спицы звякнули, а клубок шерсти покатился в угол.

– Бедная Джо! Наверное, тебе действительно не повезло. Но тут уж ничего не поделаешь, придется довольствоваться прозвищем. Впрочем, если хочешь, мы готовы считать тебя старшим братом, – сказала Бет.

При этом она ласково поглаживала Джо по густой шевелюре, и та могла убедиться, что несмотря на мытье посуды руки Бет остались по-прежнему нежными.

– Не могу похвалить и тебя, Эми, – продолжала Мег. – Ты впадаешь в другую крайность. Ты слишком чопорна и манерна. Пока это забавно, но если ты вовремя не остановишься, рискуешь превратиться в жеманную барышню. Как приятен человек, хорошо воспитанный и умеющий изящно выражать свои мысли! Ты же словечка в простоте не скажешь! Поверь, высокопарные речи звучат не лучше мальчишеского жаргона Джо.

– Итак, Джо – "сорванец", Эми – "жеманная барышня". Ну а я кто, по-твоему? – спросила Бет, готовая выслушать свою долю наставлений.

– Ты у нас прелесть, – ласково ответила Мег.

Никто из сестер не возразил. Бет, которую в семье звали Мышкой, была всеобщей любимицей.

А теперь, дорогие мои юные читатели, настало время хоть в общих чертах набросать портреты четырех сестер. Мы застали их декабрьским вечером за вязанием. В камине весело потрескивают дрова, а за окном идет снег.

Комната, в которой расположились сестры, обставлена самой простой мебелью, а ворс на ковре изрядно потерт. И все-таки здесь очень уютно. На стенах висят дорогие картины, в простенках высятся книжные полки, подоконники украшены хризантемами и рождественскими розами. Словом, по всему – настоящий семейный очаг.

Старшая сестра, шестнадцатилетняя Маргарет, очень хороша собой. Нежный овал лица, огромные глаза, красиво очерченный рот, густая шапка каштановых волос, красивые руки… Теперь вы представляете, что супруги Марч могут по праву гордиться своей старшей дочерью.

Джо, годом младше Мег, внешне являет полную ей противоположность. Высокая, худая, смуглая, она чем-то напоминает жеребенка. Она положительно не знает, куда девать свои длинные руки и ноги, и кажется, что они ей вечно мешают. Линия рта свидетельствует о решительности характера. А серые глаза словно пронизывают собеседника насквозь. Глаза Джо выдают все, что у нее на душе. И так как настроение у нее часто меняется, во взгляде можно прочесть то насмешку, то задумчивость, а порой и ярость. Густые длинные волосы – пожалуй, единственное украшение ее внешности. Но Джо они мешают, и она забирает их под сетку.

Сейчас Джо в самом "неудачном" возрасте. Небрежность в одежде, неуклюжие движения – все выдает в ней подростка, который вот-вот превратится в девушку, но почему-то изо всех сил сопротивляется природе.

Элизабет, или, как все ее называют, Бет, – ясноглазая тринадцатилетняя девочка. Розовощекая, гладко причесанная, говорит тихим голосом, удивительно миролюбива. Вот почему отец прозвал ее Тихоней. Она действительно будто живет в своем особом мирке и выходит из него только к тем, к кому питает любовь и уважение.

Эми, хоть и самая младшая, несомненно обладает самым сильным характером, да и достаточно высоко себя ставит. Белолицая, стройная, голубоглазая, с золотистыми кудрями до плеч, она держит себя несколько чопорно и во всем старается походить на настоящую взрослую леди.

Когда часы пробили шесть вечера, Бет подмела золу перед очагом и поставила к огню старые тапочки. Увидев это, девочки приободрились: скоро вернется Марми. Так сестры называли свою мать.

Мег оставила поучения и зажгла лампу. Эми тотчас освободила кресло, а Джо, позабыв об усталости, встала с ковра и подвинула тапочки ближе к огню.

– Они совсем износились, – заметила она. – Марми давно пора купить новые.

– Пожалуй, я это сделаю на свой доллар, – отозвалась Бет.

– Нет, я! – воскликнула Эми.

– Вы забываете, кто тут старший, – возразила Мег, но Джо не дала ей договорить:

– Нет уж! Когда папа уходил на войну, он сказал, что, пока не вернется, за мужчину в доме остаюсь я. Значит, и о маме в его отсутствие должна заботиться я. Так что новые тапочки – не ваша забота.

– Я предлагаю поступить так, – сказала Бет. – Себе мы в этот раз ничего покупать не будем. Купим что-нибудь маме.

– Наша Бет верна себе! – воскликнула Джо. – Но что же мы купим маме?

Девочки на минуту задумались. Первой нарушила молчание Мег. Поглядев на свои красивые руки, она вдруг поняла, какой подарок больше всего обрадует мать.

– Я куплю ей перчатки, – сказала она.

– А я – самые крепкие тапочки! – воскликнула Джо.

– А я куплю флакон любимых маминых духов. Они стоят недорого, и у меня останутся деньги, чтобы купить что-нибудь себе, – добавила Эми.

– А как мы все это подарим? – поинтересовалась Мег.

– Разложим на столе, а потом позовем Марми – пусть разворачивает свертки, как это делаем мы в дни рождения.

– Я помню мои дни рождения, когда я была маленькая, – призналась Бет. – Почему-то страшновато было сидеть в кресле с короной на голове! Вы несете мне подарки, а я боюсь шевельнуться! А так хотелось скорее развернуть свертки!

Говоря это, Бет поджаривала на огне хлеб. От огня щечки ее разрумянились.

– Пусть мама думает, что мы собираемся покупать подарки себе. Вот будет сюрприз! За покупками пойдем завтра днем, правильно, Мег? Еще

нам придется повозиться с рождественским представлением, – сказала Джо, горделиво расхаживая по комнате.

– Наверное, это последнее рождественское представление, в котором я буду участвовать. Я ведь уже выросла, – с грустью заметила Мег, которая обожала игру с переодеванием.

– Перестань! И дальше будешь прекрасно играть, – сказала Джо. – Так я и поверила, что ты откажешься расхаживать по сцене с распущенными волосами и в белом платье с украшениями из золотой фольги. Ты у нас лучшая актриса! Без тебя не будет ни одного представления. Сегодня нам надо обязательно порепетировать. Ну-ка, Эми, попробуй еще раз упасть в обморок. Прошлый раз у тебя неважно получилось. Ты была прямо как деревянная.

– Но что же мне делать? Я никогда не видела, как падают в обморок. А если упасть, как ты показываешь, набьешь синяков. Можно мне не падать? Лучше опуститься в кресло. Пусть тогда этот Хуго грозит мне пистолетом сколько угодно, – возразила Эми.

В отличие от старшей сестры, у Эми не было никакого актерского дарования. На роль в домашнем спектакле ее выбрали только за маленький рост и хрупкое телосложение. По ходу пьесы герою приходилось уносить ее со сцены, и сестры решили, что лучше Эми тут никого не придумаешь.

– Тогда попробуй так, – предложила Джо. – Заламывай руки и, шатаясь, неверными шагами, направляйся в комнату. Кричи: "Родриго! На помощь! Спаси меня!"

Мольба о помощи в устах Джо прозвучала столь натурально, что сестры поневоле вздрогнули.

Эми попыталась повторить, но у нее опять не вышло. Движения ее отличались такой скованностью, а крик прозвучал столь неестественно, что в лучшем случае можно было подумать, будто она уколола палец булавкой. Во всяком случае, смертельной опасностью тут и не пахло.

Посмотрев на эти жалкие потуги, Джо застонала от бессилия, а Мег расхохоталась. Увлеченная репетицией, Бет забыла про хлеб, который жарила на огне, и гренки подгорели.

– Безнадежно, – развела руками Джо. – Постарайся хоть во время спектакля сыграть получше. Но предупреждаю: если зрители тебя освищут, они будут правы. И я в этом не виновата. Теперь давай ты, Мег!

Дело пошло гораздо лучше. Дон Педро бросил миру вызов, текст которого занимал в пьесе целых две страницы. Несмотря на это, Джо, исполнявшая роль дона Педро, ни разу не сбилась. Колдунья Хагар произнесла заклинания над котелком с волшебным варевом. Родриго сорвал с себя оковы, а Хуго, отравленный мышьяком, забился в судорогах. Он несколько раз истошно выкрикнул: "Ха! Ха!", а затем скончался.

– Отлично, – похвалила Мег, когда умерщвленный злодей, потирая ушибленный локоть, поднялся на ноги.

– Просто удивительно, Джо! – восхитилась Бет. – Ты сочиняешь такие отличные пьесы да еще умудряешься здорово играть в них. Ты у нас просто Шекспир!

Добрая Бет обожала сестер и была совершенно уверена, что все они по-своему гениальны.

– Ну уж, Шекспир, – заскромничала Джо. – Хотя эти "Проклятые колдуньи" действительно получились неплохо. А вообще-то мне очень

хотелось бы сыграть леди Макбет. Жаль, у нас нет люка для Банко. Мне давно хочется поставить сцену убийства. "Не кинжал ли вижу я перед собой?" – продекламировала Джо, по примеру исполнителей трагических ролей закатывая глаза и ища руками опору в воздухе.

– Нет, это не кинжал! – со смехом воскликнула Мег. – Это всего лишь вилка для гренок, только вот не понимаю, почему на ней вместо хлеба мамина тапочка?

Тут все обратили внимание на Бет. Увлекшись репетицией, она действительно зацепила вилкой для гренок тапочку да так и сидела с ней перед камином. Дружный смех привел ее в чувство.

– Рада, что вы так веселитесь, девочка! – раздался голос матери.

Актеры и зрители, которых воплощала Бет, тут же повернулись к двери. Там стояла добродушная женщина, от которой веяло любовью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. Мать девочек не отличалась особенной красотой. Но для дочерей мать всегда прекрасна, и девочки не сомневались, что под серым плащом и вышедшим из моды капором скрывается самая привлекательная женщина на свете.

– Ну, как провели день, мои милые? А вот нам пришлось туго. Срочно отправляли посылки на фронт, целый день упаковывали. Я даже вырваться домой пообедать не смогла. Кто-нибудь заходил, Бет? А как твой насморк, Мег? Джо, у тебя усталый вид. Ну-ка подойди ко мне, милая.

Продолжая задавать вопросы, в каждом из которых сквозила истинно материнская забота, миссис Марч сняла мокрый плащ и ботинки и надела теплые тапочки. Устроившись в мягком кресле, она притянула к себе Эми и усадила ее на колени. Сейчас для миссис Марч наступало самое счастливое время суток.

Девочки суетились вокруг матери, каждая на свой лад заботилась, чтобы ей было удобно и спокойно.

Джо принесла дров и, опрокидывая и громыхая всем, чего касалась, принялась расставлять стулья. Бет бесшумно сновала из комнаты в кухню. А Эми, сложа руки, распоряжалась сестрами.

Когда они, наконец, уселись за стол, лицо миссис Марч просветлело, и она торжественно объявила:

– Похоже, у меня есть для вас сюрприз.

Сестры не отрывали от матери глаз; Бет, забыв о том, что держит в руках горячие гренки, захлопала в ладоши, а Джо, подбрасывая в воздух салфетку, крикнула:

– Письмо! Письмо от папы! Ура в папину честь!

– Да, – подтвердила миссис Марч. – Папа прислал длинное письмо. Очень хорошие новости. Здоров. Папа зря опасался холодов, он легко переносит их. Папа поздравляет нас всех с Рождеством, а вам, девочки, вложил отдельную записку. – И миссис Марч похлопала себя по карману с таким видом, будто там хранились несметные богатства.

– Доедайте скорее. А ты, Эми, поменьше бы любовалась своими пальчиками и побыстрее бы ела, – возмутилась Джо, давясь чаем и роняя на ковер гренок с маслом. Но сейчас было не до таких мелочей: ей не терпелось как можно скорее прочесть письмо.

У Бет от волнения пропал аппетит. Ей тоже не терпелось узнать, что пишет папа. Однако она не стала никого торопить. Устроившись в уголке, Бет терпеливо дожидалась, пока остальные допьют чай.

– Наверное, не каждый на папином месте пошел бы на войну, – сказала Мег. – Ведь он уже не призывного возраста и имел полное право остаться дома. В особенности при его слабом здоровье. А он все-таки пошел полковым капелланом[3].

– Вот бы стать барабанщиком или санитаром! Тогда мы сейчас с папой были бы вместе! – мечтательно проговорила Джо.

– Как это, наверное, противно – спать в палатке, есть невкусную пищу и пить из оловянной кружки, – вздохнула Эми.

– Марми, а папа скоро вернется? – спросила Бет, и голос ее дрогнул.

– Через несколько месяцев, милая. Он намерен выполнить свой долг до конца – останется в армии, пока нужен. Нам не следует его торопить. А теперь слушайте письмо.

Все собрались у камина. Мать снова опустилась в большое мягкое кресло, Бет устроилась у ее ног, Мег и Эми сели на поручни кресла, а Джо перегнулась через спинку. Это был хитрый маневр, чтобы никто не заметил, если при чтении письма у нее выступят слезы.

В те трудные для нашей страны времена фронтовые письма отличались такой искренностью, что их невозможно было читать без слез. Но письмо мистера Марча было несколько иного рода. Он живописал особенности армейской жизни, военные походы и фронтовые новости. И лишь в конце письма, словно не в силах более сдерживаться, говорил о своей любви к дочерям, с которыми его разлучила война.

"Передай девочкам, что я их люблю. Расцелуй их от меня. Скажи, что я думаю о них днем, молюсь по ночам, а их привязанность ко мне – главное мое утешение. Когда я вспоминаю, что мне еще год предстоит быть в разлуке с дочерьми, год этот кажется мне вечностью. Передай

девочкам, что в дни разлуки мы можем трудиться, и тогда время ожидания пройдет для нас не напрасно. Я не сомневаюсь: они помнят все, о чем мы говорили. Я просил девочек быть особенно нежными с тобой, помнить о своем долге, бороться с тем, что мы с ними называли "внутренними врагами". Уверен: когда я вернусь, я смогу гордиться своими дочерьми больше прежнего".

Тут прослезились все, и Джо не пришлось стыдиться того, что по ее носу скатилась огромная слеза. А Эми совсем не тревожилась по поводу своих растрепавшихся кудрей. Она уткнула мокрое от слез лицо в материнскую грудь и, всхлипывая, проговорила:

– Я знаю! Я слишком люблю себя! Но я постараюсь быть другой! Папа не разочаруется во мне.

– Мы все постараемся! – подхватила Мег. – Я, например, слишком обращаю внимание на свою внешность. И не люблю трудиться. Но я попробую взять себя в руки. Если, конечно, смогу.

– А я, как просил папа, постараюсь стать "маленькой женщиной", – сказала Джо. – Попробую быть помягче. И исполнять свой долг здесь, а не ждать неизвестно чего. Мне иногда кажется, что держать себя в руках дома куда труднее, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бет ничего не сказала. Она просто вытерла слезы голубым носком, который вязала для солдат-северян, и снова взялась за спицы. Не придумывая себе других обязанностей, она попросту решила, что чем больше будет работать, тем сильнее обрадуется отец, когда вернется домой.

– А помните, когда вы были совсем маленькие, вы играли в "Странствия пилигрима"? Как вы радовались, когда я вместо котомок привязывала вам на спину свои старые сумочки, а на головы надевала шапки! Потом в одну руку вы брали по палке, а в другую – свиток

бумаги. И пускались в странствие по дому. Начинали с подвала, это был Разрушенный город, и добирались до крыши – там у вас был Небесный град.

– Да, здорово! – тут же отозвалась Джо. – Мы проходили мимо Львов, вступали в битву с демоном бездны Аполлионом, а потом попадали в Долину гномов.

– А мне больше всего нравилось, когда мы сбрасывали с себя котомки, и они скатывались вниз по лестнице, – сказала Мег.

– А я всегда ждала, когда мы поднимемся на крышу. Там мы становились рядком между цветов, кустов и разных красивых вещей; нас освещало солнце, и мы пели хором.

– А я мало что помню про эту игру. Помню, как мне нравилось, когда мы забирались на крышу, ели пирог и запивали его сиропом. Жаль, что я уже выросла. Я бы с удовольствием поиграла в пилигримов, – сказала Эми, которая, едва ей исполнилось двенадцать, начала вполне серьезно утверждать, что пора уже ей оставить детские забавы.

– Ошибаешься, милая, – возразила миссис Марч. – В эту игру каждый человек играет до самой смерти. У каждого из нас есть свои ноши и дорога, а путь к Небесному граду безошибочно укажет нам стремление к добру и счастью. Пусть стремление это окажется сильнее невзгод и ошибок. Итак, дорогие мои, отчего бы вам снова не стать пилигримами? Только теперь не понарошке, а всерьез. Интересно, каких успехов добьется каждая из вас к папиному возвращению?

– Верно, мама. А где наши котомки? – осведомилась Эми, которая в силу своего возраста воспринимала все слишком буквально.

– Ваши котомки? – отозвалась мать. – Но ведь вы только что признались, какие недостатки вас угнетают. Вот это и есть ваши

котомки, ваша ноша. С ними и отправляйтесь в "Странствия пилигрима". А Бет молчит. Видно, ее ничто не обременяет.

– Нет, мама. У меня есть своя ноша. Я не люблю мыть посуду и возиться с пыльными тряпками. Я завидую девочкам, у которых есть хорошие рояли. И еще я боюсь посторонних людей.

"Ноша" Бет показалась всем столь смехотворной, что и матери и дочерям стоило немалых усилий сохранить серьезный вид. И все-таки никто не позволил себе даже улыбнуться – они ведь знали, что это обидит Бет.

– Давайте попробуем, – задумчиво проговорила Мег. – Может, это и правда поможет нам стать лучше? Ведь каждая из нас хочет этого. Не так-то легко избавиться от своих недостатков. Мы ведь часто даже против воли ведем себя не так, как хотелось бы. А тут сама игра не даст нам забыть, и мы будем следить за собой.

– Ну да! Вот, например, сегодня мы были в Пучине отчаяния. А потом пришла Марми, и мы почувствовали, будто пришла Помощь и вызволила нас на свет. Нам надо сделать что-то вроде Свода устремлений, ну, как у христианина из "Странствий пилигрима", – предложила Джо. – Только вот как? – задумалась она.

Джо очень понравилась эта идея. "Странствия пилигрима" придавали скучным домашним обязанностям увлекательность и даже таинственность.

– Загляните в рождественское утро под подушку. Там каждая найдет для себя Свод устремлений, – ответила миссис Марч.

Они так увлеклись этой затеей, что засиделись в столовой до той поры, пока старая служанка Ханна не пришла убирать посуду. Потом на свет извлекли четыре корзинки для рукоделия, и у девочек замелькали

в руках иголки. Сегодня они подшивали простыни для тетушки Марч. Это была нудная работа, но почему-то никто не ворчал. Джо кое-что придумала, и вместо скучных и нескончаемо широких краев полотна перед мысленным взором девочек вдруг предстали континенты – Европа, Азия, Африка и Америка. Дело пошло веселее. Каждый рассказывал все, что знал о своем континенте, и за разговорами работа шла быстрее.

В девять вечера девочки, как обычно, отложили шитье и перед сном спели несколько песен. Бет, которая умела хорошо играть на стареньком фортепиано, аккомпанировала. Пальцы ее легко касались пожелтевших клавиш, извлекая нежные, чистые аккорды, а девочки пели незатейливые песни. Голос Мег звучал чище, чем флейта, и они вместе с матерью вели за собой маленький хор. Пение Эми смахивало на уютные рулады сверчка, а Джо вообще пела какие-то свои особые мелодии, и голос ее явно не способствовал слаженности хора.

И все-таки никакие оплошности не мешали семейству Марч ощущать в эти минуты перед сном подлинное блаженство. Безыскусные песни, которые они пели с тех пор, как едва научились говорить, сплачивали их, и они как никогда чувствовали поддержку друг друга, и на душе у каждой становилось радостно и спокойно.

Кроме того, миссис Марч и впрямь обладала певческим даром. Первое, что слышали девочки, пробуждаясь, была песня матери. Голос ее лился свободно, без натуги, словно песня жаворонка. И засыпали девочки тоже под пение матери. Когда сестры подросли, они никак не хотели отказываться от колыбельной, которую так чудесно пела им миссис Марч.

Глава II

Рождество

Первой в рождественское утро проснулась Джо. Рассвет выдался серый, сумрачный. Джо глянула по привычке на каминную полку, где девочки всегда находили чулки с рождественскими подарками, но на этот раз она была пуста. На какой-то миг Джо охватило разочарование. Однажды она уже испытала его, когда была совсем маленькой: предназначенный ей чулок был туго набит, так туго, что от тяжести свалился на пол, а Джо решила, что ей единственной ничего не подарили. Правда, сейчас она недолго предавалась грусти, вспомнив, что мама советовала заглянуть под подушку. Джо так и поступила – вот он, томик в красном переплете.

О, Джо прекрасно знала эту книгу! В ней рассказывалось о жизни столь добродетельной, что, без сомнения, любой "пилигрим" мог пользоваться ею как путеводителем и найти в ней выход из самых трудных ситуаций. Это было Евангелие.

Джо тут же побежала будить Мег. Растолкав сестру и пожелав ей счастливого Рождества, она посоветовала ей заглянуть под подушку – и тут же на свет появился еще один экземпляр Евангелия, в зеленом переплете. Вслед за Мег проснулись Бет и Эми. Одной из них досталось Евангелие в сером переплете, другой – в синем. В каждой из четырех книг была дарственная надпись матери, что придавало подарку особенную ценность.

Потом сестры принялись рассматривать книги. Тем временем небо на востоке порозовело, и в комнате стало совсем светло.

– Девочки, – сказала Мег и по очереди посмотрела на каждую из сестер. – А ведь мама не просто так подарила каждой из нас Евангелие. Она хочет, чтобы мы побольше читали его и думали. С тех пор как папа ушел на войну, мы все немного распустились. Не знаю, как вы, а я положу свою книгу на тумбочку возле кровати и буду каждое утро читать хоть по несколько страниц. Уверена, мне будет о чем поразмыслить в течение всего дня. А первые страницы я прочту прямо сейчас.

Мег была не чужда тщеславия, что, впрочем, не мешало ей оставаться доброй и набожной. Сестры любили и слушались ее. Даже строптивая Джо всегда смирялась перед мягкостью и редким тактом сестры.

Мег открыла книгу и стала читать. Джо тоже углубилась в чтение, обняв старшую сестру за плечи, и на необычайно подвижном лице ее воцарилось выражение сосредоточенности.

– Наша Мег просто молодчина. Давай, Эми, и мы начнем читать свои книги, – тихо сказала Бет, которую решение двух старших сестер восхитило не меньше, чем подарок матери. – Мы будем читать вместе. Если тебе, Эми, встретятся трудные слова, я помогу, а если и я не пойму, Мег или Джо нам объяснят.

– Как здорово, что моя книга синяя, – сказала Эми.

Потом стало очень тихо. Даже страницы девочки переворачивали почти без шелеста. Они так увлеклись, что не заметили, как прошло полчаса.

– Но где же Марми? – удивилась Мег, когда, закрыв наконец книги, сестры спустились вниз поблагодарить мать.

– Понятия не имею, – ответила Ханна. – К нам пожаловало какое-то несчастное существо, и ваша матушка тут же побежала помогать. Никогда еще не видела женщины, которая так любила бы разбазаривать продукты, одежду и топливо.

Ханна жила в семье Марч с самого рождения Мег, и семейство давно перестало считать ее служанкой. Марчи относились к Ханне как к близкой родственнице.

– Мама, наверное, скоро придет, – сказала Мег, – так что давайте пока все приготовим. – И Мег кинула выразительный взгляд на корзину с подарками, которую сестры до поры до времени спрятали под диван. – А где же флакон духов?

– Эми только что взяла его, – объяснила Джо, которая, надев новые тапочки, танцевала, чтобы размять их. – Наверное, она надумала обвязать его ленточкой.

– Мои носовые платки выглядят совсем неплохо, правда? Я попросила Ханну выстирать их и выгладить, а потом сама вышила метки. – И Бет горделиво посмотрела на не слишком-то ровные буквы, которые тем не менее потребовали от нее немалого труда.

– Милый ты мой ребенок, – засмеялась Джо, разглядывая платочек. – Вместо "Марч" вышила "Мама"!

– А что? – расстроилась Бет. – Я думала, так лучше. Вот у Мег ведь тоже инициалы "М. М.", а мне хотелось, чтобы всем сразу было понятно, что эти платки мамины.

– Правильно, милая. Ты очень хорошо все придумала. Так действительно будет лучше. Уверена, маме твои платки очень понравятся, – успокоила девочку Мег.

Она ласково улыбнулась Бет и кинула осуждающий взгляд на Джо.

Тут дверь в прихожей хлопнула, и в коридоре послышались шаги.

– Мама идет! – крикнула Джо. – Прячьте скорее корзину!

Но это была не мама, а Эми. Сестры недоуменно смотрели на нее; смущенная их пристальными взглядами, Эми опустила голову.

– Где ты была и что прячешь за спиной? – спросила Мег.

Поступок сестры очень ее удивил. Поразительно! С утра пораньше Эми уже куда-то сбегала!

– Только пусть Джо не смеется надо мной, – отозвалась Эми. – Я просто не хотела, чтобы вы узнали раньше времени. Я сбегала в магазин и обменяла маленький флакон духов на большой. Теперь я истратила все свои деньги. Не хочу быть эгоисткой!

И Эми с гордостью продемонстрировала новый нарядный флакон. Он действительно выглядел куда внушительнее прежнего.

Во всем облике Эми чувствовалась искренняя радость и гордость тем, что она сумела преодолеть себя. Мег тут же подошла к ней и ласково обняла за плечи. Джо объявила, что Эми просто молодец, а Бет подошла к окну, где стояли горшки с цветами, и сорвала свою самую лучшую розу, чтобы украсить новый флакон.

– После того как мы почитали утром, мне стало стыдно… Вот я и побежала в лавочку… Я так рада, что успела… Теперь у меня самый красивый подарок.

Тут входная дверь снова хлопнула, и корзина опять была отправлена под диван, а девочки быстро уселись за стол.

– Счастливого Рождества, Марми! Поздравляем! Спасибо за книги! Мы уже начали их читать. Теперь будем читать каждое утро! – перебивая друг друга, выпалили сестры.

– Счастливого Рождества, дочки! Хорошо, что вы уже начали читать. Правильно, продолжайте каждое утро. Но пока мы не сели завтракать, мне нужно вам кое-что сказать. Недалеко отсюда живет одна несчастная женщина. У нее совсем недавно родился малыш, а шестеро

старших детей вынуждены спать в одной постели, чтобы хоть как-то согреться. У них нет ни еды, ни дров, чтобы развести огонь. Старший мальчик зашел утром и рассказал, как они бедствуют. И вот что я хотела вам предложить, дети. Давайте отдадим им наш праздничный завтрак. Пусть это будет для них подарком к Рождеству.

Девочки не ответили, они долго ждали завтрака, и им очень хотелось есть. И все-таки, помолчав, Джо отчетливо произнесла:

– Хорошо, что ты успела до того, как мы начали завтракать!

– А можно и мне пойти? – спросила Бет. – Я помогу нести еду для бедных детей.

– Я отнесу им сливки и булочки, – решительно заявила Эми.

Тот, кто знал Эми, мог по достоинству оценить этот акт самопожертвования: сливки и булочки были ее самым любимым лакомством.

Тем временем Мег сложила в миску гречневые оладьи и теперь укладывала ломти хлеба на большое блюдо.

– Вижу, я в вас не ошиблась, – сказала миссис Марч и улыбнулась. – Думаю, мы пойдем все вместе. Вы поможете мне, а потом мы вернемся домой и позавтракаем хлебом с молоком. В конце концов, до обеда останется не так уж много времени. Думаю, не умрем с голода.

Вскоре все было готово, и семейство Марч отправилось в путь. Со стороны утреннее шествие с рождественским завтраком в руках могло показаться достаточно забавным. Но, к счастью для нашей маленькой процессии, люди еще не вышли на улицу, и, так и не попавшись никому на глаза, семейство переулками добралось до цели.

Вошли в нищенское жилище. Такого убожества девочкам еще не приходилось видеть! Выбитые окна, потухший очаг, ветхое тряпье на кровати, а под ним – больная женщина с орущим младенцем и голодные ребятишки постарше.

Какой радостью засветились лица этих несчастных, когда они увидели, что принесли им девочки!

– О, майи готт! Верно, это сами ангелы снизошли до нас! – воскликнула женщина, и на глаза ее навернулись слезы.

– Хороши ангелы в варежках и капюшонах! – усмехнулась Джо.

Ее слова были встречены дружным смехом.

Несколько минут спустя казалось, что в доме и впрямь потрудились добрые духи. Ханна принесла дрова и развела огонь в очаге, а потом, пустив в ход старые шляпы и собственную шаль, законопатила дыры в оконных проемах. А миссис Марч перепеленала малыша и угостила кашей и горячим чаем больную женщину, уверив ее, что не оставит их в беде.

Девочки накрыли стол и, рассадив детей вокруг пылающего очага, угощали их. Позавтракав, ребятишки принялись весело болтать, перемежая английские и немецкие слова, и девочки Марч с трудом понимали эту причудливую мешанину.

– Как хорошо! Дети-ангелы принесли нам поесть! Теперь у нас сытость в животах и тепло вот тут, – твердили несчастные дети, непрерывно работая челюстями и протягивая руки к весело потрескивающему пламени.

Никто еще не называл девочек Марч ангелами, и теперь, слыша о себе такое, они были довольны. В особенности это понравилось Джо,

которую с рождения, кажется, иначе как сорванцом не величали. Словом, несмотря на то, что у сестер с самого утра не было и маковой росинки во рту, завтрак пришелся им по душе. Конечно, девочки были голодны, но, вернувшись домой и позавтракав хлебом с молоком, каждая из них чувствовала, что одержала победу.

– Наверное, это и значит: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя", – сказала Мег. – Вроде сегодня у нас это вышло.

Воспользовавшись тем, что миссис Марч поднялась наверх собрать одежду для семейства Хуммелей (тех самых несчастных, кого они навещали утром), девочки достали из-под дивана корзину и разложили подарки.

Конечно, в лучшие времена семейство Марч знавало куда более богатые подарки на Рождество, но в свои маленькие пакетики девочки вложили столько любви, а высокая ваза с красными розами и белыми хризантемами придавала скромным дарам такую нарядность, что выглядело все очень празднично.

– Идет! Идет! Садись, за рояль, Бет! А ты, Эми, открой маме дверь. Ура в честь Марми! – закричала Джо, прыгая от нетерпения.

Бет заиграла веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег не спеша провела миссис Марч по столовой и усадила на почетное место.

Миссис Марч очень тронули приготовления в ее честь. Она разглядывала подарки, читала записки, которые дочери вложили в пакетики, и в глазах у нее стояли слезы. Она немедленно надела новые тапочки, смочила духами Эми и отправила в карман платья один из платков с вышитыми инициалами, примерила перчатки, которые, по ее словам, оказались совершенно впору, и, наконец, приколола к платью лучшую розу, которой, как мы помним, девочки украсили флакон с духами.

Потом последовали поздравления, поцелуи, объятия, смех – словом, все то, что сопутствует семейным торжествам и придает им особое обаяние.

Когда же веселье несколько угасло, все принялись за дело. Утреннее путешествие и вручение подарков отняли так много времени, что остатка дня едва хватало на приготовление к вечернему торжеству.

Девочкам нечасто удавалось попасть в театр. Скромные средства не позволяли ставить домашние спектакли с той пышностью, с какой бы им хотелось. Но, памятуя о пословице, гласящей, что голь на выдумки хитра, сестры проявляли изобретательность и умудрялись ставить спектакли, делая собственными руками все, что требовалось для воплощения пьесы.

Многие из этих поделок впечатляли остроумием и находчивостью. Гитары из папье-маше, старинные лампы из отслуживших свой век старых соусников, обернутых серебристой фольгой; на царственные мантии шли старые простыни, украшенные блестками, которые девочки вырезали из жестяных консервных банок. Материалами для рыцарских лат служили все те же консервные банки; латы изготовлялись из нескольких жестяных крышек, хитроумно скрепленных воедино.

Мебель переворачивали вверх ногами или переставляли, и в результате комната превращалась в подобие маленького театра, на сцене которого девочки разыгрывали разнообразные представления.

Мальчиков до участия в домашних спектаклях не допускали, и все мужские роли играла, к вящему своему удовольствию, Джо. Надо было видеть, с каким восторгом натягивала она на себя некогда черные сапоги, кожа которых давно порыжела от старости. Сапоги пожертвовала ей подруга, а у той, в свою очередь, была подруга, знакомая с настоящим актером. Вот эти-то сапоги, а также старая рапира для фехтования и продырявленный камзол, когда-то служивший

художнику, который писал картину на рыцарский сюжет, составляли главные сокровища Джо, и она использовала их в каждом спектакле.

Немногочисленность семейной труппы Марчей вынуждала двух главных исполнительниц играть в каждой пьесе по несколько ролей. Они не жалели сил на заучивание и, конечно, заслуживали всяческой похвалы. Впрочем, выучить роли – еще полдела. Мег и Джо носились по сцене как угорелые – меняли костюмы, переставляли декорации. Словом, занятие это требовало от них немало сил.

И вот наступил рождественский вечер. На кровати, которой была отведена роль партера, уселись приглашенные. С волнением, чрезвычайно льстившим исполнителям, девочки взирали на желто-синий ситцевый занавес, из-за которого доносились шорохи, таинственный шепот и смех – это Эми была не в силах соблюдать тишину за кулисами.

Но вот зазвенел колокольчик, занавес открылся, и представление началось. Дремучий лес изображали домашние цветы и зеленая бязевая ткань, расстеленная на полу. В глубине сцены виднелась пещера, верхняя часть которой была сделана из рамы для сушки белья, а боковые стены – из двух комодов. В пещере ярко пылал огонь, над ним висел котел, подле сидела ведьма. Сцену окутывал мрак, и отблеск пламени как нельзя лучше создавал нужную атмосферу. Ведьма сняла крышку с котла, в воздух поднялся пар, и зрители в восторге захлопали. Когда аплодисменты утихли, на сцену вышел злодей Хуго в лихо заломленной шляпе. Кроме того, на нем были сапоги и глухой плащ, который очень подходил к густой черной бороде. Висевшая на боку шпага глухо позвякивала. Хуго пребывал в великом волнении. Продефилировав несколько раз по сцене, он вдруг хлопнул себя по лбу и разразился бурной тирадой, в коей повел речь о том, как любит Зару и как кипит ненавистью к Родриго. Потом он поведал публике о своих великих планах на ближайшее будущее – он намеревается покончить с Родриго и завоевать сердце Зары. Хуго говорил грубым голосом, а когда его одолевали особенно бурные чувства, срывался на крик. На зрителей

этот персонаж произвел не менее сильное впечатление, нежели огонь в пещере, и стоило злодею сделать паузу, как зал разражался аплодисментами.

Злодей Хуго раскланялся с таким видом, точно аплодисменты для него – дело привычное. Потом он подошел к пещере и властным голосом произнес:

– Подойди ко мне, служанка!

Тут на сцене появилась Мег. Пряди из серого конского волоса свисали ей на лицо, а красно-черный балахон, усеянный каббалистическими знаками, и клюка довершали облик колдуньи. Хуго потребовал у ведьмы приворотного зелья, с помощью которого рассчитывал покорить Зару, и одновременно зелья смертельного, коим собирался умертвить Родриго. Колдунья Хагар ответила полной драматического накала тирадой, пообещав доставить злодею и то, и другое. Она воззвала к духу, ведающему любовными напитками:

Прилети сюда, как пух,

Принеси напиток, дух!

Из росы и из цветов

Мне его ты приготовь

И доставь сюда быстрей.

Ну, лети же поскорей!

Тут зазвучала нежнейшая музыка, и из пещеры вышло златокудрое создание с крылышками, в белых одеяниях и с венком роз на голове. Размахивая волшебной палочкой, существо запело:

Я летел с вышины,

Прямо с самой Луны,

Вам я чары принес до утра.

Пусть послужат вам ночь,

Чтоб беду превозмочь.

Их принес я во имя добра!

Крылатый дух бросил к ногам колдуньи позолоченный флакон и исчез, а колдунья пропела еще одно заклинание.

Вдруг на сцене появился призрак в безобразных лохмотьях и черном гриме. Прохрипев что-то в ответ, он бросил под ноги Хуго черный пузырек и, разразившись демоническим хохотом, с шумом прыгнул за кулисы.

Хуго громко поблагодарил колдунью и, заткнув пузырьки за голенища сапог, отправился восвояси.

Колдунья не преминула сообщить почтенной публике, что злодей Хуго уже прикончил нескольких ее друзей; она проклинает Хуго и не пожалеет сил для отмщения. Словом, после заявления колдуньи никто из публики не сомневался, что планам злодея не суждено осуществиться. Занавес закрылся, и зрители, посасывая леденцы, принялись наперебой обсуждать спектакль.

Из-за задвинутого занавеса довольно долго доносился стук молотка, и зрители начали было жаловаться на то, что антракт затягивается. Но вот занавес раздвинулся, и зрители могли оценить титаническую работу декораторов перед вторым действием.

На сцене до самого потолка высилась башня с горящей лампой в окне. Из-за белых занавесок выглядывала Зара, облаченная в голубое платье с серебряными блестками, – она поджидала своего возлюбленного.

Вскоре он явился. На Родриго были берет с пером и красный плащ. Из-под берета выбивались каштановые кудри, в руках он держал гитару, ну и, разумеется, обут он был все в те же знаменитые сапоги.

У подножия башни Родриго преклонил колено и сладостным голосом исполнил серенаду. Зара ответила ему песней, в которой выражалось согласие бежать с ним хоть на край света.

И тут наступил самый эффектный момент спектакля. В руках у Родриго появилась веревочная лестница с пятью ступенями. Один конец Родриго закинул в окно и попросил Зару спуститься вниз. Но бедная Зара забыла, что одета в платье с длинным шлейфом! Эта оплошность ей дорого стоила. Шлейф зацепился за подоконник, башня закачалась и неожиданно обрушилась на несчастных возлюбленных.

Зрители ахнули, а из-под обломков показались порыжевшие сапоги дона Родриго и златокудрая голова его прелестной возлюбленной.

– Я же тебе говорила! Так я и знала! Так и знала! – с укоризной твердила Зара.

Неизвестно, чем бы все кончилось, не прояви дон Педро, жестокосердный отец Зары, неожиданную находчивость. Стремглав

выбежав на сцену, он грубо схватил дочь за руку и потащил в сторону от возлюбленного.

– Делай вид, что так и надо, и не вздумай смеяться, – шепнул он ей на ухо, а вслух сурово отчитал Родриго за нанесенный урон, приказав покинуть пределы его королевства.

Родриго остался глух к словам почтенного джентльмена. Пример его оказался заразителен. Вдохновленная мужеством возлюбленного, Зара заявила, что не покинет дона Родриго. И тогда тиран-отец распорядился бросить обоих в подземелье. Он вызвал тюремщика с цепями, и тот увел строптивых влюбленных. Вид у тюремщика был крайне испуганный – создавалось впечатление, будто он забыл произнести отведенные ему в пьесе слова.

Третий акт трагедии развернулся в зале замка. Снова явилась колдунья Хагар. Она горела желанием освободить влюбленных и покончить с проклятым Хуго. Услышав его шаги, она подсмотрела, как он подмешивает зелье в кубки с вином.

Сделав свое черное дело, Хуго велел робкому тюремщику передать влюбленным кубки.

– Скажи, пусть ждут меня, я приду и освобожу их, – произнес коварный лицемер.

Продолжая что-то обсуждать, Хуго и слуга отошли в сторонку, а Хагар в это время подменила отравленные кубки другими – с чистым вином. И только после того как операция полностью завершилась, слуга Фердинандо вспомнил о поручении Хуго и понес вино двум узникам.

Тут настал волнующий момент. Увидев, что Хуго и сам решил смочить горло, Хагар незаметно поставила на стол кубок, который злодей уготовил несчастному Родриго.

Хуго неспешно осушил кубок и тотчас с безумным видом заскакал по сцене. Это продолжалось довольно долго. Хуго наконец упал и, корчась, замер, что должно было означать гибель злодея.

Все время, пока злодей бился в предсмертных муках, Хагар исполняла чрезвычайно назидательную песню, в которой подробно объяснялось, за какие грехи он наказан.

Словом, сцена была впечатляющая. Правда, эффект несколько снизился из-за того, что у умирающего неожиданно выбились из-под шляпы длинные каштановые волосы. Но Джо не растерялась. Она выбежала со сцены, а секунду спустя появилась вместе с Хагар, чья песня стоила всей пьесы. Раздались аплодисменты, и оплошность с прической была совершенно забыта.

Но не надо думать, что это была последняя сильная сцена. Публике еще предстояло пережить множество волнующих моментов.

Чего, к примеру, стоила сцена, в коей Родриго, услышав лживую весть, будто Зара отказывается от него, вознамерился вонзить себе в сердце кинжал! Он уже приставил клинок к груди, и тут мелодичнейший голос из-за кулис уведомил несчастного страдальца, что Зара верна ему. Тут бы публике немного передохнуть от волнений, но нет – стремительное действие повергает зал в новые переживания. Тот же голос из-за стены сообщает об ужасной опасности, которая нависла над Зарой. Правда, Родриго может спасти девушку. Обладатель голоса не только посоветовал, но и помог Родриго осуществить спасение. Откуда ни возьмись, у ног нашего пылкого героя появился ключ от темницы. Родриго немедленно сорвал с себя цепи и, отворив дверь подземелья, кинулся на выручку Заре.

А пятый акт! Какая бурная сцена разыгралась между Зарой и доном Педро! Тиран-отец требовал, чтобы дочь немедленно ушла в монастырь, но стойкая девушка и слушать об этом не хотела. Она нежно, но твердо

молила отца пощадить ее и, так как он отказался это сделать, собиралась упасть в обморок, но в тот самый момент вбежал дон Родриго и потребовал у дона Педро руки Зары.

Они принялись яростно бороться, но даже эта беспощадная битва не привела к согласию: дона Педро изрядно смущало, что дон Родриго беден, а тот не желал мириться с тем, что отсутствие средств препятствует его семейному счастью. В знак протеста дон Родриго решил увезти Зару силой, но в это время в залу вошел слуга и передал мешок и письмо от колдуньи Хагар, внезапно исчезнувшей из замка. В письме говорилось, что она завещает юным влюбленным несметные сокровища.

Одновременно Хагар обращалась к дону Педро, суля грозному отцу Зары страшные напасти, если он и впредь будет мешать счастью дочери.

Развязали мешок, из него высыпалось такое количество жестяных монет, что они усеяли всю сцену Разумеется, эта куча денег не оставила равнодушным дона Педро, который сразу утратил свою суровость и дал согласие на брак дочери.

Все принялись петь благодарственную песнь, и занавес опустился в тот момент, когда молодые, стоя на коленях, получали от дона Педро благословение.

Бурные аплодисменты сотрясали зал, но тут произошла еще одна неприятность. Складная кровать, на которой расположился "партер", неожиданно рухнула, и зрители попадали на пол. Дон Родриго и дон Педро проворно бросились им на выручку, так что никто не пострадал, если не считать зрителей, которые настолько ослабели от хохота, что едва могли стоять на ногах. Не успела утихнуть вся эта суматоха, как в комнате появилась Ханна.

– Миссис Марч просит молодых леди отужинать с нами, – торжественно объявила она.

То, что ожидало всех в столовой, ошеломило не только гостей, но и сестер Марч. Конечно, они знали, как любит их Марми потчевать гостей, но такого угощения в своем доме девочки не видели с тех пор, как их семья потеряла достаток. На столе стояли разнообразные печенья, блюдо с белым и розовым мороженым, французские конфеты. Украшали рождественский стол четыре вазы с цветами.

Девочки застыли в изумлении, а мать отвечала им счастливым взглядом.

– Какие феи здесь побывали?! – ахнула Эми.

– А может, это все Санта-Клаус? – воскликнула Бет.

– Нет, это наша мама, – сказала Мег, и сквозь седую бороду, которую она не успела снять после спектакля, проступила улыбка.

– Видно, нашу тетушку Марч хватил припадок доброты, и она отгрохала нам ужин! – воскликнула Джо, выразив восторг в своей излюбленной грубовато-мальчишеской манере.

– А вот и не угадали, – ответила миссис Марч. – Все это прислал мистер Лоренс.

– Дедушка того мальчика? – удивилась Мег. – Но как это пришло ему в голову? Мы ведь даже не знакомы с ним.

– Ханна рассказала одной из его служанок, как мы сегодня завтракали. Старого чудака эта история очень позабавила. Много лет назад он водил дружбу с моим отцом. Он напомнил мне об этом в записке, которую прислал сегодня днем. А написал он, чтобы спросить,

не буду ли я против, если он в ознаменование праздника пришлет моим детям сладости. Ну как же я могла ему отказать! Зато теперь у вас настоящее Рождество. Можете считать, что получили это в награду за скромный завтрак.

– Тот самый мальчик ему посоветовал. Замечательный человек! Жаль, что мы не знакомы. Мне кажется, он бы не прочь с нами познакомиться, только стесняется. Я хотела заговорить с ним, но Мег не позволила. А чего тут такого, раз он все равно проходил мимо! – выпалила Джо.

Тем временем гостям раздали тарелки, и в сопровождении восторженных охов и ахов мороженое стало исчезать.

– О ком ты говорила? – спросила одна из приглашенных девочек. – Это ваши соседи? Моя мама знакома с мистером Лоренсом. Он очень заносчивый старик, надменный, ни с кем из соседей не знается. И внука своего никуда не пускает. Бедному мальчику разрешается только кататься на пони или гулять с воспитателем. Вот и все. Дед все время заставляет его заниматься. Мы приглашали его в гости, но он не пожелал. Мама считает, он хороший мальчик, но он никогда не разговаривает с девочками.

– Ничего подобного! – решительно возразила Джо. – Однажды у нас пропала кошка, а он ее нашел и принес. Потом он стоял у забора, и мы отлично поговорили о крокете и о других вещах, а когда подошла Мег, он сразу ушел. Ничего, я все равно подружусь с этим мальчиком. По-моему, он помирает от скуки. Должен же человек с кем-нибудь общаться!

– По-моему, этот мальчик хорошо воспитан, – поддержала Джо миссис Марч. – Он держит себя как джентльмен. Думаю, вам действительно стоит познакомиться с ним поближе. Эти цветы принес сегодня он. Знала бы я, что у вас делается наверху… Надо было его

пригласить. Он услышал, какой шум доносится от вас. Видно было, что ему очень не хочется уходить. Он, конечно, ничего не сказал, но, когда прощался, у него сделалось такое грустное лицо… Мне показалось, ему живется не очень весело.

– Ты права, – улыбнулась Джо и, критически оглядев свои сапоги, добавила: – Не надо было сегодня его приглашать. Мы сделаем по-другому. Поставим новый спектакль специально для него и позовем его. Может, он сам согласится играть? Вот было бы здорово!

– Никогда еще мне никто не дарил букетов, – сказала Мег. – Какие красивые цветы!

– Цветы прекрасные, но розы Бет мне все равно дороже, – отозвалась миссис Марч и понюхала розу, которая по-прежнему украшала ее платье.

Бет ласково прижалась к матери:

– Жаль, что нельзя послать папе букет. Боюсь, ему выдалось не такое веселое Рождество.

Глава III

Лоренс-младший

– Джо? Где ты, Джо? – звала Мег, стоя у чердачной лестницы.

– Я тут, – не сразу донесся сверху сдавленный голос.

Мег взбежала на чердак и нашла Джо на ее любимом месте.

Закутавшись в плед, она сидела на софе с отломанной ножкой, лила слезы над романом Шарлотты Лонг "Наследник Редклифа" и одновременно ела большое яблоко. Джо всегда уединялась сюда, прихватив интересную книгу и с полдюжины яблок. Здесь ей ничто не мешало, и она вдоволь наслаждалась чтением и тишиной.

На чердаке жила крыса. Они с Джо давно привыкли друг к другу, и славное животное охотно откликалось на кличку Скребл. Сейчас Скребл тоже наслаждалась обществом своей юной подруги, и лишь появление Мег вынудило ее скрыться в норке. Джо оторвалась от чтения и, вытирая ладонью слезы, вопрошающе посмотрела на сестру.

– Угадай, от кого мы только что получили приглашение? От миссис Гардинер! Завтра она ждет нас к себе. – Мег торжествующе помахала перед носом у Джо бумажкой, затем развернула ее и прочла вслух: – "Миссис Гардинер будет счастлива видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч на маленьком новогоднем балу". Марми сказала, что отпускает нас. Вот только что мы наденем?

– А чего гадать понапрасну? – И Джо обиженно надула губы. – Сама прекрасно знаешь: кроме поплиновых[4] платьев у нас ничего нет.

– Как мне хочется шелковое платье! – вздохнула Мег. – Мама обещает, когда мне исполнится восемнадцать лет… Но до этого еще два года ждать…

– Впрочем, наши поплиновые платья выглядят не хуже шелковых. Они достаточно нарядны. Особенно твое, Мег. Совсем как новое. Вот с моим дело обстоит хуже. На нем появилась дыра, я его подпалила. Что делать, прямо ума не приложу. Подпалина очень заметна.

– А ты сиди в гостях смирно! И не поворачивайся спиной! Спереди-то оно нормальное. Я вплету в волосы новую ленту, а мама даст мне свою

жемчужную булавку. Бальные туфли у меня новые и выглядят прелестно. Перчатки не в очень хорошем состоянии, но и они сойдут.

– А на моих пятна от лимонада. Новые мне купить не на что, придется обойтись вообще без них, – сказала Джо, которая, впрочем, никогда не придавала особенного значения одежде.

– Или ты наденешь перчатки, или я вообще никуда не пойду, – строго предупредила Мег. – Перчатки самое главное. Без них нельзя танцевать. Что же ты, просидишь на балу весь вечер без танцев?! Да я просто сгорю из-за тебя от стыда.

– Ну и что, если я не буду танцевать? Ты же знаешь, я не очень люблю бальные танцы. Что это за танцы, где нельзя как следует покружиться и попрыгать?

– Н-да, – задумчиво произнесла Мег и, пропустив мимо ушей тираду Джо по поводу танцев, принялась рассуждать вслух, как выйти из положения. – У мамы нечего и просить. Она говорит, что ты не умеешь обращаться с перчатками, и больше она не будет тебе их покупать. Кроме того, это действительно дорого. Слушай, а если их почистить?

– Можно держать их в руках, – предложила Джо. – И пятен никто не заметит. Хотя нет, есть еще один выход. Ты мне даешь одну свою перчатку, а я тебе – свою. Твои, хорошие перчатки, каждая из нас наденет на одну руку. А мои, плохие, мы будем держать в руке. Тогда пятен не будет видно. Ясно?

– Но у тебя рука больше моей. Перчатка растянется, – сказала Мег, которая очень ревностно следила за состоянием своих перчаток.

– Тогда я пойду без перчаток. Мне-то, в отличие от тебя, безразлично, что про меня скажут! – крикнула Джо и снова взялась за книгу.

– Ладно, уговорила! Только, чур, не пачкать мою перчатку и вообще постарайся вести себя прилично. Не держи руки за спиной. Не глазей на людей и не кричи как оглашенная! Договорились?

– За меня можешь не волноваться. Постараюсь быть паинькой и надеюсь, что в этот раз ни с кем пререкаться не стану. Так что иди скажи, что мы принимаем приглашение, а я пока дочитаю. Чудесная книга! Мне очень хочется узнать, чем тут все кончится.

Мег пошла сказать, что они с благодарностью принимают приглашение. Потом внимательно осмотрела платье и надумала подшить к нему кружевную оборку Весело напевая, она тут же принялась за дело.

Джо тоже не зря провела время. Она дочитала книгу, съела еще четыре яблока и напоследок успела поиграть с крысой Скребл, которая вышла из укрытия тотчас после того, как Мег покинула чердак.

Перед самым Новым годом гостиная Марчей опустела. Младшие сестры взяли на себя роль костюмерш, а старшие с их помощью сосредоточенно готовились к выходу в свет. Несмотря на то что наряды их не отличались изысканностью, облачение сопровождалось лихорадочной беготней, смехом, спорами, и, наконец, по всему дому разнесся запах паленых волос. Это Мег решила, что ей очень пойдут локоны. Джо вызвалась поправить прическу сестры горячими щипцами.

– Волосы всегда так дымятся при завивке? – полюбопытствовала Бет, которая взобралась на кровать и с интересом наблюдала за действиями Джо.

– Конечно! Это влага испаряется, – невозмутимо ответила Джо.

– И все-таки странный запах! Как курицу на огне палят, – заметила Эми и самодовольно поправила собственные кудряшки.

– Ну а теперь я сниму с нее папильотки, и наша Мег вся будет в мелких кудряшках.

Джо принялась снимать с Мег папильотки, но обещанных кудряшек не получилось. Папильотки снимались вместе с волосами! Выкатив глаза от ужаса, Джо аккуратно сложила бумажки с обгорелыми волосами на столик, и теперь Мег получила возможность воочию оценить результаты труда незадачливой парикмахерши.

– О-о-о! Что ты наделала? Все кончено! Я не смогу выйти из дома! – стонала Мег, разглядывая обгоревшую челку.

– Вечно мне не везет! – горестно вздохнула Джо. – И зачем только ты просила сделать прическу? Ты же знаешь – я всегда все порчу! Понимаешь, щипцы были слишком горячие. В этом все дело.

– Да не расстраивайся, – принялась утешать Эми. – Надо завить волосы и перехватить их лентой, чтобы концы падали на лоб. Получится очень модная прическа. Я видела, многие девушки так ходят.

– Я сама во всем виновата, – сокрушалась Мег. – Вот что бывает, когда непременно хочешь выглядеть лучше. Ведь у меня была вполне приличная прическа.

– Я тоже так считаю. Тебе очень идут гладкие волосы. Тем более, что они у тебя красиво лежат. Ну ничего, волосы быстро отрастают, – спешила Бет успокоить сестру.

Чуть позже, пройдя сквозь ряд новых испытаний, ни одно из которых, впрочем, не дотягивало до размаха бедствия с прической, Мег была готова к выходу.

Объединенными усилиями всего семейства привели в порядок и Джо. Волосы ей забрали в пучок, а потом девочку облачили в платье.

Словом, сестры совсем неплохо выглядели в своих простых нарядах. На Мег было серебристо-серое платье с кружевной оборкой. Волосы перехвачены голубой бархоткой, а к платью приколота жемчужная булавка. На Джо было коричневое платье со строгим белым воротничком. Единственным украшением ей служили две белые хризантемы.

Как и уговорились, Мег и Джо надели по одной хорошей перчатке, а испорченные несли в руках. Оглядев девочек, семейство пришло к выводу, что они выглядят очень мило и непринужденно. Правда, бальные туфли на высоких каблуках страшно жали Мег, но она никому не признавалась в этом. Что касается Джо, ей казалось, будто все девятнадцать шпилек воткнули ей прямо в голову. Но какая женщина не готова пострадать ради красоты!

– Желаю вам хорошо провести вечер, мои милые, – напутствовала миссис Марч дочерей, чинно спускающихся по ступеням. – Ешьте умеренно и не заставляйте Ханну ждать. Она придет за вами к одиннадцати.

Не успела за сестрами захлопнуться калитка, как в доме распахнулось окно.

– Девочки! Девочки! – донесся голос матери. – А носовые платки вы взяли?

– Взяли. У нас на редкость красивые носовые платки! – засмеялась Джо и повернулась к Мег: – По-моему, мама и в случае землетрясения не забудет про чистые носовые платки.

– Правильно, – ответила Мег. – В этом и проявляется истинный аристократизм. Настоящую леди узнаешь в первую очередь по безукоризненно чистой обуви, перчаткам и чистому носовому платку, несмотря ни на какие обстоятельства. Ты не забыла, Джо, что тебе

нельзя поворачиваться другой стороной? – продолжала свои наставления Мег, стоя перед зеркалом в гардеробной миссис Гардинер. – Иначе все заметят пятно. Как мой пояс? А волосы? Не слишком ужасно выглядят? – И она еще раз придирчиво оглядела себя в зеркало.

– Боюсь, я забуду про свое платье, – честно ответила Джо. – Если я что-то сделаю не так, мигни мне, ладно? – И, поправив воротник, она наскоро провела щеткой по голове.

– Нет, подмигивать я не буду. Это неприлично. Если ты что-то сделаешь не так, я чуть-чуть подниму брови, а если все будет нормально, кивну. Спину держи прямо и ступай маленькими шажками. Когда тебя будут с кем-нибудь знакомить, не пожимай руку, это не принято.

– И как только у тебя в голове держатся все эти правила? Я вот никак не запомню их. Веселая музыка, а? – тут же переключилась Джо на более интересную тему.

Сестры вошли в зал и сразу немного оробели. В гостях они бывали нечасто, и подобные выходы были для них весьма важным событием.

Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, ласково поздоровалась с сестрами и вверила их попечению старшей из шести своих дочерей. Мег была знакома с Салли и скорее освоилась в ее обществе. А вот Джо заскучала. Она не любила девчачьей компании и теперь, подпирая стену, чувствовала себя подобно жеребенку, который случайно забрел в цветник.

Ее влекло в другой угол комнаты, где шестеро юношей весело рассуждали о катании на коньках. Вот с ними Джо чувствовала бы себя вполне в своей стихии! Она обожала кататься на коньках! Джо взглядом спросила у сестры, будет ли прилично подойти к молодым людям, но та столь угрожающе вскинула брови, что Джо пришлось остаться на месте.

Никто не заговаривал с Джо. Постепенно девушки, стоявшие рядом с ней, рассеялись по комнате, и теперь она оказалась в полном одиночестве. Разгуливать по залу она не могла – боялась, что тогда подпалина на платье станет заметна. Вот почему до начала танцев она так и простояла на месте, окидывая зал тоскливым взором.

Как только заиграла музыка, Мег тотчас же пригласили на танец, и глядя, как грациозно скользит она по натертому паркету, трудно было догадаться, какие страдания причиняет ей каждое па – туфли немилосердно жали. Но Мег продолжала скользить в танце, и на лице ее блуждала безмятежная улыбка.

Тут Джо заметила, что к ней приближается долговязый рыжий юноша. Боясь, как бы он не вздумал пригласить ее на танец, Джо поспешила в укрытие, в качестве которого избрала занавешенный альков. Здесь она намеревалась обрести полную безопасность и спокойно наблюдать за балом. Однако тут же выяснилось, что не одну ее застенчивость повлекла в этот укромный уголок. Едва она ступила за занавес, как оказалась лицом к лицу с юным мистером Лоренсом.

– Простите, я не думала, что здесь кто-то есть, – пробормотала Джо и приготовилась покинуть сию обитель с не меньшей стремительностью, нежели проникла сюда.

Но мальчик засмеялся и радушно предложил:

– Оставайтесь, если желаете, и не обращайте на меня внимания.

– Я не помешаю вам?

– Нет-нет, ничуть. Я здесь никого не знаю и чувствую себя совсем чужим.

– Я тоже. Нет-нет, если вы не спешите, останьтесь, пожалуйста.

Мальчик сел и, опустив голову, принялся сосредоточенно разглядывать ботинки. Он предавался этому занятию до тех пор, пока Джо, собрав все свои небогатые запасы светскости, не произнесла:

– Мне кажется, я уже имела удовольствие встречать вас раньше. Вы живете недалеко от нас, верно?

– В соседнем доме, – ответил он и, подняв голову, рассмеялся, настолько позабавила его церемонная речь Джо.

И это после того, как они запросто болтали с Джо о крокете, когда он разыскал их кошку!

Смех его мигом избавил Джо от смущения. Она тоже засмеялась и в свойственной ей грубоватой, но искренней манере сказала:

– А ваш рождественский подарок пришелся нам очень кстати.

– Это дедушка прислал.

– Но придумали-то все вы, верно?

– Мисс Марч, а как поживает ваша кошка? Какое славное создание, – ответил юный Лоренс. Все это он произнес с совершенно серьезным видом, но по тому, как блестели его глаза, легко было догадаться, что он изо всех сил удерживался от смеха.

– С кошкой все обстоит прекрасно, благодарю вас, мистер Лоренс. Только не надо называть меня мисс Марч. Просто Джо, – взмолилась наша юная леди.

– В таком случае и я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс? Какое странное сочетание…

– Вообще-то меня зовут Теодор. Но мне это имя не нравится. Понимаете, все ребята тут же начинали звать меня просто Дора. Получается как-то по-женски. Вот я и стал называть себя Лори.

– Мне тоже мое имя не нравится. Джозефина! Звучит слишком сентиментально. Вот если бы все называли меня Джо! Но как вы добились, что мальчишки перестали звать вас Дорой?

– Я их побил.

– Нет, мне это не подходит, – грустно вздохнула Джо. – Не могу же я побить свою тетушку! Увы, тут ничего не поделаешь!

– А почему вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори, с явным удовольствием выговорив ее имя.

– Я люблю танцевать, – возразила Джо, – но только когда много места и танцы веселые. А в такой тесноте, как здесь, я непременно что-нибудь сворочу, или наступлю кому-нибудь на ногу, или сделаю еще что-то ужасное. Вот я и стараюсь держаться в стороне. Пусть себе Мег веселится. А вы любите танцевать?

– Иногда. Видите ли, я несколько лет прожил за границей. Я здесь недавно и еще не очень хорошо разбираюсь, что тут принято, а что – нет.

– За границей! – воскликнула Джо. – Я так люблю слушать о путешествиях! Расскажите мне, пожалуйста.

Поначалу Лори растерялся: он не знал, с чего начать. Но Джо закидала его вопросами, и, отвечая ей, Лори принялся вспоминать, как учился в Вевейской школе, где мальчики круглый год ходят без

головных уборов. У школьников там целый флот на озере! А во время каникул они вместе с учителями отправляются в увлекательнейшие походы по Швейцарии.

– Как я хотела бы туда попасть! – в восторге воскликнула Джо. – А в Париже вы были?

– Мы жили там прошлой зимой.

– И по-французски говорите?

– В Вевейе нам не разрешалось говорить ни на каком другом языке, кроме французского.

– Ну скажите что-нибудь! Читать по-французски я умею, но не знаю, как правильно произносить.

– Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies? – добродушно спросил Лори.

– Какое у вас прекрасное произношение! Вы сказали: "Как зовут эту девушку в красивых туфлях?" Правильно?

– Oui, mademoiselle[5]. Да.

– Посмотрите, это моя сестра Маргарет. Она красивая?

– Да, напоминает немецких девушек. От нее веет свежестью и спокойствием. И танцует она, как настоящая леди.

От этого по-мальчишески простодушного комплимента старшей сестре Джо зарделась от удовольствия. Она мысленно повторила про себя слова молодого Лоренса, чтобы потом дословно передать их Мег.

Продолжая болтать, они наблюдали из-за занавеса за происходящим в зале и то обменивались критическими замечаниями, то посмеивались. Вскоре у них возникло ощущение, что они давным-давно знакомы.

"Интересно, сколько ему лет?" – подумала Джо. Ей давно хотелось это узнать, но она сдерживала нетерпение и тактично повернула разговор на интересующую ее тему.

– Вам, наверное, скоро поступать в колледж? Я видела, как вы корпите над книгами… То есть, я хотела сказать, упорно занимаетесь, – поправилась Джо, покраснев оттого, что у нее невзначай вырвалось выражение "корпите над книгами", которое сейчас показалось ей очень вульгарным.

Кинув осторожный взгляд на Лори, Джо поняла, что ее слова совершенно его не шокировали. Он улыбнулся и, пожав плечами, ответил:

– Ну, до этого у меня есть еще два-три года. В колледж не поступают раньше семнадцати лет.

– Значит, вам всего пятнадцать? – удивленно спросила Джо; ей казалось, что рослому Лори никак не меньше семнадцати.

– Мне через месяц будет шестнадцать.

– Я мечтаю поступить в колледж, – продолжала Джо, – а вы, по-моему, не очень рветесь туда?

– Мне даже думать об этом противно. Студенты делятся на два рода – зубрил и лентяев. А мне не хочется быть ни тем, ни другим.

– А что же вам хочется?

– Уехать в Италию и жить как мне нравится.

Джо было очень любопытно, как же ему нравится жить, однако мальчик произнес эту короткую тираду с таким суровым видом, что Джо решила переменить тему.

– Какая чудесная полька, – сказала она, легонько отбивая ногой такт. – Почему вы не танцуете?

– Ну, если вы пойдете… – И он отвесил ей полупоклон как настоящий француз.

– Ой, я не могу, – спохватилась Джо, – я ведь обещала Мег, что не буду, у меня… – И девочка замялась, не зная, стоит ли объяснять истинную причину.

– Что у вас? – переспросил Лори.

– А вы никому не скажете?

– Никогда.

– Понимаете, у меня есть дурная привычка, я становлюсь слишком близко к огню… и часто прожигаю платья. Вот и с этим произошло то же самое. Прожженное место заштопали, и его не очень-то видно. Но Мег говорит, чтобы я не поворачивалась этим боком к гостям. Теперь вы, мистер Лори, можете вдоволь посмеяться. Это действительно смешно.

Но Лори смеяться не стал. Он постоял, опустив голову, а когда посмотрел на Джо, выражение его глаз порядком ее озадачило.

– Все это не имеет никакого значения, – сказал он. – Мы, пожалуй, вот что сделаем. Тут есть довольно просторный холл. Давайте там потанцуем, и нас никто не заметит. Пойдемте, я вас очень прошу.

Джо с благодарностью согласилась.

Увидев, что ее кавалер натянул на руки безукоризненные перчатки жемчужно-серого цвета, Джо пожалела, что у нее самой всего одна хорошая перчатка. Но холл был пуст, и они, не привлекая внимания, танцевали в свое удовольствие. Лори оказался прекрасным партнером. После польки он показал Джо немецкий танец, который очень увлек ее. Тут было множество прыжков, поворотов, и Джо окончательно почувствовала себя в родной стихии.

Когда музыка смолкла, они сели передохнуть на ступеньке, и Лори принялся рассказывать Джо о студенческом празднике, который наблюдал в Гейдельберге[6].

Тут появилась Мег и поманила Джо. Та неохотно поднялась и пошла за сестрой в боковую комнату. Там Мег села на кушетку и схватилась за ногу. Лицо у нее было совсем бледным.

– Я растянула ногу, – объяснила Мег. – Этот мерзкий каблук подвернулся, и я споткнулась. Так больно! Я едва стою. Прямо не знаю, как мы доберемся до дому, – добавила она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

– Ой, с этими дурацкими туфлями что-нибудь обязательно случается! Бедная Мег! Но что же нам делать? Или нанимаем экипаж, или остаемся здесь ночевать, – сказала Джо, растирая сестре лодыжку.

– Нет, экипаж нам не по карману. А потом, все приехали в своих экипажах. Да и послать некого.

– Давай я схожу.

– Ни за что! Уже совсем темно. Я с ума сойду от страха, если отпущу тебя одну! И остаться мы тут тоже не можем. В доме и без нас полно гостей. К Салли приехали подруги. Ничего, потерплю до прихода Ханны. Может, как-нибудь и дойдем.

– Придумала! – обрадовалась Джо. – Я попрошу Лори, он сходит за экипажем.

– Умоляю, не делай этого! – отчаянно запротестовала Мег. – Не говори никому. Лучше принеси мои ботинки, а туфли положи с остальными вещами. Я все равно не могу больше танцевать. Как только поужинаешь, встречай Ханну и сразу дай мне знать, что она пришла.

– Все уже идут ужинать. Я лучше посижу с тобой.

– Нет, Джо, принеси мне кофе. Я так устала, что с места не могу сдвинуться.

Мег спрятала туфли и прилегла. Джо, сперва попав по ошибке в чулан, затем распахнув дверь в комнату, где мистер Гардинер в чинном одиночестве вкушал трапезу, достигла наконец цели своего путешествия. Ворвавшись в столовую, девочка на ходу схватила чашку горячего кофе, тут же плеснув себе на платье. Теперь перед платья выглядел даже хуже, чем спина.

– Ах, растяпа! – воскликнула Джо, пытаясь стереть кофе перчаткой, после чего и перчатка пришла в полную негодность.

– Позвольте помочь вам, – услышала она ласковый голос, и в следующее мгновение перед ней оказался Лори. В одной руке он держал полную чашку кофе, в другой – мороженое.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег. Она очень устала и прилегла отдохнуть в комнате. Но кто-то меня толкнул, и теперь вот я в каком виде, – ответила Джо, с грустью взглянув на обильно политую кофе юбку и испачканную перчатку.

– Как жаль! А я как раз думал, кому бы отдать все это. Можно я отнесу кофе с мороженым вашей сестре?

– Конечно. Спасибо большое. Я покажу, в какой она комнате. Сама я даже и пробовать больше не буду нести, а то опять что-нибудь пролью.

Джо пошла вперед, а Лори за ней. Донеся угощение до комнаты, он придвинул столик, потом удалился и принес кофе с мороженым для Джо.

В комнату забрело еще трое молодых людей, и все они принялись играть в считалки. Было так весело, что Мег совсем забыла про больную ногу. Вот почему, завидев Ханну, она резво вскочила с дивана, но тут же, охнув, ухватилась за Джо.

– Молчи, – прошептала она на ухо сестре и громко сказала: – Пустяки! Просто я немного подвернула ногу!

И заковыляла наверх, в гардеробную.

Ханна ворчала, Мег плакала от боли. Джо сперва растерялась, но затем, решив, что кроме нее с этим делом никто не справится, выскользнула из комнаты. Спустившись вниз, она разыскала слугу и попросила достать экипаж. Но это оказался не слуга, а официант, который не знал, где находится стоянка экипажей. Джо растерялась, и тут Лори, стоявший рядом и слышавший все, что она говорила слуге, предложил подвезти сестер к дому.

– Еще рано, вам, наверное, хочется побыть тут, – смутилась Джо.

По правде сказать, ее очень обрадовало предложение Лори, и, лишь повинуясь застенчивости, она тут же не выразила своего ликования.

– Я всегда ухожу рано. Не люблю засиживаться. Так что прошу, разрешите довезти вас до дому. Тем более что, кажется, начался дождь.

Последнее известие окончательно решило исход дела. Объяснив, что произошло с Мег, Джо поблагодарила Лори и позвала служанку. Ханна с радостью согласилась, ибо испытывала к дождю поистине кошачью ненависть. Вот почему, быстро собравшись, они покатили домой в роскошной карете мистера Лори.

Сидя на мягких сиденьях, девочки чувствовали себя настоящими светскими дамами. Лори устроился рядом с кучером, и Мег могла, не стесняясь, вытянуть больную ногу. Устроившись поудобнее, сестры принялись обсуждать прошедший вечер.

– Как было весело! – сказала Джо. – А тебе?

– Мне тоже, пока нога не подвернулась. Я подружилась с Энни Моффат, подругой Салли. Энни пригласила меня вместе с Салли погостить у нее неделю весной. Она сказала, что каждую весну к ним приезжает оперный театр. Если мама отпустит, будет просто замечательно, – ответила Мег.

Одна мысль о предстоящем визите доставляла ей удовольствие.

– Я видела, как ты танцевала с неким рыжим субъектом. Тебе он понравился?

– Да, очень! И вовсе он не рыжий. У него каштановые волосы. Он такой воспитанный. У нас с ним здорово получился чешский танец.

Джо рассказала, как у них с Лори прошел вечер, и тут карета поравнялась с домом.

Стоило девочкам открыть дверь в спальню, как из смежной комнаты высунулись две головки в ночных чепчиках и сонными, но требовательными голосами проговорили:

– Расскажите про бал! Расскажите, пожалуйста!

Тут выяснилось, что Джо, пренебрегая, как назвала это Мег, хорошими манерами, набрала на празднике конфет для младших сестер. Уплетая конфеты, девочки внимательно слушали рассказ старших сестер про праздник, а потом, вполне умиротворенные, отправились спать.

– Должна заметить, сегодня я лишний раз убедилась, что совсем неплохо быть знатной леди. Ничего не имею против каждый день возвращаться домой в шикарной карете. Потом садишься перед зеркалом в пеньюаре, а горничная ухаживает за тобой, – мечтательно говорила Мег, пока Джо укладывала ей на ногу компресс из арники и расчесывала волосы.

– Вот только не думаю, что эти знатные леди наслаждаются балами так же, как мы. Даже несмотря на спаленные волосы, старые платья, одну пару целых перчаток на двоих, мы все-таки умеем радоваться. И даже когда мы надеваем туфли, из которых выросли и из-за которых подворачиваем себе ноги. – Все это Джо высказала на одном дыхании, и она не кривила душой.

Глава IV

Время забот

– Ох, до чего тяжело взваливать на себя бремя забот, – сетовала Мег наутро после бала.

Неделя каникул пролетела, и возвращаться к обязанностям, которые и раньше-то казались постылыми, было совсем нелегко.

– Хорошо бы, Рождество и Новый год никогда не кончались! Вот было бы здорово! – ответила Джо и уныло зевнула.

– Наверное, тогда праздники приелись бы, но как приятно, когда на столе стоят цветы, и ходишь в гости, и возвращаешься домой в карете. А если и не ходишь в гости, то отдыхаешь в свое удовольствие или читаешь книгу, и думать не думаешь о каких-то обязанностях. А ведь есть люди, которые так всегда живут. Как я завидую девочкам, у которых все есть! Я люблю роскошь, – сказала Мег, прикидывая в уме, какое из двух ее поношенных платьев сохранило более пристойный вид.

– Ну, о роскоши нам лучше и не мечтать, это нам недоступно. Нечего ныть из-за этого! Нечего сетовать на судьбу, давайте лучше работать над своим характером. Именно так поступает наша Марми. Конечно, тетушка Марч – тяжелое испытание, но все равно следует научиться сносить ее выходки, и тогда наверняка она станет покладистой, как ягненок.

Эта идея настолько захватила Джо, что она развеселилась. Однако Мег по-прежнему была угрюма. Дело в том, что бремя ее забот, которое воплощалось в четырех избалованных детях, казалось ей сейчас еще менее привлекательным, чем обычно. Против обыкновения она не задержалась у зеркала, где обычно подолгу укладывала волосы или повязывала на шею голубую ленту.

– Какой смысл прихорашиваться, если меня все равно никто, кроме этих ужасных детей, не видит. Никому нет дела, хороша я или нет, – проворчала Мег и с шумом задвинула ящик стола. – Видно, мне всю

жизнь придется мучиться, пока не состарюсь. Хорошо еще, изредка удается развлечься. И все потому, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как все нормальные девушки. Где же справедливость?

В самом скверном настроении Мег спустилась в столовую. Впрочем, сегодня все были не в духе и ворчали по любому поводу. У Бет болела голова, она лежала на диване, и лишь кошка с тремя котятами скрашивала ее существование. Эми тревожилась из-за того, что не выучила уроки, кроме того, у нее исчезли ботики, и она не знала, где их искать. А Джо, собираясь по делам, вдруг принялась свистеть, из-за чего подняла шума даже больше, чем обычно. Миссис Марч спешила дописать письмо, которое нужно было сегодня же отправить. А Ханна из-за бала поздно легла спать и теперь плохо себя чувствовала.

– Никогда не встречала такого сердитого семейства! – в сердцах воскликнула Джо.

Торопясь выйти из дома, она опрокинула чернильницу, разорвала шнурки в ботинках и в довершение всего села на свою шляпу.

– А ты самая сердитая из всех! – крикнула в ответ Эми, глядя трагическим взором на задачу – ответ никак не сходился с указанным в конце учебника.

– Слушай, Бет, если ты не переселишь этих мерзких кошек в подвал, я велю их утопить! – крикнула Мег, силясь сбросить котенка, который взобрался ей на спину и вцепился когтями в платье.

Что тут началось! Джо громко смеялась, Мег кричала, Бет упрашивала не трогать кошек, а Эми рыдала, ибо никак не могла умножить в уме девять на двенадцать.

– Девочки! Девочки! Да помолчите хоть минутку! Мне обязательно надо успеть отправить письмо с утренней почтой. А вы так шумите, что

я никак не могу сосредоточиться! – воскликнула миссис Марч, в третий раз зачеркивая строчку в своем письме.

В комнате тут же воцарилась тишина, которую нарушила Ханна; стремительно влетев в столовую, она поставила на стол тарелку с двумя горячими пирожками и удалилась восвояси.

Эти пирожки Ханна пекла для Джо и Мег в те дни, когда они уходили на работу. Так как домой девочки возвращались лишь вечером, пирожки заменяли им обед. Было у пирожков и другое чудесное свойство. В холодные утра они согревали руки, и сестры ласково нарекли их "муфточками".

– Ладно, Бет, забавляйся на здоровье своими кошками. Желаю тебе быстрей избавиться от головной боли. До свидания, мама. Мы сегодня были скверными, но вечером, когда вернемся, станем совсем другими. Пошли, Мег!

С этими словами Джо, и сама понимая, что "странствие пилигримов" началось не очень-то удачно, решительно направилась на улицу.

Дойдя до угла, сестры оглянулись. Как и всегда, они заметили в окне мать, которая, улыбаясь, махала им вслед. Если бы они не увидели Марми, у них наверняка бы испортилось настроение – с раннего детства сестры привыкли к материнскому напутствию, без него не проходило ни одного, даже самого краткого выхода из дома.

– Если бы мама сегодня вместо воздушного поцелуя погрозила нам вслед кулаком, она была бы права. Мы вели себя просто по-свински! – воскликнула Джо.

Теперь, раскаиваясь в утренних капризах, она радовалась, что погода такая скверная и приходится месить ногами грязь. Ей казалось, что таким образом она отчасти искупает грехи.

– Умоляю тебя, не употребляй таких грубых выражений, – одернула ее Мег.

Голос из-под шарфа, которым она укуталась по самые глаза, прозвучал глухо, таинственно.

– А я люблю сильные выражения. Они, по крайней мере, хоть что-то значат, – сказала Джо, хватаясь за шляпу, которую чуть не унес сильнейший порыв ветра.

– Себя ты можешь называть как угодно, но я вовсе не желаю слушать, что я – свинья или еще что-нибудь в этом роде.

– Ты злишься из-за того, что мы живем не в роскоши. Ну ничего. Не расстраивайся. Я разбогатею, и ты будешь разъезжать в карете. А в мороженом просто плавать будешь. И белых туфель на высоких каблуках у тебя будет полно. И цветов. А уж рыжих кавалеров, с которыми ты так любишь танцевать…

– Ну что ты мелешь, Джо? – строго прервала ее Мег и тут же расхохоталась вместе с сестрой.

– Скажи спасибо, что я не раскисаю, как ты. Иначе из нас вышла бы парочка нытиков. Но я, даже когда мне очень грустно, могу найти что-нибудь смешное. В общем, не смей больше ворчать. – Джо ободряюще коснулась плеча сестры.

Пути девочек расходились, каждая пошла навстречу своей нелегкой работе. Когда мистер Марч, пытаясь выручить друга, разорился, старшие девочки настояли, чтобы родители позволили им зарабатывать хотя бы на мелкие расходы. Родители согласились: они считали, что чем раньше человек привыкнет трудиться, тем раньше обретет зрелость и независимость. Вот так и получилось, что Мег и Джо взялись за дело. На путь самостоятельности они ступили исполненные доброй воли,

стремления приносить как можно больше пользы и таким образом преодолевать любые препятствия. Мег подыскала себе место гувернантки, и небольшое жалованье, которое ей положили, казалось ей целым состоянием. По ее собственным словам, она обожала роскошь, бедность угнетала ее больше других членов семьи. Кроме того, Мег помнила время, когда семья жила в достатке, и это тоже причиняло ей страдания. Раньше дом Марчей радовал роскошью, да и в развлечениях не было недостатка.

Конечно, Мег изо всех сил старалась не огорчаться и не завидовать более удачливым подругам. Но редкая молодая девушка может оставаться равнодушной к красивым вещам, веселым компаниям и счастливой жизни, и нет ничего удивительного в том, что Мег страдала, не имея этого.

Все, чего сама Мег лишилась с потерей состояния, она в обилии видела в семье Кингов, куда нанялась гувернанткой. Младшие дети были вверены заботам Мег, а старшие сестры как раз начали выезжать в свет, и несчастная гувернантка частенько слушала их веселую болтовню о театрах, концертах, катаниях на санях и прочих забавах. Видела она и их прекрасные бальные платья и роскошные букеты цветов, и, главное, в доме царила та свобода, которая дается только состоятельной жизнью, когда можно спокойно потратить деньги на различные мелочи, если мелочи эти приносят радость.

Мег редко кому-нибудь выказывала свои чувства, уверенная, что жизнь обошлась с ней жестоко. Не научившись ценить того, чем щедро одарила ее судьба, она горевала, считая себя несправедливо обделенной.

Джо нашла себе работу несколько иного рода. Одинокая пожилая тетушка Марч страдала хромотой и нуждалась в помощнике. Когда Марчей постигла финансовая катастрофа, богатая сестра мистера Марча предложила удочерить одну из девочек. Но мистер и миссис Марч отказались. Престарелая вдова обиделась, а знакомые Марчей

хором упрекали их в недальновидности: теперь не придется рассчитывать, что богатая родственница упомянет их в завещании. Но Марчи отвечали со свойственной им прямотой: "Даже за дюжину наследств мы не согласимся расстаться с дочерьми. И богатые, и бедные, мы счастливы только вместе".

Некоторое время взбалмошная старуха не желала с ними разговаривать.

Однако, встретив как-то в гостях у приятельницы Джо, она подпала под обаяние ее решительного нрава и мальчишеской манеры и предложила девушке наняться к ней в компаньонки.

Нельзя сказать, что Джо обрадовало это предложение. Но лучшей работы ей никто не предлагал, и потому она согласилась. К удивлению окружающих, Джо прекрасно ладила со своей эксцентричной теткой.

Конечно, ссоры были неизбежны, и порой они протекали весьма бурно. Однажды Джо, вернувшись домой, заявила, что это выше ее сил и она больше не пойдет к этой жуткой старухе. Но тетушка Марч живо уладила недоразумение. Она посылала за племянницей с такой настойчивостью, что Джо в результате сменила гнев на милость. Была и еще одна причина такой отходчивости. Что бы там ни говорила Джо, в глубине души она успела привязаться к сварливой родственнице. Немалую роль играла для Джо и библиотека, которая с того дня, как умер дядюшка Марч, находилась во власти пыли и пауков.

Джо помнила добродушного дядюшку Марча. Когда она бывала у них в гостях, он всегда развлекал ее. Они вместе строили из огромных словарей железные дороги и мосты, а потом он принимался объяснять ей значение причудливых картинок из какой-нибудь толстой книги на латыни. Когда они встречались на прогулке, дядюшка Марч всегда угощал Джо пряниками.

Библиотека покойного дядюшки Марча представляла собой полутемную пыльную комнату. С вершин книжных шкафов взирали гипсовые бюсты великих мира сего. Тут стояли мягкие кресла, глобусы, но Джо более всего интересовали книги. Стоило тетушке Марч прилечь отдохнуть или заняться гостями, как Джо спешила в это тихое убежище, казавшееся ей настоящим зачарованным царством.

Забравшись с ногами в глубокое мягкое кресло, Джо принималась читать. Она поглощала все подряд – стихи, романы, исторические труды, записки путешественников. Уставая от чтения, девочка принималась разглядывать иллюстрации. Словом, день ото дня страсть к книгам все больше завладевала ею.

Но, как часто случается на этом свете, подобные мгновения длились недолго. Джо бывало очень обидно, когда, дойдя до самого интересного места в романе, или наслаждаясь чудесными стихами, или сопереживая увлекательным приключениям какого-нибудь путешественника, она вдруг слышала пронзительный голос тетушки: "Джо-зе-фи-на! Джо-зе-фи-на!"

И ей приходилось, оставив чтение, стремглав бежать на зов, чтобы мотать шерсть, купать пуделя или читать тетке вслух "Эссе" некоего мистера Белшема, которое очень нравилось престарелой матроне, а Джо казалось верхом занудства.

Джо очень хотелось совершить необыкновенный поступок. Она еще и сама толком не знала, в какой области ей бы хотелось прославиться, но верила, что со временем найдет себе применение и станет знаменитой. Пока же ее огорчало, что она лишена возможности читать и ездить верхом сколько хочется.

Джо отличалась вспыльчивым нравом, никогда не лезла за словом в карман, и мятежный дух часто толкал ее на различные безрассудства. Вот почему Джо постоянно попадала в комичные, нелепые ситуации.

Закалка духа, которую она получала в постоянном общении с тетушкой Марч, явно шла ей на пользу, а сознание, что она вносит посильный вклад в убогий семейный бюджет и если не очень его увеличивает, то хотя бы сокращает расходы родителей на свое собственное содержание, исполняло ее гордости. Ради этого она готова была и дальше терпеть раздирающие душу вопли: "Джо-зе-фина! Джо-зе-фина!"

Бет была очень застенчива, и из-за этого ее не стали отдавать в школу. Вернее, поначалу отдали, но она так страдала, что девочку пришлось оставить дома. С тех пор Бет занималась с отцом. Даже теперь, когда отец ушел на войну, а мать все свои силы тратила на работу в Обществе помощи фронту, Бет усердно продолжала заниматься. По натуре она была домоседкой и помогала Ханне по хозяйству, не ожидая за это ничего, кроме любви окружающих. А ведь именно титаническими усилиями Ханны и Бет дом всегда был в образцовом порядке и хранил уют для сестер и матери, проводивших большую часть времени на работе. Бет просиживала в одиночестве долгие дневные часы, но тишина в доме не угнетала ее. Она относилась к тем, кто наделен богатым воображением, скука им совершенно неведома. У Бет был свой собственный мир, населенный удивительными существами, и она могла часами вести с ними увлекательнейшие беседы.

Бет была от природы трудолюбива и не ограничивалась уроками или обязанностями по дому. Каждое утро она тщательно наряжала всех своих кукол, ведь Бет была еще ребенком, и игрушки составляли неотъемлемую часть ее жизни.

Среди ее кукол не было ни одной совершенно новой. Объяснялось это тем, что все шесть изрядно потрепанных созданий перешли в ведение Бет лишь после того, как послужили старшим сестрам. Только когда Мег и Джо выросли, а Эми, которая не терпела ничего безобразного, сказала, что ей эти старые куклы не нужны, они стали безраздельной собственностью Бет. Бет же холила старых кукол по той

самой причине, по которой отказалась от них Эми. Новой хозяйке было так жаль их, что она устроила им больницу. Следует заметить, что Бет никогда не наказывала своих кукол, не втыкала булавок в их ватные тела и даже не ругала их, считая своих подопечных несчастнейшими созданиями. Бет никогда не отдавала никому из них предпочтения и не пренебрегала даже теми из них, кто по воле судьбы обрел поистине отталкивающую наружность.

Один из подобных уродов принадлежал некогда Джо и, пережив бурную молодость, окончил свои дни в мешке с тряпьем. Но Бет извлекла оттуда куклу, вернув сим бренным останкам право на гражданство. У этого несчастного экспоната отсутствовала верхняя часть головы, и, дабы скрыть изъян, Бет сшила ему нарядный колпачок. А так как у куклы не сохранилось ни рук, ни ног, Бет все время пеленала ее, как новорожденную. Эта кукла считалась самой больной среди подопечных Бет и потому занимала лучшую кукольную кровать.

Никто, увидев сколько заботы уделяла Бет этому пупсу, не удержался бы от смеха. Но это был бы тот добрый смех, за которым неизбежно рождается симпатия к девочке. Бет собирала для своего пупса крохотные букеты цветов, читала ему вслух, прятала его у себя под плащом и выносила на улицу, чтобы он подышал воздухом. Бет пела ему колыбельные и, перед тем как самой лечь спать, не забывала поцеловать его в чумазую физиономию, приговаривая: "Надеюсь, бедненький мой, ты сегодня будешь хорошо спать".

Но Бет была не ангелом, а живой девочкой, и у нее, как у всякой нормальной девочки, были и горести, и трудности. Иногда она плакала из-за того, что в доме не было хорошего фортепиано и потому невозможно брать уроков музыки. А она так любила музыку, так старательно упражнялась на стареньком разбитом рояле, что, казалось, кто-то должен был услышать ее страдания. Ну хотя бы тетушка Марч. Однако никто не слышал жалоб девочки, никто не видел, как слезы капают на пожелтевшие клавиши. Бет плакала от бессилия: никакими стараниями невозможно было выжать из старого фортепиано

приличные звуки, оно давно уже не держало строй. Но Бет позволяла себе горевать, только когда оставалась одна. Делая какую-нибудь работу по дому, она распевала, словно жаворонок, никогда не отказывалась играть на рояле, если ее просили Марми или сестры, а каждое утро начинала с того, что говорила себе: "Итак, Бет, нужно верить в лучшее. Если ты будешь вести себя хорошо, настанет день, и у тебя будет новый рояль, и уроки музыки ты тоже сможешь брать. Уж как-нибудь все образуется".

В этом мире по своим укромным уголкам таится множество подобных Бет. Они никогда не дают о себе знать, пока не понадобятся. На людях они всегда столь жизнерадостны, что никто и не думает об их самопожертвовании, пока это божественное существо не умолкнет, как умолкает вдруг сверчок на печи. И только когда воцаряются молчание и тьма, окружающие с горечью сознают, что за удивительное существо жило бок о бок с ними.

Эми была совсем иной. Если бы кому-нибудь вздумалось узнать, что ее огорчает больше всего на свете, она, ни секунды не задумываясь, уверенно ответила бы: "Мой нос".

Когда она была совсем маленькой, Джо нечаянно уронила ее в ведерко для угля, и, по мнению Эми, это происшествие изуродовало ей нос. Он не был ни большим, ни красным, но он был приплюснутым, и, сколько Эми ни терзала его, аристократической утонченности так и не возникало. Впрочем, никого, кроме нее самой, это совершенно не шокировало. Кроме того, нос, по мере того как Эми росла, принимал вполне нормальную форму. Но Эми это не удовлетворяло. Она мечтала, чтобы у нее был греческий профиль и в качестве некоторой компенсации постоянно рисовала носы излюбленной формы.

Сестры прозвали Эми "маленьким Рафаэлем". И правда: у девочки были несомненные способности к живописи. Она увлеченно писала и с натуры (больше всего она любила писать натюрморты с цветами), и различные фантастические сюжеты, где фигурировали причудливые

персонажи сказок. Учителя в школе жаловались на Эми: часто, вместо того чтобы записать условия задачи, она увлеченно рисовала на грифельной доске животных. Чистые листы в географическом атласе, которые другие ученики использовали для копирования карт, Эми пускала на те же цели, и из атласа часто вылетали листочки, на которых красовались потешные карикатуры. Несмотря на это, Эми умудрялась кое-как учиться, и, благодаря смирному нраву, в школе терпели ее страсть к рисованию.

Одноклассницы любили ее: у Эми был хороший характер и прекрасные манеры, которые давались ей без всякого труда. Ее такт и светские обороты речи вызывали настоящее восхищение. Впрочем, соученицы восхищались и способностями Эми, ведь кроме способностей к рисованию и живописи она могла наиграть на фортепиано двенадцать мелодий или прочесть текст по-французски, делая ошибки только в половине слов. Часто она подкупающе-жалобным тоном говорила: "Когда папа был богатый, мы..." Дальше шел перечень разного рода заманчивых развлечений и удовольствий, которые ныне Марчи или вообще не могли себе позволить, или позволяли в самых редких случаях.

Любила Эми щегольнуть и каким-нибудь сложным, длинным словом, которое подруги находили потрясающе элегантным.

Все любили ее, потакали ее прихотям и странностям. Положение всеобщей любимицы ей очень нравилось, и незаметно эгоизм и тщеславие все больше одерживали над ней верх. Лишь одно обстоятельство несколько умеряло ее гордыню: ей приходилось донашивать одежду после двоюродной сестры. Эми очень страдала от этого. Дело не в том, что не слишком приятно донашивать чужие вещи. Главное, что у матери Флоренс (так звали двоюродную сестру) был очень плохой вкус, и Эми страдала от варварских, по ее мнению, фасонов и сочетаний цветов.

Словом, эти еще вполне добротные вещи были плохи тем, что шли вразрез с художественным вкусом Эми. Например, вместо голубой шляпки ей приходилось довольствоваться каким-нибудь ярко-красным капором или надевать платье, которое ей совершенно не шло. Нынешняя зима в этом плане представлялась Эми особенно тягостной: ей приходилось ходить в школу в платье из блекло-лиловой ткани в желтый горошек. Будь у Эми более сварливый нрав, она умерла бы с тоски от убогости платья, лишенного даже отделки.

– Одно меня утешает, – сказала она по этому поводу Мег. – Даже когда я плохо себя веду, мама не имеет привычки укорачивать мои платья. А вот мать Мери Парк, стоит ей набедокурить, укорачивает платье до колен. Бедная Мери в такие дни не ходит в школу. Когда я думаю о такой дегерадации (так Эми произносила понравившееся ей "умное" слово "деградация"), мне становится легче.

Для Эми не было большего авторитета, чем Мег, к Мег обращалась она за советом и поддержкой. А у Бет самые доверительные отношения сложились с Джо, хотя и по характеру, и по склонностям Джо была полной противоположностью Бет. Только Джо робкая, застенчивая Бет поверяла самое сокровенное и, что удивительно, оказывала немалое влияние на свою безалаберную сестру. Конечно, Мег и Джо и друг для друга немало значили, но каждая пестовала свою младшую сестру. Это было что-то вроде неосознанной игры в дочки-матери, с той только разницей, что место давно заброшенных кукол теперь заняли для Джо – Бет, а для Мег – Эми.

– Расскажите мне что-нибудь, – попросила Мег, когда вечером все уселись за шитье, – у меня был такой унылый день.

– Тетушка сегодня выкинула забавный фортель. Все окончилось прекрасно, и теперь я могу рассказать вам об этом, – начала Джо, обожавшая всякие смешные истории. – Я читала ей этого зануду Белшема, читала монотонно – так тетушка быстрее засыпает. Тогда я достаю свою книжку и читаю как сумасшедшая, пока она не проснется.

Но сегодня и меня вдруг стало клонить в сон. Я так громко зевнула, что тетушка спросила, не собираюсь ли я проглотить книжку. Я за словом в карман не полезла и ответила, что могла бы, знай наверняка, что избавлюсь от нее навсегда. Тогда тетушка начала читать мне длиннейшую нотацию и перечислила все мои грехи. Эта нотация вконец ее измотала, и она сказала, что немного помолчит, а я пока должна обдумать ее слова. Я обещала, и она успокоилась. Должна вам заметить, старушенция моя если засыпает, то всерьез и надолго. Ее и пушками не разбудишь. И вот когда я увидела, что тетушкин чепец склонился вниз, – ну просто георгин на стебле, и только! – я вытащила из кармана "Векфилдского священника" и стала читать, одним глазом поглядывая на тетю. Но тут попалось очень смешное место, помните, где все шлепнулись в воду. Я не выдержала, захохотала, и тетя проснулась. После сна она сильно подобрела и велела мне дочитать ей вслух "Векфилдского священника". Она объявила, что желает посмотреть, что за легкомысленное чтение я предпочитаю полезному и поучительному Белшему. Я старалась читать как можно лучше, и, знаете, ей так понравилось, что она сказала: "Что-то я, милая моя, не очень понимаю, о чем идет речь. Давай-ка начнем с самого начала". Я начала сначала и уж постаралась повыразительнее прочитать про семейство Примрозов. Кроме того, я решила схитрить. Остановилась на самом интересном месте и простодушно спросила: "Может, хватит? Вы, наверное, устали, тетушка?" Она снова взялась за вязанье, о котором совершенно позабыла, и, подняв на меня негодующий взор, ответила: "Потрудись дочитать до конца главы и не смей мне дерзить".

– Неужели призналась, что ей понравилось? – удивилась Мег.

– Конечно нет! Но зато оставила этого зануду Белшема. А когда я вернулась в комнату за перчатками, тетушка сама читала "Векфилдского священника". И так увлеклась, что не услышала, как я от радости танцевала в передней. Теперь, надеюсь, моя жизнь переменится. А тетушка… Какую бы она могла вести приятную жизнь! Ей стоит только захотеть. Честно говоря, я не особенно ей завидую. Да,

она богата, но, глядя на нее, я всегда думаю, что, наверное, у богатых людей неприятностей не меньше, чем у бедных, – добавила Джо.

– Ой, совсем забыла, – сказала Мег. – Мне ведь тоже есть что вам рассказать. Это не так забавно, как история Джо, но я много думала об этом по дороге домой. Сегодня у Кингов все были сами не свои. Оказывается, их старший брат провинился, и отец выгнал его из дома. Я слышала, как плакала миссис Кинг, а мистер Кинг что-то сердито ей выговаривал. Когда я увидела Грейс и Элен, они отвернулись, чтобы я не заметила, какие у них заплаканные лица. Я, естественно, ни о чем не спрашивала. Но мне стало их очень жалко. Я даже порадовалась, что у меня нет старших братьев. Как часто среди молодых людей встречаются такие, кто позорит семью.

– По-моему, куда хуже самой опозориться в школе. По сравнению с этим все, что сделают твои старшие братья, просто чепуха, – сказала Эми и так многозначительно покачала головой, словно обладала куда более богатым жизненным опытом, чем Мег. – Видели бы вы, какое красивое кольцо у Сьюзен Перкинс! Мне бы такой сердолик! Как бы я хотела поменяться с ней ролями! Так вот, эта Сьюзен Перкинс нарисовала мистера Дэвиса с огромным носом и горбом, а около рта написала: "Юные леди, я не свожу с вас глаз!" Мы все как раз потешались над ее рисунком, когда он вдруг действительно на нас посмотрел и велел Сьюзен принести свою доску. Она так и остолбенела от страха, но все-таки пошла. Так что, вы думаете, он сделал? Схватил ее за ухо! За ухо! Вы представляете себе этот ужас! Он велел ей стоять с доской в руке целых полчаса!

– Наверное, все девочки смеялись над картинкой? – спросила Джо, обожавшая напряженные ситуации.

– Посмеялись? Никто не смеялся. Все притихли, как мышки. А Сьюзен плакала. Представляю себе, каково ей было. Предложи мне миллион колец с сердоликами, я бы и то не согласилась стоять вместо нее на помосте. Мне не пережить такого унижения, – заключила Эми.

– А я сегодня утром видела такое, что весь день радуюсь, – вступила в разговор Бет. – Я хотела рассказать вам за обедом, но совсем забыла.

И Бет, приводя в порядок корзинку Джо, где все швейные принадлежности скатались в какой-то причудливый клубок, рассказала сестрам о том, что произвело на нее впечатление сегодня.

– Я отправилась купить устриц для Ханны и в рыбной лавке увидела мистера Лоренса, но он меня не заметил. Я спряталась за бочкой и оттуда смотрела, как мистер Каттер обслуживает его. Вдруг в лавку вошла какая-то несчастная женщина с ведром и шваброй и говорит, что ей нечем кормить детей, не вымыть ли, мол, ей пол в лавке в обмен на рыбу. Мистер Каттер сердито ответил: "Нет!" Бедная женщина очень огорчилась. На нее просто невозможно было смотреть. Она уже собиралась уйти, и тут мистер Лоренс подцепил рукояткой трости большую рыбину и протянул ей. Женщина очень удивилась. Она схватила рыбу и принялась благодарить мистера Лоренса. Но он велел ей скорее возвращаться домой и приготовить детям обед. Она убежала. Лицо ее просто сияло от счастья! Мне кажется, он очень хорошо поступил, правда? А как она забавно выглядела, когда прижала к груди свою рыбину и сказала: "Надеюсь, ваша постель на небесах будет такой же мягкой!"

Девочки от души посмеялись над историей Бет, а потом попросили мать тоже что-нибудь рассказать. Миссис Марч на мгновение задумалась, затем начала серьезным и тихим голосом:

– Сегодня я кроила жилеты из синей фланели, и меня не оставляли мысли о папе. Я очень беспокоилась о нем и думала, какой одинокой и страшной станет наша жизнь, если с ним что-нибудь случится. Конечно, глупо зря городить всякие ужасы, но что поделаешь! Вдруг в мастерскую вошел старик. В руках он держал конверт. Он опустился на стул рядом со мной, такой усталый, грустный, и я решила расспросить, что с ним стряслось. "У вас сыновья в армии?" – спросила я, увидев, что письмо адресовано не мне. "Да, мэм. У меня было четыре сына. Но двое

убиты, третий попал в плен, а к четвертому я сейчас еду. Он тяжело болен и лежит в вашингтонском госпитале", – тихо ответил он. "Вы принесли большие жертвы родине, сэр", – сказала я, теперь этот человек вызвал у меня не жалость, а почтение. "Не больше, чем это нужно, мэм, – ответил он. – Будь от меня какая-то польза, я бы и сам пошел на войну. А раз уж я сам ни на что не годен, я послал сыновей и ни о чем не жалею". Он говорил так убежденно и искренне, что мне стало стыдно. У меня на войну ушел один муж, и то я считаю, что это слишком, а он отдал четырех сыновей, двоих уже потерял, третьего, судя по всему, тоже, и считает, что выполнил посильный долг перед родиной. Мне в утешение остались все мои дети, его же сын, единственный вернувшийся с войны, находится за много миль отсюда и, вполне может статься, ждет отца только для того, чтобы сказать последнее "прости". И тут я почувствовала себя такой счастливой! Я так растрогалась, что собрала ему хорошую посылку, дала денег на дорогу и на прощание поблагодарила за преподанный урок.

На некоторое время в столовой воцарилось молчание. Потом раздался голос Джо:

– Расскажи еще что-нибудь. Мне так нравятся твои истории. В них всегда есть над чем задуматься, и в то же время они такие увлекательные.

Миссис Марч улыбнулась и тут же начала рассказывать. Времени на размышление ей не требовалось. Она прекрасно знала, какие истории нравятся детям.

– Жили-были четыре девочки, всего у них было вдоволь – и одежды, и еды, в их жизни было много приятного и радостного. Девочек окружали верные друзья и любящие родственники. И все-таки они не очень-то были довольны такой жизнью.

Сестры многозначительно переглянулись и с удвоенной энергией взялись за шитье.

– Эти девочки хотели быть хорошими, – продолжала миссис Марч, – каждый день они принимали очень важные решения, но дальше этого дело не шло. Вечно какие-то препятствия вставали у них на пути. Они сетовали, что не могут сделать того, что им хотелось бы, и не могут себе позволить жить так, как надо бы. И они с таким упоением предавались страданиям, что совсем забывали, сколько им уже дано. И вот как-то девочкам повстречалась старая волшебница. Они взмолились, чтобы она сделала их счастливыми. "Извольте, – ответила волшебница. – Когда вам кажется, что несчастнее вас нет никого на свете, вспоминайте о том, что у вас есть".

Здесь Джо захотелось прервать рассказ матери. Но, подумав, она решила послушать дальше, и миссис Марч продолжала:

– Девочки послушались волшебницу и поступили так, как она советовала. К великому своему удивлению, каждая из них почувствовала себя намного счастливее, нежели раньше. Одна поняла, что никакое богатство не в силах избавить семью от горя и позора. Другая – что, несмотря на бедность, она молода, полна сил, жизнерадостна и уже поэтому много счастливее какой-нибудь ворчливой старухи. Та хоть и богата, не может наслаждаться благами, которые ей дают деньги. Да, она многое может себе позволить, но все это ей не в радость. Третья убедилась, что, как ни тягостно помогать служанке готовить обед, еще унизительнее просить этот обед в качестве подаяния. А четвертая неожиданно поняла, что кольца с сердоликами ценятся меньше хороших манер и умения держать себя в обществе. И вот, посмотрев на свою жизнь несколько по-иному, девочки начали больше думать не о том, как приобрести, а о том, как не потерять. Ведь теперь-то они поняли, что обладают очень многим. И мне почему-то кажется, девочки эти никогда не пожалеют, что послушались старую волшебницу.

– Ну и хитрюга ты, Марми! – воскликнула Мег. – Так нас обмануть! Мы думали, ты, как всегда, расскажешь сказку, а ты рассказала историю про нас самих. И показала все наши недостатки. Ты вроде бы говорила и не о нас, а получилась настоящая проповедь.

– Я очень люблю такие проповеди, – задумчиво проговорила Бет, продолжая наводить порядок в швейных принадлежностях Джо. – Похожие истории нам рассказывал папа.

– Я и раньше жаловалась не больше других, а теперь буду особенно следить за собой. Этот случай со Сьюзен меня кое-чему научил, – многозначительно произнесла Эми.

– Ты просто перевернула все в наших душах, Марми. Нет, такого мы никогда не забудем. А если забудем, скажи нам только, как Хлоя в "Хижине дяди Тома": "Думайте о своей пользе, дети, думайте о пользе!" – и мы тут же вспомним, в чем наша польза! – сказала Джо.

История, которую рассказала миссис Марч, тронула Джо не меньше, чем остальных. Однако веселый нрав всегда одерживал у нее верх над чопорностью, и она никогда не упускала случая посмеяться даже над самой серьезной историей.

Глава V

Визит по-соседски

– И куда это ты опять собралась? – спросила Мег, видя, как Джо направилась в переднюю.

– Да вот решила потрудиться на свежем воздухе, – лукаво улыбнулась Джо; на ней был старый плащ с капюшоном и резиновые сапоги, в одной руке она держала метлу, в другой – лопату.

– Мало того, что ты уже два раза сегодня гуляла. Бр-р-р! В такой холод и в такую метель! Мой тебе совет, останься дома и погрейся у огня, – сказала Мег, поведя озябшими плечами и придвинувшись ближе к камину.

– Грейся, если тебе нравится. Я не могу целый день сидеть дома. Мне нужны впечатления. Вот я и хочу посмотреть, что там делается. А заодно и снег почищу.

Мег осталась у огня и продолжала читать "Айвенго", а Джо с присущей ей энергией принялась расчищать от снега дорожки в саду Рассыпчатый снег убирался легко, и скоро Джо расчистила все дорожки. Оглядев результаты своего труда, она с удовлетворением подумала, что теперь Бет может спокойно разгуливать по саду со всем своим кукольным лазаретом.

Сад и живая изгородь служили своеобразной границей между домами Марчей и Лоренсов. Оба дома находились в пригороде; несмотря на близость городских улиц, тут царила сельская идиллия с рощами, лужайками, большими садами и тишиной. Старый кирпичный дом Марчей давно не ремонтировался и сейчас, зимой, когда цветники и зелень сада не украшали двора, а густой плющ не увивал облупившейся кладки, выглядел довольно убого. Зато по другую сторону живой изгороди высился каменный дом столь внушительного вида, что, едва взглянув на него, можно было с уверенностью сказать: жизнь хозяев протекает в роскоши и комфорте. Во дворе находился огромный каретный сарай, а к ухоженному саду прилегала оранжерея. На окнах виднелись дорогие портьеры, за которыми угадывались богато и изысканно обставленные комнаты. И все же этому благополучному строению чего-то не хватало. Такое впечатление производит каждый дом, если он поминутно не оглашается детскими криками, и в окне, или на пороге, или в саду не показывается то и дело мать, с радостью и тревогой следящая за возней своих отпрысков. В парадное добротного дома Лоренсов редко входили гости. Казалось, дед и внук большую часть времени проводят друг с другом.

Этот странный дом давно будоражил воображение Джо. А так как недостатком воображения она не страдала, он представлялся ей сказочным заколдованным замком. За закрытым парадным мерещилось множество тайн – Джо очень хотелось побывать там. Кроме того, она давно решила подружиться с Лоренсом-младшим, теперь же, после новогоднего бала, ей захотелось этого еще больше. Джо чувствовала, что и Лори не прочь продолжить знакомство, но, видимо, не знает как или стесняется сделать первый шаг.

Поначалу Джо решила, что Лори уехал – он совсем не показывался на улице. Но недавно она увидела его в окне верхнего этажа. Лори не отрываясь смотрел, как Бет и Эми играли в снежки в саду. Во взгляде его было столько тоски, что Джо в который раз убедилась: ему явно недоставало друзей.

"Видимо, его дедушка не понимает, что Лори полезно, а что – нет, – подумала она. – Иначе бы он не держал его взаперти. Вот бы пробраться к ним в дом и сказать старому джентльмену, что я об этом думаю!"

Конечно, Джо никогда бы не решилась дерзить почтенному мистеру Лоренсу, однако попасть в гости к Лори ей действительно хотелось. И вот сегодня ей показалось, что настал подходящий момент. Она заметила, что мистер Лоренс-старший куда-то уехал. Это облегчало задачу. Прокопав тропинку в снегу, Джо подошла вплотную к изгороди и принялась внимательно осматривать сад и дом.

Там царила полная тишина. Окна на первом этаже были задернуты шторами. Казалось, дом необитаем – не было видно даже слуг. Лишь переведя взгляд на окна второго этажа, она заметила, что кто-то внимательно смотрит в сад.

"Да это же Лори! – разглядев кудрявую шевелюру, тут же сообразила Джо. – Бедный! Остаться одному в доме да еще в такой

унылый день. А может, он болен? Брошу-ка я, пожалуй, снежок в стекло. Если он меня заметит, постараюсь хоть немного его развлечь".

Мгновение спустя в воздух взлетел плотный комок снега. Голова в окне тут же повернулась. Это действительно был Лори. Заметив Джо, он улыбнулся, и глаза его весело заблестели. Джо в ответ засмеялась и помахала ему рукой.

– Вы что, болеете? – крикнула она. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Теперь мне уже гораздо лучше! – распахнув окно, хрипло сказал он. – Я сильно простудился. Мне пришлось целую неделю сидеть дома.

– Бедняга! Вам, наверное, было очень скучно.

– Да уж, не очень весело. Тут мрачно, как на кладбище.

– Читать-то хоть есть что?

– Есть, но мне не позволяют много читать. Нельзя напрягать глаза.

– А вслух вам некому почитать?

– Дед иногда читает. Но ему мои книги кажутся скучными. А Брука мне просить неохота.

– Пригласили бы в таком случае кого-нибудь в гости.

– Тут нет никого, кто бы меня порадовал. О мальчиках, которых я знаю, мне даже подумать страшно. Они поднимают такой шум, что у меня тут же начинает болеть голова.

– В таком случае позовите девочку. Девочки гораздо спокойнее и любят ухаживать за больными. Неужели вы не знаете ни одной девочки, которая пришла бы почитать вам?

– Ни одной не знаю.

– Но меня-то вы знаете, – засмеялась Джо.

– Знаю! – обрадовался Лори. – Приходите! Придете? Я вас очень прошу.

– Я, конечно, не очень спокойная и послушная, но если мама меня отпустит, приду. Пойду спрошу у нее. А вы будьте умницей. Затворите окно и ждите.

И, размышляя, проявит ли миссис Марч столь же бурный восторг по поводу ее замысла, Джо с метлой наперевес решительно зашагала к дому.

А Лори начал готовиться к приходу гостьи. Миссис Марч не зря назвала его маленьким джентльменом. Ожидая Джо, мальчик первым делом тщательно причесался, пристегнул чистый воротничок и слегка прибрал в комнате, где, несмотря на многочисленную прислугу, царил отнюдь не идеальный порядок.

Едва Лори приготовился, как в передней раздался громкий звонок и послышался голос, высказывающий решительное желание увидеть мистера Лори, вслед за чем к юноше примчался лакей и чрезвычайно почтительным тоном доложил, что мистера Лоренса ожидает юная леди.

– Я знаю, это мисс Джо. Проводите ее наверх, – ответил Лори и направился к двери гостиной, куда в сопровождении лакея уже поднималась Джо.

Лицо ее раскраснелось от мороза. Ничуть не смущаясь, она радостно приветствовала Лори. В одной руке девочка несла блюдо, накрытое салфеткой, в другой – корзину, где сидели три котенка Бет.

– Ну вот и я. Я кое-что принесла. Мама просила передать вам привет. Она сказала, что с удовольствием отпускает меня и будет рада, если я действительно сумею вам помочь. Сестры тоже постарались. Мег прислала вам бланманже, она очень вкусно его готовит. А Бет решила, что вас порадуют ее любимые котята.

Бет оказалась права. Лори так увлекся игрой с котятами, что забыл о своей застенчивости и вел себя столь же непринужденно, как и Джо.

– Нет, это слишком красиво. У меня просто рука не повернется разрушить такое! – засмеялся Лори, когда Джо сняла с блюда салфетку.

Бланманже было украшено зеленью и цветами, которые Эми ради такого случая позволила срезать со своей любимой герани.

– Да ну, ерунда какая, – отмахнулась Джо. – Просто все хотели хоть как-то доставить вам удовольствие. Велите горничной подать вам бланманже к чаю. Это вполне полезная пища, главное, она легко проскользнет даже в ваше больное горло. Какая уютная комната! – резко переменив тему, воскликнула Джо.

– Могла бы быть уютной, если бы в ней поддерживали порядок. Но служанки такие ленивые! Сколько ни велю, не желают убираться по-настоящему. Просто не знаю, что делать. Меня так раздражает беспорядок.

– Пустяки. Я в два счета наведу порядок. Надо только подмести около очага и расставить все как следует на каминной полке. Книги положим сюда, пузырьки – сюда. А диван повернем, чтобы на него не падал свет. Так… Теперь взобьем подушки. Ну, вот и все!

Лори глазам своим не поверил. Болтая и смеясь, Джо быстро расставила все по местам, и гостиная совершенно преобразилась. Лори смотрел на все это как на чудо. Когда же Джо попросила его присесть и убедиться, что в комнате стало лучше, он, оглядевшись вокруг, блаженно вздохнул и исполненным благодарности тоном воскликнул:

– Но как вы угадали? Ведь именно так я тут и мечтал все устроить! А теперь вот что. Сядьте, пожалуйста, вон в то мягкое кресло и отдыхайте. Настала моя очередь вас развлекать.

– Ну нет! Это я пришла вас развлекать, – запротестовала Джо. – Хотите, я вам почитаю? – И она обвела жадным взором лежавшие повсюду книги, обложки которых сулили ей увлекательнейшее чтение.

– Нет, спасибо, я все это уже читал. Если вы не против, давайте лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Конечно, не против. Я могу болтать целыми днями, стоит только начать. Бет говорит, что, когда я разойдусь, меня вообще остановить невозможно.

– Бет – это та девочка с розовыми щеками, которая почти всегда сидит дома? По-моему, она очень редко куда-нибудь выходит, – заметил Лори.

– Да, это наша Бет. Если бы вы знали, какая она чудная девочка!

– Хорошенькую зовут Мег. А ту, которая с кудряшками, кажется, Эми? – продолжал расспрашивать Лори.

– Правильно! Откуда вы нас так хорошо знаете?

Лори зарделся от смущения:

– Понимаете, вы часто громко зовете друг друга. А когда я остаюсь один, я от скуки гляжу в окно и вижу ваш дом. Мне кажется, вы очень весело живете. Я, конечно, понимаю, это невежливо, но вы иногда забываете задернуть шторы на окне с цветами. Когда вы зажигаете лампу, я все вижу. Для меня это как картина. Сначала я вижу вас всех вместе и вашу маму. Вы сидите вокруг стола. Ваша мама садится как раз против окна. Ее лицо словно обрамляют цветы, и это ей так идет, что я прямо глаз не могу оторвать. У меня ведь нет мамы…

Лори осекся и, нагнувшись, принялся деловито поправлять дрова в камине, но, как ни старался он скрыть свое состояние, Джо успела заметить в его глазах такую тоску, что была потрясена до глубины души. Только сейчас она поняла, как несчастен и одинок этот мальчик.

Джо не любила ходить вокруг да около. В свои пятнадцать лет она сохраняла открытость и прямодушие ребенка. Вот почему, убедившись, что Лори удручен не только болезнью, но и одиночеством, она вдруг оценила сполна то богатство, которым был наделен ее собственный дом. Богатство это именовалось семейным счастьем, и щедрая Джо захотела уступить хоть частичку его Лори. Ее смуглое лицо приняло ласковое выражение, и голос, обычно звучавший резковато, обрел неожиданную мягкость.

– Мы никогда больше не будем задергивать шторы. Можете смотреть на нас, сколько хотите. Но лучше приходите к нам. У нас замечательная мама, вам будет интересно с ней. А Бет я попрошу спеть для вас. Мы с Мег поставим какой-нибудь смешной спектакль. Вам будет весело. Только вот… дедушка позволит вам?

– Если ваша мама попросит его, думаю, позволит. Вообще-то он только с виду такой суровый, а на самом деле добрый и позволяет мне все, что я захочу. Вот только говорит, что ни в коем случае нельзя докучать чужим людям, – объяснил Лори, и, пока он это говорил, лицо его все больше оживлялось.

– Какие же мы чужие? Мы ваши соседи, и никогда вы нам не будете в тягость. Наоборот, мы очень хотим подружиться с вами. Мы не так давно тут живем, но уже знакомы со всеми соседями. Кроме вас.

– Дедушка весь в своих книгах. Остальное, мне кажется, его не слишком волнует. Мистер Брук, мой воспитатель, живет в другом месте, он приезжает к нам. Вот и получается, что мне не с кем выходить. Приходится сидеть дома и наслаждаться своим собственным обществом.

– Это плохо. Вам надо набраться смелости и бывать в гостях. Увидите, у вас быстро заведется куча знакомых, и вам всегда будет куда пойти. И стеснительность ваша пройдет.

Лори покраснел, но нисколько не обиделся на Джо. Пускай она и назвала его стеснительным, на откровенность ее было просто невозможно сердиться. И в голосе Джо, и в ее словах звучало искреннее участие.

Все-таки он сильно смутился и в замешательстве уставился на огонь в камине. Тем временем Джо нетерпеливо оглядывала комнату.

– Вам нравится ходить в школу? – спросил Лори после недолгой паузы, в течение которой усиленно старался побороть свою застенчивость.

– А я не хожу в школу. Я человек дела и долга. Я хожу ухаживать за своей старой тетушкой. Видели бы вы ее! – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы еще о чем-то спросить, но вспомнил, что слишком интересоваться чужими делами невежливо, и промолчал.

Джо оценила воспитанность Лори. Однако из этого не следует, что она решила лишить его подробностей из жизни тетушки. Напротив, она

щедрыми мазками набросала ее портрет, предоставив ему полную возможность посмеяться над выходками вздорной старухи. Джо рассказала ему и про пуделя тетушки Марч, и про попугая, который умел говорить по-испански. Не забыла Джо и о библиотеке, которая по-прежнему будоражила ее воображение.

Лори был в полном восторге. Больше всего ему понравилась история о пожилом визитере, который, придя в гости к тетушке Марч, принялся отпускать ей изысканные комплименты. Упиваясь собственным красноречием, пожилой джентльмен не заметил, как попугай сдернул с его головы пышный парик.

Лори так громко хохотал, что привлек внимание горничной, с любопытством заглянувшей в гостиную.

– Это просто великолепно! – воскликнул Лори, вытирая обильные слезы. – Прошу вас, расскажите еще что-нибудь! Это лучше всякого лекарства.

Вдохновленная похвалой, Джо принялась рассказывать о домашних спектаклях, о том, как все они тревожатся об отце и ждут его возвращения, и о других значительных событиях, происходивших в маленьком мирке, который назывался семейством Марч.

Потом беседа перешла на книги. К радости Джо выяснилось, что Лори тоже очень любит читать и даже успел прочесть больше нее.

– Если вы любите книги, пойдемте вниз, я покажу вам библиотеку. Дедушки нет дома, так что не смущайтесь.

– Да если бы даже он и был дома! – решительно вскинула голову Джо. – Чего мне бояться?

– Совершенно нечего, – бодро отозвался Лори, в глубине души восхищаясь смелостью Джо.

Сам он придерживался несколько иной точки зрения. Он считал, что лучше не показываться деду на глаза, когда тот пребывает в дурном настроении.

Мальчик пошел вперед, показывая Джо дорогу к библиотеке. Она находилась в противоположном крыле, и ребятам пришлось пройти через весь дом. В доме было хорошо натоплено, повсюду стояли цветы, атмосфера тут царила совершенно летняя.

Когда они наконец вошли в библиотеку, Джо от восторга захлопала в ладоши. Такой красивой библиотеки она еще ни разу не видела. Между огромными шкафами с книгами стояли статуи, простенки украшали картины и застекленные шкафчики, в которых красовались коллекции старинных монет и других редкостей. Глубокие кресла и столики изящной работы были словно созданы для того, чтобы тот, кто сидит тут часами с книгой в руках, не испытывал никаких неудобств. И, наконец, огромный камин, выложенный великолепно расписанными изразцами, показался Джо подлинным шедевром.

– Ну и ну! – воскликнула она, опускаясь в обитое бархатом кресло, и, окинув восторженным взглядом Лори, торжественно заявила: – Теодор Лоренс! Мне кажется, вы должны чувствовать себя самым счастливым человеком на свете.

Но Лори отрицательно покачал головой.

– Для счастья мало одних книг, – ответил он и присел на краешек стола, стоявшего против кресла, в котором утонула Джо.

Она хотела что-то возразить, но не успела еще открыть рот, как в передней послышался звонок. Джо испуганно вскочила.

– Это, наверное, ваш дедушка! – крикнула она.

– Ну и что такого? Ведь вы же сами сказали, что вам нечего бояться. Так ведь? – не без доли ехидства произнес мальчик.

– Нет, все-таки я, оказывается, немного побаиваюсь его. Сама не знаю почему. Ведь мама мне разрешила пойти к вам. И вроде вам от этого не стало хуже.

Джо немного успокоилась, но по-прежнему напряженно поглядывала на дверь.

– Мне стало гораздо лучше потому, что вы пришли. Я вам очень благодарен. Боюсь только, что утомил вас своей болтовней. Понимаете, мне так приятно разговаривать с вами, что я никак не могу остановиться, – сказал Лори.

– К вам пришел доктор, сэр! – объявила горничная.

– Вы позволите вас на минуту оставить? – галантно обратился Лори к Джо. – Мне придется выйти к нему.

– Обо мне можете не тревожиться. Тут я никогда не соскучусь, – ответила Джо.

Лори ушел, а Джо принялась развлекаться весьма своеобразно. Она встала перед портретом мистера Лоренса-старшего и, как только услышала, что дверь снова открылась, не оборачиваясь, произнесла:

– Уверена, мне совсем не следует его бояться. Лицо у него, конечно, мрачновато, но глаза добрые. По виду он волевой. Конечно, по красоте ему далеко до моего дедушки, но он мне все равно нравится.

– Благодарю вас, мэм, – раздался за ее спиной мрачный голос.

Джо обернулась, и кровь бросилась ей в лицо. Вместо Лори в комнате стоял мистер Лоренс-старший.

Бедная Джо краснела все сильнее, и это продолжалось до тех пор, пока лицо ее не приобрело совершенно пунцовый оттенок. Когда же она вспомнила, сколь фамильярно беседовала с портретом пожилого джентльмена, у нее даже сердце заколотилось. Ее охватило желание сбежать, но она тут же взяла себя в руки. Это показалось ей обыкновенной трусостью, и при одной только мысли, как над ней будут потешаться сестры, Джо ужаснулась. Нет, она останется, чего бы ей это ни стоило! И она стала думать, как преодолеть конфуз. Взглянув еще раз на мистера Лоренса-старшего, девочка убедилась, что, несмотря на седые насупленные брови, выражение его глаз оставалось добрым, даже добрее, чем на портрете. Впрочем, когда старый джентльмен снова заговорил, голос его зазвучал суровее прежнего:

– Значит, вы меня не боитесь, а?

– Не очень, сэр.

– И вы полагаете, что я не так красив, как ваш дедушка?

– Ну, вроде того, сэр.

– И, по-вашему, я очень волевой, так?

– Я же не утверждаю. Я просто говорила, что думала.

– Несмотря на это, я вам нравлюсь?

– Да, сэр.

Ответ Джо пришелся по душе пожилому джентльмену. Он глуховато рассмеялся и пожал ей руку. Потом внимательно посмотрел ей в лицо и кивнул.

– Характером вы в деда. А внешне не похожи. Он был отменно красив, дорогая моя, но гораздо важнее, что он был храбрым и честным. Я горжусь, что дружил с ним.

– Спасибо, сэр, – ответила Джо; теперь она почувствовала себя совсем свободно и заговорила в свойственной ей манере.

– А что вы тут поделывали? – без обиняков осведомился он.

– Я навестила Лори, – ответила Джо и объяснила, как пришла в их дом.

– Значит, вы полагаете, его нужно немного ободрить?

– Именно, сэр. Он у вас такой грустный! Ему нужны друзья. Не знаю, будет ли ему интересно с девочками, но если будет, мы всегда рады его видеть. Спасибо большое за рождественский подарок. Это было так здорово!

– Пустяки, – ответил мистер Лоренс, – не надо меня благодарить. Это все придумал внук. Кстати, как поживает эта несчастная женщина?

– Неплохо, сэр. – И Джо скороговоркой принялась рассказывать о семействе Хуммелей и о том, как миссис Марч удалось привлечь к их судьбе людей гораздо более состоятельных, чем она сама.

– Ну, она вся в отца. Тот тоже вечно о ком-то пекся. Передайте вашей маме, что я обязательно на днях к ней зайду. Слышите звонок? Это к чаю. Не удивляйтесь. Из-за того, что мальчик болеет, мы сейчас

пьем чай раньше обычного. Пойдемте в столовую. Продолжайте вести себя по-соседски. Мне нравится, как это у вас получается.

– Если вы действительно хотите, я с удовольствием останусь к чаю, сэр.

– Я не стал бы вас удерживать, если бы не хотел, – сказал мистер Лоренс и со старомодной вежливостью предложил Джо руку, чтобы проводить до столовой.

"Интересно, что сказала бы Мег, если бы увидела это?" – подумала Джо, и при мысли, как она расскажет дома о визите к Лоренсам, глаза ее лукаво заблестели.

– Что там стряслось, мой мальчик? – осведомился пожилой джентльмен, заметив Лори, быстро сбегавшего с лестницы.

Увидев Джо, шествующую под руку с грозным дедом, Лори замер на месте и некоторое время с изумлением наблюдал за этой умилительной сценой.

– Я не знал, что вы уже вернулись, сэр, – наконец проговорил он, а Джо в ответ окинула его победоносным взором.

– Оно и видно, – ответил мистер Лоренс. – Иначе вы не стали бы так носиться по лестницам. Идите-ка лучше пить чай, сэр. И держите себя как подобает джентльмену.

Ласково потрепав мальчика за чуб, мистер Лоренс повел свою юную спутницу дальше. Лори поплелся следом. Удивление его не проходило. Украдкой наблюдая за ним, Джо увидела, как его физиономия все больше вытягивается, и это было так забавно, что она едва удерживалась от смеха.

За чаем старый джентльмен особой словоохотливости не проявил. В молчании он выпил четыре чашки подряд, наблюдая за мальчиком и гостьей, которые, вскоре после того как сели за стол, свободно принялись болтать, точно давние знакомые. От деда не укрылись перемены, которые произошли с внуком. Бледное лицо мальчика порозовело, грустные глаза весело заблестели. Беседуя с Джо, Лори смеялся и держал себя очень свободно.

"Она права, – подумал дед. – Наверное, мой мальчик действительно слишком одинок. Что ж, поглядим, как повлияют на него эти девочки".

Мистер Лоренс продолжал наблюдать за детьми. Джо ему нравилась все больше и больше, даже ее мальчишеские манеры. Он считал, что именно благодаря им она так легко находит с внуком и общие темы для разговоров, и общий язык.

Обычно подобные чаепития для Джо были настоящей пыткой. Но старый мистер Лоренс, к удивлению девочки, отличался от большинства представителей респектабельного мира, и она чувствовала себя в его обществе легко и уютно.

Все объяснялось довольно просто: и дед и внук Лоренсы вели себя естественно и раскованно. Джо, глядя на них, вела себя так же и потому показала себя с лучшей стороны. Когда встали из-за стола, Джо решила, что ей пора домой. Но Лори заявил, что не успел ей еще показать все, что хотел. Джо повиновалась, и Лори повел ее в оранжерею. Было уже темно, и в оранжерее ради гостьи зажгли свет. Выхваченные пламенем свечей, растения выглядели фантастично, и Джо не покидало ощущение, словно она попала в сказочное царство. Они с Лори принялись расхаживать по дорожкам вдоль стен, увитых цветущими растениями. Джо и Лори окутывал влажный теплый воздух, насыщенный ароматами цветов и листвы; деревья отбрасывали тень на дорожки, а с высоты свисали лианы.

Джо восхищалась всем этим великолепием, а Лори собирал букет и остановился, только когда цветы перестали умещаться у него в руках. Тогда он перевязал букет лентой, и лицо его озарила счастливая улыбка.

– Передайте, пожалуйста, эти цветы маме, – сказал он. – Прошу вас, скажите, что сегодня она прислала мне замечательное лекарство; теперь я чувствую себя просто превосходно.

Вернувшись в дом, они нашли мистера Лоренса в гостиной. Он стоял у камина и внимательно смотрел на них. И тут Джо увидела большой рояль с открытой клавиатурой.

– Вы играете? – почтительно взглянув на Лори, спросила она.

– Иногда.

– А вы не могли бы сыграть что-нибудь? Мне очень хотелось бы рассказать потом Бет.

– Может, вы лучше сами сыграете?

– Не умею, – с обезоруживающей простотой возразила Джо. – Я очень люблю музыку, но у меня к ней нет никаких способностей.

Тогда Лори покорно сел за рояль. Он играл, а Джо слушала.

Букет цветов она держала в руках. Теперь, слушая музыку, она уткнулась в букет, вдыхая чудный аромат гелиотропов и чайных роз.

Играл Лори чудесно, и Джо чувствовала, что ее уважение к этому мальчику растет. Жаль только, что Бет не слышит Лори.

Когда он кончил играть, Джо принялась так щедро хвалить его, что бедный Лори вконец смутился. Заметив счастливое выражение, с каким внук внимал комплиментам, дед поспешил вмешаться:

– Ну-ну, полноте, барышня. Вы вконец испортите его. Конечно, играет он вполне сносно, но мне бы хотелось, чтобы он проявил себя в более достойных делах. Вы что, уже уходите? Спасибо за визит. Надеюсь, вы снова навестите нас. Не забудьте передать привет маме. Доброй ночи, доктор Джо!

Старик с чувством пожал Джо руку, однако она заметила, что он чем-то рассержен.

Выйдя в переднюю, Джо не удержалась и спросила Лори, отчего дедушка так сердит.

– Нет-нет. – И Лори отрицательно покачал головой. – Это он не на вас сердито посмотрел. На меня. Дед не любит, когда я играю на рояле.

– Почему?

– Как-нибудь расскажу. Джон проводит вас до дома. Мне, к сожалению, еще нельзя выходить.

– Зачем меня провожать? Я не дама, да и дом мой совсем рядом. Главное, выздоравливайте скорее.

– Надеюсь, вы еще придете?

– Да, если вы даете слово, что, как только поправитесь, придете к нам.

– Конечно.

– Спокойной ночи, Лори.

– Спокойной ночи, Джо. Спокойной ночи.

Когда Джо во всех подробностях рассказала дома о визите, Марчи решили, что в следующий раз в дом мистера Лоренса отправятся все вместе. И каждый при этом думал о своем.

Миссис Марч хотелось побеседовать со старым мистером Лоренсом о своем отце. Мег мечтала пройтись по оранжерее, а Бет изнывала по хорошему фортепиано. Эми тоже нашла для себя кое-что привлекательное: ей хотелось осмотреть картины и статуи в библиотеке.

– Мама, а почему мистер Лоренс не любит, когда Лори играет на рояле? – спросила Джо, у которой не шли из головы слова Лори.

– Точно не знаю, но, кажется, все дело в том, что сын мистера Лоренса, отец Лори, женился на пианистке, она была итальянкой, и сумасбродному отцу это очень не понравилось. Мать Лори была прелестной женщиной: красива, добра, умна, прекрасная музыкантша, но мистер Лоренс не желал с ней знакомиться. И с сыном после свадьбы ни разу не повидался. Молодые прожили недолго. Оба вскоре скончались, и Лори с младенчества живет у деда. Мальчик родился в Италии, сызмальства отличался слабым здоровьем, и дед безумно боится потерять его. Конечно, если не знать историю мальчика, все это может показаться просто чудачеством. Лори, видимо, унаследовал от матери любовь к музыке и музыкальные способности. Наверное, дед боится, как бы он не захотел стать музыкантом. А может быть, игра внука напоминает мистеру Лоренсу о женщине, которую он так не любил. Вот он и надулся, как изволила выразиться наша дорогая Джо.

– Как все это необычно! – воскликнула Мег. – Ужасно люблю романтические истории.

– Чушь какая! – фыркнула Джо. – Если он хочет стать музыкантом, зачем же мешать? Если его против воли отослать в колледж и заставить корпеть над науками, которые он терпеть не может… Да мистер Лоренс просто исковеркает ему жизнь!

– Теперь мне ясно, откуда у него такие хорошие манеры. И эти черные глаза… Раз он родился в Италии… По-моему, итальянцы вообще удивительный народ, – сказала Мег, проявлявшая любовь к возвышенным страстям и сентиментальным историям.

– Не понимаю, как ты можешь говорить о его глазах и манерах. Ты ведь его и не видела как следует, – удивилась Джо. В отличие от старшей сестры она была напрочь лишена сентиментальности.

– Еще чего! – возмутилась Мег. – Я встречалась с ним на балу. А по твоим словам легко понять, какие у него хорошие манеры. Как очаровательно он выразился по поводу лекарства, которое ему прислала Марми!

– Он что, твое бланманже имел в виду? – спросила Джо.

– Ну до чего же ты у нас неразумная! – засмеялась Мег. – Он имел в виду тебя!

– Да? – округлились глаза у Джо; легко можно было догадаться, что такое простое объяснение просто не приходило ей в голову.

– В жизни еще не встречала такого, – продолжала Мег. – Ты не чувствуешь, когда тебе делают комплимент.

И Мег посмотрела на сестру с видом умудренной, опытной светской львицы, которая прекрасно разбирается в подобных тонкостях.

– Да ну тебя! Не городи чушь и не отравляй мне радость. Я знаю одно: Лори – отличный человек, а про все эти комплименты я и слушать не хочу. Главное, быть к нему как можно внимательнее. У него ведь нет матери. Надо сказать, чтобы он приходил к нам почаще. Правильно, мама?

– Правильно, Джо. Твой друг будет у нас всегда желанным гостем. А тебе, Мег, я хочу напомнить: пока дети могут оставаться детьми, пусть остаются. Взрослыми они успеют стать всегда.

– Если вы меня имели в виду, я уже не ребенок! – воскликнула Эми. – А ты, Бет? Что ты на это скажешь?

– Я думала о "Странствиях пилигрима", – невозмутимо отозвалась Бет. – Помните, как мы вышли из Долины унижений? А теперь нам надо вскарабкаться вверх по Холму. Но для этого нам надо совершить что-нибудь доброе. И вот я подумала… Вдруг этот дом, в котором так много красивых вещей, поможет нам? Может, он станет для нас Чудесным дворцом?

– Но до этого нам надо еще победить Львов, – тут же включилась в игру Джо, и голос ее прозвучал столь решительно, что всем стало ясно: никакие трудности не заставят ее свернуть с пути, который ведет в Чудесный дворец.

Глава VI

Чудесный дворец

Прошло немного времени, и Марчи поняли, что Бет оказалась права. Дом Лоренсов действительно стал для них Чудесным дворцом. Правда, перед этим каждой из сестер пришлось одержать победу надо Львами, самым грозным из которых им казался мистер Лоренс-старший. После того как он нанес визит миссис Марч и у него нашлось для каждой из

девочек доброе слово, они перестали его бояться. Точнее все, кроме Бет; она по-прежнему относилась к старому джентльмену с опаской.

Другим Львом была бедность, которую девочки почувствовали острее прежнего. Лори был богат, и сам факт, что они не могут принять его на должном уровне, поначалу доставлял сестрам немалые страдания. Но прошло еще немного времени, и, видя, как Лори день ото дня становится все счастливей и веселей, девочки кое-что поняли – каждое из двух семейств по-своему богато и по-своему бедно. И старается одарить другого тем, что имеет. Задумавшись над этим, девочки перестали мучиться. Так была одержана победа над коварным Львом.

Новая дружба быстро крепла, и каждый день приносил Лори что-нибудь радостное. Однажды он сообщил по секрету своему воспитателю, что Марчи просто отличные девочки.

И действительно, с того момента как сестры Марч вложили в заботу о нем весь свой энтузиазм и всю свою юную энергию, Лори почувствовал себя совершенно по-иному. Дружба дала ему больше, чем сотни самых лучших учебных заведений, ведь он наконец познал нежность женской души, которой был обделен почти с младенчества. У Лори не было ни матери, ни братьев, ни сестер, и дед не мог заменить ему того неповторимого мира, который создают друзья.

Вовлеченный в деятельную атмосферу семейства Марч, Лори не понимал, как мог раньше вести такой скучный и праздный образ жизни. Теперь он стыдился этого. И, как это часто бывает с детьми, которые долгое время жили исключительно в мире книг, Лори почти перестал читать и заниматься науками. Он даже стал сбегать с уроков, предпочитая час-другой провести в обществе Марчей. Кончилось тем, что мистеру Бруку пришлось пожаловаться мистеру Лоренсу.

– Не тревожьтесь, – к удивлению воспитателя ответил мистер Лоренс. – После нагонит. Думаю, ему полезно устроить каникулы. И еще должен заметить, миссис Марч – чудесная женщина. В ее маленьком семействе царят нравы, каких ни в одном монастыре не сыщешь. Так что вреда от этих визитов не будет, а вот счастья и добра он там найдет столько, сколько мы ему с вами вовеки не дадим.

Лори и впрямь веселился у Марчей как никогда в жизни. Каких только забав они не устраивали! Дети ставили спектакли, играли в "живые картины", катались на коньках и в санях. А какие замечательные вечера они проводили в старой гостиной!

Иногда Лори принимал девочек у себя. В такие дни сестры могли делать то, что им больше всего нравилось. Мег разгуливала по оранжерее и рвала цветы. Джо часами просиживала в библиотеке и очень забавляла мистера Лоренса-старшего своими уверенными суждениями о литературе. Эми копировала картины и наслаждалась убранством дома. А Лори играл роль радушного хозяина замка, и, надо заметить, получалось у него это великолепно.

Труднее других приходилось Бет. Она мечтала поиграть на хорошем рояле, но так и не могла отважиться пойти с сестрами в дом, который Мег прозвала Обителью мечты. Однажды Бет, правда, все же пошла туда вместе с Джо, но тут же испугалась мистера Лоренса-старшего. Голос его звучал так резко, он так сурово хмурил брови, что у бедной Бет душа ушла в пятки. Она почла за лучшее пуститься в бегство, а потом заявила сестрам, что даже возможность поиграть на хорошем рояле не заставит ее еще раз пойти к Лоренсам. И сколько ее ни уговаривали, ничего не помогало.

Так длилось до тех пор, пока эта история каким-то образом не дошла до мистера Лоренса. Он сразу же решил исправить дело. В первый же визит к миссис Марч – а он теперь достаточно часто навещал ее – мистер Лоренс исподволь завел разговор о музыке. Он рассказывал о великих певцах, о знаменитых пианистах и органистах, которых ему

довелось услышать. Это были чрезвычайно живые истории, исполненные смешных подробностей. Бет, которая, увидев старого джентльмена, забилась в самый дальний угол гостиной, теперь слушала словно завороженная. А потом она, вряд ли сама сознавая, что делает, медленно зашагала к мистеру Лоренсу и, подойдя вплотную, остановилась у него за спиной. Глаза ее округлились, лицо раскраснелось, девочка слушала, жадно ловя каждое слово старого джентльмена.

Делая вид, что совершенно не замечает Бет, мистер Лоренс как ни в чем не бывало рассказывал миссис Марч о том, как учится Лори и кто его учителя. Потом, словно внезапно осененный какой-то мыслью, сказал:

– Да, кстати, миссис Марч, мальчик сейчас мало занимается музыкой. Признаться, я этому рад, по-моему, он одно время слишком уж ею увлекался. Но рояль портится, когда долго стоит без дела. Может, кто-нибудь из ваших девочек смог бы приходить и играть, просто чтобы рояль держал строй. Вы не против, мэм?

Тут Бет не удержалась и вышла вперед. Руки у нее были крепко сжаты, она боялась, что не выдержит и захлопает в ладоши от радости. При одной мысли, что ей будет дозволено заниматься на таком великолепном инструменте, у нее просто дух захватывало.

– Той из девочек, которая захочет прийти поиграть, совершенно нечего стесняться, – продолжал тем временем мистер Лоренс. – Я целыми днями сижу в своем кабинете. Это на другом конце дома, и игра мне совершенно не помешает. Лори тоже часто уходит из дома, а слуг после девяти утра не бывает в гостиной.

Тут мистер Лоренс поднялся, как бы намереваясь уходить. Произошло это именно в тот момент, когда Бет наконец собралась

поблагодарить его: все устраивало ее как нельзя более. И тут старый джентльмен снова заговорил:

– Миссис Марч, передайте, пожалуйста, вашим юным леди все, что я сказал. Буду рад, если они откликнутся на мою просьбу. Ну а если нет… Что ж, будет очень жаль.

Бет схватила старика за руку и, подняв на него исполненные благодарности глаза, очень робко, но отчетливо произнесла:

– О да, сэр. Они согласны! Еще как согласны!

– Значит, вы и есть та девочка, которая так любит музыку? – Голос старого джентльмена звучал необычайно мягко, а взгляд был полон участия.

– Да, это я. Меня зовут Бет, и я очень люблю музыку. Если вы действительно уверены, что я никого не потревожу, я буду приходить заниматься.

Произнеся это, Бет сама удивилась. Как она осмелилась так бойко говорить в присутствии чужого человека?

– Дорогая, уверяю, вы никого не потревожите. Приходите и колотите себе по клавишам сколько угодно. Я буду вам только благодарен за это.

– Вы так добры, сэр!

Под ласковым взглядом мистера Лоренса Бет совсем раскраснелась, но не от смущения, а от радости. Мистер Лоренс был так тактичен, что Бет перестала робеть и говорила с ним не менее свободно, чем со своими родными, отнюдь не из вежливости, а от переполнявших ее чувств, через каждое слово вновь и вновь принимаясь благодарить его.

Пожилой джентльмен легонько откинул ей со лба волосы и, нагнувшись, поцеловал девочку.

– У меня была внучка, и она смотрела на меня точь-в-точь, как ты сейчас, – сказал он неожиданно ласково. – Да благословит тебя Бог, крошка! До свидания, миссис Марч! – И, кивнув всем, старый джентльмен поспешно ушел.

Оставшись наедине с матерью, Бет обрушила на нее поток ликования, а затем поделилась радостью с семейством кукол-инвалидов. Больше слушателей у нее пока не нашлось, потому что сестер не было дома.

В тот вечер Бет пела проникновенно, как никогда. А ночью произошел такой забавный казус, что в семье еще долго вспоминали о нем. Эми проснулась оттого, что кто-то теребил ее за лицо. Она открыла глаза и увидела Бет, которая усиленно разыгрывала на ее щеках быстрые пассажи. Видимо, во сне она уже наслаждалась прекрасным роялем мистера Лоренса.

На другой день, дождавшись, когда мистеры Лоренсы ушли из дома, Бет отправилась заниматься. Правда, чувствовала она себя весьма стесненно. И только с третьего раза решилась войти в дом. Она прокралась на цыпочках в гостиную, где на трех массивных ногах стоял предмет ее вожделений. На пюпитре она увидела томик прелестных, но несложных фортепианных пьес. Все еще внимательно вслушиваясь, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги, Бет подняла крышку и дрожащими пальцами коснулась несравненной клавиатуры. Взяв несколько аккордов, она забыла обо всем на свете и играла до тех пор, пока не увидела перед собой Ханну, которая пришла звать ее к обеду.

За обедом Бет почти ничего не ела. В воображении она все еще играла на рояле и блаженно улыбалась чарующим звукам, которые улавливала внутренним слухом.

С тех пор фигурка, увенчанная остроконечным коричневым капюшоном, почти каждый день незаметно проскальзывала в соседний сад. В гостиной Лоренсов Бет появлялась так тихо и так тихо потом исчезала, что казалось, роялем пользовался не человек, а какой-то призрак. Бет так и не суждено было узнать, что, когда она, увлеченная музыкой, забывала обо всем на свете, мистер Лоренс открывал дверь своего кабинета и слушал ее игру. Бет очень любила играть вещи старых композиторов, и в этом ее пристрастия совпадали со вкусами мистера Лоренса. Не знала Бет и того, что Лори, как верный страж, занимал пост в передней и бдительно следил, как бы кому из слуг не вздумалось войти в гостиную. Он боялся, что любое вторжение спугнет Бет. Не догадывалась она и о том, что сборники пьес и упражнений, которые она ежедневно находила на пюпитре, оставляли специально для нее. Когда же, приходя к Марчам, Лори заговаривал с Бет о музыке, девочка искренне удивлялась, как это он угадал, что волнует ее в музыке. Словом, она пребывала в полном блаженстве – сбылась самая заветная ее мечта.

За эту редкостную способность радоваться жизни судьба преподнесла Бет еще один, гораздо более щедрый дар.

– Мама, я решила вышить мистеру Лоренсу тапочки, – сказала однажды Бет. – Он так добр ко мне. Мне хочется сделать ему хоть что-то приятное. А что я еще могу придумать? Я умею только вышивать. Как ты считаешь, стоит мне это сделать?

Разговор происходил несколько недель спустя после достопамятного визита мистера Лоренса.

– Конечно, милая. Он очень обрадуется. Сестры помогут тебе, а я куплю все, что для этого нужно, – тут же отозвалась миссис Марч.

Бет так редко обращалась с просьбами, что мать всегда была готова прийти ей на помощь.

После длительных обсуждений Бет остановила выбор на узоре из анютиных глазок, решив, что именно эти цветы редкостно сочетают в себе мужественную простоту и жизнерадостность. Фоном для вышивки на семейном совете подобрали лиловую ткань, и Бет принялась трудиться. Она старалась все делать сама и обращалась к сестрам лишь в особо трудные моменты. Впрочем, Бет была достаточно искусной мастерицей, и тапочки были вышиты раньше, чем эта затея успела надоесть всем в доме. Затем она сопроводила свой дар короткой запиской, и Лори тайно положил подарок на письменный стол старого джентльмена.

Бет стала терпеливо ждать, как откликнется на ее дар мистер Лоренс. Прошел день, потом – следующий. Бет забеспокоилась, не обиделся ли своенравный джентльмен. И вот как-то Бет вышла из дома прогулять больную куклу Джоанну. Возвращаясь обратно, девочка еще с улицы заметила в окне гостиной сестер, нетерпеливо посматривающих, как она приближается к дому. Как только она подошла ближе, сестры закричали:

– Иди скорее! Тебе письмо от мистера Лоренса. Ты только посмотри, что он тебе прислал!

– О, Бет, он тебе прислал… – начала Эми. – Он прислал…

Но тут Джо оттащила ее в сторону и захлопнула окно.

Сгорая от нетерпения, Бет поспешила в дом. Сестры поджидали ее у дверей и, как только она вошла, потащили ее в гостиную.

– Смотри! Смотри! – хором закричали они. – Вот здесь.

Повернув голову туда, куда показывали сестры, Бет едва не лишилась чувств от восторга. В углу гостиной стоял новенький

кабинетный рояль. На полированной крышке белела записка, на которой, словно фабричное клеймо, значилось "Мисс Элизабет Марч".

– Неужели это мне? – едва слышно выдохнула Бет.

– Тебе, тебе, дорогая моя девочка! Это так трогательно с его стороны! Ну, кто теперь может сказать, что это не самый лучший старик на свете? Ключ от рояля в конверте с письмом. Мы не стали вскрывать его. Но прочти, пожалуйста, скорее. Мы просто умираем от любопытства! – вскричала Джо, протягивая сестре конверт.

– Прочти вслух, я не могу! – ответила Бет; не выдержав, она уткнулась в передник Джо и заплакала.

Джо разорвала конверт и начала читать:

"Моя дорогая мисс Марч! Очаровательная мадемуазель!"

– Хотела бы я, чтобы меня когда-нибудь назвали "мадемуазель"! – мечтательно проговорила Эми.

Старомодное обращение мистера Лоренса показалось ей верхом элегантности.

"Много пар тапочек износил я в своей жизни, – продолжала читать Джо, – но ни одни мне еще не пришлись настолько по душе, как Ваши. Да будет Вам известно, анютины глазки – мои любимые цветы, и теперь, благодаря Вам, я могу часто любоваться ими и, разумеется, с радостью вспоминать ту, которая доставила мне такое удовольствие. Вот почему я не в силах оставаться у Вас в долгу. Знаю, что Вы позволите старому джентльмену послать Вам то, что, как ему известно, Вам наверняка придется по сердцу. Этот рояль принадлежал моей маленькой внучке, которой, увы, уже нет в живых.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать успехов!

Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс".

– Да, Бет, ты можешь гордиться! Мистер Лоренс оказал тебе очень большую честь. Он души не чаял в своей внучке. Лори рассказывал мне, как дед бережет все ее вещи. Он дарит тебе ее рояль! И все за твои прекрасные голубые глаза и за то, что ты так любишь музыку! – полушутя-полусерьезно воскликнула Джо, главной задачей которой было хоть немного успокоить сестру.

Бет так разволновалась, что никак не могла унять дрожь.

– Гляди, какие изящные подсвечники! А шелк, присборенный золотой розой... Никогда еще не видела такого красивого пюпитра! И банкетка хороша. Прекрасная работа! – восторгалась Мег.

Потом она открыла клавиатуру, словно призывая всех насладиться совершенством механики.

– "Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс"! – повторила Эми, словно произнося заклинание. – Подумать только! Когда я расскажу девочкам в школе, они просто лопнут от зависти!

Письмо мистера Лоренса произвело на Эми неотразимое впечатление.

– Ну-ка, детка, попробуй сыграть, – сказала Ханна, без которой в этой семье не обходились ни радости, ни горести. – Послушаем, золотко мое, как он работает!

Бет села за фортепиано, и, стоило ей взять несколько аккордов, как все сошлись во мнении, что это самый замечательный инструмент, который они когда-либо слышали. Судя по всему, перед тем как

преподнести фортепиано Бет, старый джентльмен распорядился отреставрировать и настроить его.

Рояль звучал действительно превосходно. Счастливые лица слушательниц и самой Бет, которая с каким-то особым наслаждением касалась клавиатуры и педалей, казалось, придавали чудесному инструменту волшебные качества.

– Бет, поблагодари его, – сказала Джо, не надеясь, что робкая девочка без подготовки отважится на такой отчаянный поступок.

– Да я сама уже думала… Пожалуй, я прямо сейчас и пойду. Иначе начну стесняться и, чего доброго, испугаюсь.

К изумлению всего семейства, Бет решительно направилась через сад к дому Лоренсов.

– Чтобы мне провалиться на этом месте, если я когда-нибудь видела такое! – воскликнула Ханна. – Этот рояль просто свел ее с ума. В здравом уме наша девочка нипочем не решилась бы пойти без приглашения!

И служанка задумчиво посмотрела вслед удаляющейся фигурке.

Сестры тоже восприняли поступок Бет как чудо и на какое-то время лишились дара речи.

Доведись им увидеть, как повела себя Бет у Лоренсов, они удивились бы еще больше. Не давая себе времени на раздумья, девочка решительно прошествовала прямо к кабинету и постучала в дверь. Когда в ответ раздалось сухое "Войдите!", она подошла к крайне изумленному мистеру Лоренсу и, протянув ему руку, с дрожью в голосе произнесла:

– Я пришла, сэр, сказать вам большое спасибо за…

Но она не договорила. Увидев добрый взгляд старика, девочка вдруг вспомнила, что он лишился любимой внучки, и, забыв тщательно приготовленную речь, крепко обхватила его за шею и поцеловала.

Даже если бы потолок внезапно обрушился ему на голову, мистер Лоренс удивился бы меньше. Искренний порыв Бет так растрогал его, что он разом забыл и о своем возрасте, и о положении, и о многом другом, о чем обязаны помнить пожилые джентльмены, наделенные богатством и властью. Усадив Бет к себе на колени, старый джентльмен прижался морщинистой щекой к ее лицу и вдруг почувствовал себя так, словно его любимая внучка внезапно воскресла. Да и у Бет было легко на душе.

Так доброта и любовь одерживают победу над робостью, а благодарность смиряет гордыню.

Когда Бет собралась домой, мистер Лоренс проводил ее до калитки. Он остановился, крепко пожал ей руку и, почтительно приподняв шляпу, удалился осанистой походкой, которая подобает джентльмену его круга.

Все это сестры наблюдали из окна, каждая из них по-своему выражала восторг – Джо отплясывала джигу, Эми едва не вывалилась из окна, а Мег, воздев руки к небу, воскликнула:

– Мне кажется, настал конец света!

Глава VII

Долина унижений

– Просто циклоп какой-то! – воскликнула Эми, увидев однажды Лори, который пронесся верхом на лошади мимо их дома.

– Как тебе не стыдно так говорить! – оскорбилась за друга Джо. – У него глаза на месте, и глаза очень красивые!

– Да чего ты надулась?! – удивилась Эми. – При чем тут его глаза? Я просто хотела сказать, что он здорово ездит верхом.

– Ну и ну! – захохотала Джо. – Перепутать кентавра с циклопом!

И Джо засмеялась еще громче.

– Не очень-то, замечу тебе, вежливо смеяться надо мной. Учитель говорит, что такое с каждым случается. Это называется оговорилась, – заметила Эми и, решив, что достаточно пристыдила сестру своей ученостью, бросила на нее победоносный взгляд. – А вот что бы мне хотелось, – продолжала Эми, словно беседуя сама с собой, но явно надеясь, что сестры услышат ее, – так это иметь хоть немного из тех денег, которые Лори тратит на лошадь.

– Зачем? – спросила Мег.

А Джо ничего не спросила. Услышав ученое слово "оговорка", она снова зашлась хохотом и теперь никак не могла успокоиться.

– Мне необходимы деньги, – важно ответила Эми. – Я вся в долгах, а карманные расходы я получу только через месяц.

– Вся в долгах… – задумчиво повторила Мег. – Как прикажешь тебя понимать, Эми? – И она встревоженно посмотрела на сестру.

– Я должна одиннадцать, а может, даже двенадцать лимончиков. И пока не получу деньги, я не смогу их отдать. Мама не разрешает мне брать в кредит.

Все это Эми произнесла с таким серьезным и напыщенным видом, что Мег едва удержалась от смеха. Все же она сумела взять себя в руки и спросила:

– Зачем, скажи на милость, тебе конфеты?

– Понимаешь, – объяснила Эми, – девочки то и дело покупают их в лавке. Если не покупать, тебя сочтут жадиной. Этими лимончиками все теперь у нас увлекаются. Держат в партах и сосут во время уроков. А на переменах выменивают. То на карандаши, то на бумажных куколок, то на бисеринки или еще на что-нибудь… Если девочка хочет подружиться с другой девочкой, она подходит к ней на перемене и дает лимончик. А если, наоборот, кто-то кого-то не любит, он встает рядом, сосет свой лимончик и не угощает. Друзья по очереди покупают лимончики на всю компанию. Меня уже столько раз угощали! Мне давно пора угостить приятелей, а я все никак не могу Иначе я буду опозорена. Это вопрос чести!

– Сколько тебе нужно, чтобы разделаться с долгами? – спросила Мег, вынимая кошелек.

– Четверти доллара хватит. Даже еще останется несколько центов. Тогда я угощу тебя. Ты любишь лимончики?

– Не слишком. Можешь съесть мою долю, уступаю тебе. Держи деньги и постарайся, чтобы их хватило подольше. Сумма-то, скажу я тебе, небольшая.

– Спасибо! Наверное, очень приятно, когда у тебя все время есть карманные деньги. Ну и пир же я закачу! Признаться, на этой неделе я

не съела ни одного лимончика. Не влезать же в новые долговые обстоятельства!

– Обязательства, Эми! – поправила сестра.

– Неважно. Главное, мне так хочется лимончика!

На другой день Эми явилась в класс с довольно большим опозданием. Зато в руках она держала влажный кулек. Прежде чем спрятать его в парту, Эми с гордостью продемонстрировала кулек классу. Пять минут спустя класс знал, что Эми принесла двадцать четыре отменнейших лимончика. Двадцать пятый она съела по дороге в школу, остальные предназначаются подружкам. Девочки наперебой принялись оказывать Эми знаки внимания. Кэти Браун немедленно пригласила ее на ближайший прием, который устраивала для подруг; Мери Кингсли почти насильно всучила Эми свои часы и сказала, что она может пользоваться ими до следующей перемены. А насмешница Дженни Сноу, еще недавно коварно издевавшаяся над несостоятельностью Эми, разом прекратила военные действия и, нащупывая почву для мирных переговоров, пообещала подсказать решение самых сложных математических задач. Впрочем, жертва Дженни была бессмысленна, слишком серьезно было нанесенное оскорбление. Ведь насмешница не просто язвила над некредитоспособностью Эми, а затронула больное место, упомянув неких не в меру заносчивых особ, которые чуют на расстоянии чужие лимончики, даром, что носы у них приплюснутые. Теперь Эми не могла упустить случая и взяла реванш.

– Зря стараешься, – ответила она, – все равно ничего не получишь.

В тот же день школу посетило некое высокопоставленное лицо. Гость удостоил похвалы географические карты, начертанные Эми, и это похвальное слово отозвалось болью в сердце спесивой мисс Сноу. Однако мгновение спустя Эми собственной неразумностью свела на нет

то, что могло бы вылиться в блистательную победу над соперницей. Забыв о пагубности гордыни, Эми наградила вышеупомянутую особу таким высокомерным взглядом, что та не выдержала и повернула дело в совсем не выгодную для Эми сторону.

Не успели отзвучать похвалы почтенного посетителя, как Дженни подняла руку и, после того как учитель, мистер Дэвис, предоставил ей слово, сообщила во всеуслышание, что мисс Марч прячет в парте лимончики.

Ужасное коварство! Ведь не кто иной, как мистер Дэвис некоторое время назад объявил лимончики преступным лакомством и провозгласил, что покарает первую же ученицу, которая посмеет наслаждаться лимончиками в классе.

Мистер Дэвис славился изобретением новых дисциплинарных мер. Широкую известность снискала осада, коей сей уважаемый джентльмен подверг жевательную резинку. Затем он устроил серию показательных аутодафе, эффектно покончив с чтением на уроках художественной литературы, а также перепиской между ученицами. Потом пресек создание карикатур и запретил ученицам строить рожи. Можно сказать, душа мистера Дэвиса горела пламенем запретов, и он отдавался снедающей его страсти со всей энергией, на какую только способен волевой и крепкий мужчина, наделенный властью над полусотней мятежных школьниц.

Надо заметить, вверенные его заботам в долгу не оставались: коварство, которое порой проявляют по отношению к учителям мальчики, ничто в сравнении с изобретательностью девочек. В особенности, если дело идет о желчном джентльмене с замашками диктатора и полным отсутствием педагогического дара. Мистер Дэвис знал греческий, латынь, математику и много других наук. На этом основании он снискал репутацию хорошего учителя. Как нередко случается в подобных случаях, никому из людей, от которых зависела педагогическая судьба мистера Дэвиса, ни разу не пришло в голову,

что, быть может, при всей учености, джентльмен этот и своими манерами, и душевными качествами являет далеко не идеальный пример для питомцев. Как бы там ни было, мистер Дэвис делал то, что он делал.

Дженни выбрала более чем подходящий момент. Сегодня мистер Дэвис пребывал в особенно раздражительном состоянии. Поутру ему подали слишком крепкий кофе, пронзительный ветер на улице вызвал у него боль в пояснице, ученицы вели себя не так почтительно, как должно, по мнению достопочтенного мистера Дэвиса. Словом, мистер Дэвис в тот день испытывал почти демоническую свирепость и жаждал крови. Вот почему упоминание о лимончиках оказалось той спичкой, которую коварная Дженни поднесла к бочке с порохом. Бледное лицо мистера Дэвиса приобрело пунцовый оттенок, он с такой силой обрушил кулак на кафедру, что Дженни была не рада своей затее и с несвойственной ей поспешностью ретировалась.

– Слушайте меня внимательно, юные леди! – строго скомандовал мистер Дэвис.

Шепоток в классе моментально смолк, и пятьдесят пар разноцветных глаз послушно воззрились на искаженную гневом физиономию мистера Дэвиса.

– Мисс Марч, к доске! – грянула новая команда.

Эми встала. На вид она была совершенно спокойна, но это стоило ей немалых усилий, ибо совесть, отягощенная лимончиками, давила все ее существо.

– Возьмите с собой лимончики, которые лежат в вашей парте, – неожиданно подал еще одну команду мистер Дэвис.

Эми в ужасе замерла на месте.

– Не бери все, – шепнула ей соседка по парте, проявив свойственную ей находчивость.

Эми послушалась. Быстро вытряхнув из кулька штук шесть лимончиков, она отнесла остальное мистеру Дэвису. Впрочем, Эми надеялась на благополучный исход. Она не сомневалась, что любой человек, пусть даже это мистер Дэвис, не устоит, почувствовав восхитительный запах лакомства. Но, на ее несчастье, запах лимончика казался мистеру Дэвису отвратительным, и он распалился еще сильнее.

– Это все?

– Не совсем, – прошептала Эми.

– Сейчас же принесите остальные!

Кидая отчаянные взгляды на девочек, Эми повиновалась.

– Вы уверены, что больше ничего не осталось?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Ладно! А теперь возьмите эту мерзость в руки. Берите, берите по две и кидайте в окно.

И тут в классе словно подул ветер. Это у юных леди, лишенных последней надежды на лакомство, вырвался единый, исполненный тоски вздох. Двенадцать раз Эми проделала позорный путь от учительского стола к окну. И каждый раз, едва очередная пара отменных лимончиков вылетала из окна, окрестности оглашали радостные крики, усугублявшие страдания Эми и ее друзей. Ведь по этим возгласам легко было догадаться, что лимончики достались мальчишкам из одного ирландского семейства, которые давно вели войну с Эми и ее компанией.

Такого никто не смог снести спокойно, и все, кому предназначалось лакомство, наградили мистера Дэвиса негодующими взглядами. А одна девочка, особенно страстно любившая лимончики, разрыдалась.

Когда все лимончики улетели за окно, мистер Дэвис удовлетворенно хмыкнул и внушительным тоном провозгласил:

– Юные леди! Вы, вероятно, помните, что я сказал вам на прошлой неделе. Сожалею, что так случилось, но я ни-ког-да не позволю нарушать правила. Я всегда держу слово. Мисс Марч, протяните руку.

Эми вздрогнула и, с мольбой посмотрев на учителя, завела руки за спину. У старикашки Дэвиса, как прозвали его ученицы, Эми ходила в любимицах. Встретившись с ней взглядом, почтенный педагог готов был сменить гнев на милость, но тут, на беду, одна из сочувствующих Эми девочек возмущенно хмыкнула. Это прозвучало очень тихо, но раздражительному мистеру Дэвису даже столь слабого возмущения оказалось достаточно, чтобы порыв к милосердию моментально исчез.

– Протяните руку, мисс Марч! – снова приказал он.

Так ответить на ее немую мольбу! Гордость не позволяла Эми плакать или просить пощады. Стиснув зубы и величественно откинув голову, она исполнила приказание и, не дрогнув, вынесла несколько жгучих ударов по ладони. По правде сказать, мистер Дэвис ударял несильно, но Эми, которую в жизни никто пальцем не тронул, наказание показалось столь оскорбительным, словно мистер Дэвис сбил ее с ног.

– А теперь встаньте на помост и оставайтесь там до конца урока! – приказал мистер Дэвис, любивший все доводить до конца.

Эми не ожидала такого. Она с ужасом думала об унижении, которое предстоит ей, когда она вернется на место и до конца урока ее будут преследовать сочувственные взгляды подруг и злорадные – соперниц.

Но стоять на помосте перед всем классом!.. Сама мысль об этом казалась Эми невыносимой, она была уверена, что ей не выдержать испытания. Впоследствии Эми говорила, что если она не упала замертво перед классом, то лишь благодаря негодованию, которое вызвала в ней Дженни Сноу. Подняв голову, Эми уставилась на дымоход и так, глядя поверх класса, простояла до конца урока.

Через пятнадцать минут прозвенел звонок и освободил ее. Эми навсегда запомнила пережитое унижение. Долгое время она считала, что это были самые страшные четверть часа в ее жизни.

"Как я расскажу об этом дома! – ужасалась она. – Ведь теперь они не будут относиться ко мне как раньше!" Уверенность, что после наказания, которому ее подверг мистер Дэвис, она навеки унижена, не оставляла ее. Вот почему пятнадцать минут, проведенные на помосте, показались девочке чуть ли не вечностью. Но все проходит, и никогда еще звонок, возвещающий о начале перемены, не приносил Эми такого облегчения.

– Можете идти, мисс Марч, – тихо сказал мистер Дэвис. Чувствовалось, что ему самому было не слишком легко на душе.

Эми кинула на него такой укоряющий взгляд, что учитель запомнил его навсегда. Потом, ни слова не говоря, Эми направилась в раздевалку и, схватив свои вещи, покинула это кошмарное место – навсегда, как ей казалось в тот момент.

Домой Эми вернулась в совершенно расстроенных чувствах. Когда пришли старшие сестры, состоялся экстренный семейный совет, решительно осудивший поступок мистера Дэвиса. Миссис Марч говорила меньше других, зато больше всех утешила обиженную дочку. Мег омыла осквернённую учителем ладонь глицерином, а затем собственными слезами. Бет совершенно растерялась: до сих пор она считала, что ее котята утешат кого угодно. Но сейчас поняла: даже

такое сильное средство не может унять горя Эми. Что касается Джо, то она не стала ходить вокруг да около и объявила, что требует ареста мистера Дэвиса и наказания оного по всей строгости закона. А Ханна по простоте душевной на чем свет кляла душегуба и так при этом энергично растирала пестиком пюре, точно в ступе у нее был не картофель, а сам мистер Дэвис.

В классе исчезновение Эми особенного внимания не привлекло. Его заметили лишь близкие подруги. Зато ни от кого из девочек не укрылось другое: после перерыва мистер Дэвис неожиданно для всех начал проявлять какую-то лихорадочную доброжелательность.

Перед самым концом занятий в класс вошла Джо. Напустив на лицо самое что ни на есть угрюмое выражение, она промаршировала от двери к доске, где молча вручила учителю письмо от миссис Марч. Затем собрала учебники Эми и величественно удалилась, не забыв перед выходом на улицу тщательно вытереть ноги о школьный половик. Она словно избавлялась от пыли сего тлетворного, по ее убеждению, места.

– Хорошо, я разрешаю тебе не ходить в школу, – сказала вечером того же дня миссис Марч, обращаясь к Эми. – Будешь каждый день заниматься вместе с Бет. Я против телесных наказаний. К тому же мне не нравится, как этот мистер Дэвис преподает. Да и девочки, с которыми ты познакомилась в школе, не научили тебя ничему хорошему. Я напишу папе. Пусть он посоветует, в какую школу тебя отдать.

– Хотела бы я, чтобы от него ушли вообще все девочки. Тогда бы эта мерзкая школа закрылась! Мне только лимончиков жалко. – И Эми, которая сегодня чувствовала себя настоящей мученицей, глубоко вздохнула.

– А мне совсем не жаль. Ты потеряла их, потому что плохо себя вела. Это наказание ты заслужила, – неожиданно строго ответила мать.

Эми опешила. После того как ей весь день выражали сочувствие, строгое поучение матери прозвучало особенно странно.

– Значит, ты радуешься, что меня опозорили перед всей школой? – крикнула Эми.

– Ну, я бы наказала тебя по-другому, – ответила миссис Марч. – Хотя и не уверена, что более мягкое наказание заставило бы тебя о чем-то задуматься. Ты становишься, моя милая, слишком самоуверенной и спесивой. В тебе много хорошего, и способностями тебя Бог не обделил. Но ты чересчур гордишься своими достоинствами. Запомни: самомнение губит даже гениального человека. Настоящий талант или настоящую доброту нечего выставлять напоказ. Их и так рано или поздно заметят. А если и не заметят, уже само то, что Господь наделил человека таким даром, – достаточная награда. И запомни, самая очаровательная черта подлинного таланта – это скромность.

– Верно! – воскликнул Лори из угла гостиной, где сражался в шахматы с Джо. – Я знал одну такую девочку. У нее был настоящий талант к музыке, а она даже не подозревала об этом. Если бы ей кто-нибудь сказал, какие прелестные пьески она сочиняет, когда остается один на один с роялем, она решила бы, что над ней смеются.

– Хотела бы я познакомиться с этой девочкой, – сказала Бет, – она, наверное, согласилась бы мне помочь. Я так мало делаю успехов.

– Вы ее знаете, и она вам уже помогает, – ответил Лори и так лукаво улыбнулся, что Бет вдруг покраснела и, пораженная внезапным открытием, зарыла лицо в подушки дивана.

После этого не было никакой возможности засадить Бет за рояль. А Джо в благодарность за комплимент своей любимице нарочно приказала играть Лори. Это еще больше подняло его настроение, которое, впрочем, бывало превосходным всегда, когда он гостил у Марчей. Он тут же согласился заменить за роялем Бет и усладил слух Марчей прекрасной игрой и пением.

Когда Лори ушел, Эми долго с задумчивым видом сидела в гостиной. Потом она вдруг спросила:

– Лори способный мальчик?

– Да, очень. И образование получил отличное. Если его не избалуют, из него вырастет прекрасный человек, – ответила мать.

– Неужели он не гордится собой? – удивилась Эми.

– Ничуть. В том-то и заключается его очарование. Он талантлив, но относится к этому так просто, словно тут нет ничего особенного.

– Ясно. Значит, обладать разными достоинствами и быть элегантным хорошо. Просто не надо показывать вида и хвалиться, – с прежней задумчивостью произнесла Эми.

– Как бы человек ни скромничал, талант и воспитание ни от кого не укроются. Вот почему и не следует их выставлять напоказ, – объяснила миссис Марч.

– Представь себе, у человека есть много туфель, платьев, шляпок, и вот он все их одновременно нацепит! – вмешалась в разговор Джо.

В ответ раздался дружный смех, и, может быть, именно благодаря этому Эми часто потом вспоминала, как они сидели и беседовали в гостиной после ухода Лори.

Глава VIII

Ангел бездны

В субботу днем, зайдя в комнату старших сестер, Эми увидела, что они собираются уходить.

– Девочки, вы куда? – спросила она.

– Куда надо, – недовольно буркнула Джо. – Разве тебя не учили, что маленькие девочки не должны задавать старшим таких вопросов?

Вряд ли можно сказать что-либо обиднее для ребенка. Услышав подобную отповедь, которую Джо завершила напутствием: "Шла бы ты лучше играть в свои игрушки!" – Эми содрогнулась от обиды. Теперь она считала делом чести выведать тайну сестер. Повернувшись к Мег, которая обычно ни в чем ей не могла отказать, она принялась канючить:

– Ну скажи, куда вы идете? Возьмите меня с собой. Бет возится с куклами, а мне совсем нечего делать. Мне скучно.

– Не могу, милая, – ответила Мег. – Тебя ведь не приглашали и…

– Замолчи, Мег, – перебила Джо, – ты все испортишь. Эми, тебе с нами нельзя. Так не капризничай. Займись делами.

– Я знаю, вы куда-то собрались вместе с Лори. Вчера вечером вы о чем-то шептались и веселились, а когда я подошла, сразу замолчали. Значит, вы идете с ним, да? – не отставала Эми.

– Да, да, – отмахнулась от нее Джо. – А теперь замолчи, пожалуйста, и оставь нас в покое.

Эми умолкла, но уходить не собиралась. Напротив, она продолжала во все глаза следить за сестрами. Вскоре ее внимание было вознаграждено: Мег положила в карман веер.

– Поняла! Поняла! – закричала Эми. – Вы идете в театр смотреть "Семь замков"! Я тоже пойду! – решительно добавила она. – Мама сказала, что мне можно смотреть эту пьесу. Карманные деньги я уже получила. Почему вы раньше мне не сказали?

– Успокойся и будь умницей, – принялась увещевать сестру Мег. – Марми просто не хотела, чтобы ты шла в театр на этой неделе. У тебя после болезни недостаточно окрепли глаза. А на следующей неделе ты обязательно пойдешь вместе с Бет и Ханной. Это чудесная сказка. Тебе она очень понравится.

– Нет, я хочу пойти вместе с вами и с Лори! Ну пожалуйста, возьмите меня с собой! Я так долго просидела дома из-за этой проклятой простуды. Мне очень хочется пойти сегодня. Прошу тебя, Мег. Я буду хорошо себя вести, – снова принялась просить Эми, глядя на сестру самым что ни на есть трогательным взглядом.

– Может, возьмем ее? Если мы ее как следует закутаем, мама, наверное, не будет возражать, – предложила Мег, уже готовая уступить любимице.

– Если она пойдет, останусь я. А если я останусь, Лори обидится. Это будет просто невежливо с нашей стороны. Ведь он пригласил только нас с тобой. Как же мы можем тащить с собой Эми? Мне бы на ее месте было бы противно напрашиваться! – сердито проговорила Джо.

Ей хотелось в театр, а не оставаться сиделкой с беспокойной младшей сестрой. Но, стремясь избавиться от Эми, Джо на деле добилась прямо противоположного. Услышав раздраженную отповедь, Эми разозлилась и с самым вызывающим видом заявила:

– Нет, я пойду! Мег согласна меня взять, а заплачу я из собственных денег. При чем же тут Лори?

– Ты не сможешь сесть с нами рядом, потому что места нам заказаны заранее. А одной в театре тебе сидеть еще рано. Значит, Лори из-за твоих капризов вынужден будет уступить тебе место. Тебе будет удобно, а ему и нам весь вечер будет испорчен. В общем, никуда ты не пойдешь, – сказала Джо, и на этот раз голос ее звучал гораздо более сердито, потому что, пререкаясь с Эми, она больно уколола себе палец.

Эми в это время натянула на ногу ботинок. Услышав, что Джо ни под каким видом не соглашается ее брать, она застыла с другим ботинком в руке и громко разрыдалась. Мег бросилась успокаивать сестру. В это время снизу донесся голос Лори; он спрашивал, готовы ли девочки. Сестры поспешили к нему. Эми осталась в комнате. Забыв о светских манерах и о том, что считает себя совершенно взрослой, она заплакала навзрыд. Впрочем, такое с Эми случалось всегда, когда она не добивалась того, чего хотела. Ведь что бы она там о себе ни воображала, на самом деле она пока была довольно капризным и избалованным ребенком.

Когда девочки и Лори выходили из дома, Эми перегнулась через перила второго этажа и угрожающе крикнула:

– Ты еще пожалеешь об этом, Джо Марч! Я тебе обещаю, что пожалеешь!

– Не пори чепухи! – ответила Джо и захлопнула входную дверь.

Все трое превосходно провели время. "Семь замков Бриллиантового озера" показались им великолепным представлением. Но ни чудесная игра актеров, изображающих эльфов, фей, принцев и принцесс, ни пышность постановки не успокоили Джо. Светлые кудри королевы напоминали ей об Эми, а в антрактах она не переставала думать, как

намеревается сестра заставить ее раскаяться. И Джо, и Эми были вспыльчивы. Несмотря на старшинство, Джо была куда менее сдержанна, и именно по ее вине возникало большинство бурных конфликтов, которых сестры впоследствии очень стыдились. Вспыльчивый нрав доставлял Джо множество неприятностей. Правда, она была отходчива и, быстро признавая свою вину, искренне раскаивалась. Сестры даже шутили, что стоит почаще доводить Джо до бешенства, потому что, отбушевав, она становится просто ангелом. Бедная Джо очередной раз искренне винилась, давала слово, что больше никогда не позволит себе терять самообладание, но проходило время, и все повторялось снова. Минует еще немало лет, прежде чем ей действительно удастся обуздать свой нрав.

Вернувшись домой, театралы застали Эми в гостиной, она читала книгу. Увидев сестер, Эми надулась и сделала вид, что поглощена чтением, не удостоив сестер ни единым словом. Быть может, через некоторое время любопытство пересилило бы обиду и Эми как ни в чем не бывало, принялась бы расспрашивать о спектакле, но Бет, которая тоже сидела в гостиной, поинтересовалась, как было в театре, и получила в ответ восторженный рассказ о спектакле.

Джо поднялась к себе в комнату, чтобы убрать выходную шляпу. Первым делом она с опаской поглядела на письменный стол. Обычно во время конфликтов Эми отыгрывалась именно на столе Джо, выворачивая на пол все, что лежало в ящиках. Но сейчас стол был в полном порядке. Тогда Джо проверила шкафы, однако и в них не заметила никаких следов вторжения. "Наверное, она простила меня", – решила Джо и, облегченно вздохнув, вернулась в гостиную.

Но Джо поторопилась с выводом. На другой же день она обнаружила пропажу, и в доме разразилась настоящая буря. Мег, Бет и Эми сидели в гостиной, когда Джо в крайнем возбуждении влетела в комнату и, часто дыша, спросила:

– Кто-нибудь трогал мою тетрадь?

– Нет, – удивленно посмотрев на Джо, хором ответили Мег и Бет. Эми молча занялась огнем в камине, но от Джо не укрылось, что она покраснела.

– Значит, это взяла Эми?

– Нет, я не брала.

– Но ты знаешь, где она?

– Не знаю.

– Не ври! – закричала Джо и схватила сестру за плечи.

Лицо Джо пылало таким гневом, что и куда более отважному существу, чем Эми, наверняка стало бы не по себе.

– Я не вру. У меня ее нет. Я не знаю, где она. И знать не хочу.

– Нет, ты что-то знаешь. Лучше сама скажи. Ты у меня все равно не отвертишься. – И Джо слегка тряхнула сестру.

– Можешь орать на меня сколько влезет! Все равно ты больше не увидишь своей дурацкой тетради! – рассердилась Эми.

– Как это не увижу?

– А так. Я ее сожгла.

– Сожгла?! – У Джо даже дыхание перехватило. – Мою сказку! Я столько времени писала ее. Я хотела закончить к приезду папы. Ты что, правда, сожгла ее?

Белая, как полотно, Джо грозным изваянием стояла над сестрой и по-прежнему цепко держала ее за плечи.

– Да, сожгла! Я предупреждала тебя, что ты еще горько пожалеешь, что так поступила вче…

Эми не договорила.

Поняв, в чем дело, Джо так разгневалась, что принялась неистово трясти сестру. У той от страха только зубы стучали.

– Мерзкая девчонка! – кричала Джо. – Мне больше никогда так не написать! Никогда в жизни тебя не прощу!

Мег бросилась спасать Эми, а Бет пыталась утихомирить Джо. Но Джо, вне себя от отчаяния и горя, закатила сестре на прощание звонкую оплеуху и убежала на чердак, где кинулась плашмя на кушетку и пролежала там ничком до тех пор, пока буря, клокотавшая в ней, не утихла.

В гостиной буря утихла куда быстрее, чему в немалой мере способствовало возвращение домой миссис Марч. Узнав о происшествии, она тут же объяснила Эми, какое горе та причинила сестре.

Джо очень гордилась своей тетрадкой, в семье считали, что сказки несомненно свидетельствуют о ее даровании. Тетрадка была совсем маленькой, в ней поместилось шесть коротких сказок, но Джо терпеливо шлифовала текст, надеясь, что в конце концов их можно будет издать. Словом, какая бы судьба ни ожидала книжку в дальнейшем, это была серьезная работа, и Джо вкладывала в нее всю душу.

Недавно она тщательно переписала сказки набело и выбросила черновик. Так что, уничтожив книжку, Эми поставила крест на многолетнем труде сестры, и Джо расценила это как настоящую катастрофу.

Остальные члены семьи тоже горевали. Бет чувствовала себя так, будто потеряла одного из любимых котят. И даже Мег не вступилась сегодня за свою любимицу. Миссис Марч сидела с очень серьезным видом и время от времени кидала на Эми горестные взгляды. И чем дольше длилась эта немая сцена, тем отчетливее Эми понимала, что, пока она не заслужит прощения Джо, ничего хорошего от родных ей ждать не приходится. Впрочем, теперь она и сама раскаивалась в содеянном.

Когда удар гонга призвал семью к чаю, в гостиной появилась Джо, такая мрачная, что Эми едва нашла в себе силы пролепетать:

– Прости меня, пожалуйста, Джо. Мне очень-очень жаль, что я так поступила.

– Никогда не прощу! – угрюмо буркнула Джо.

Джо никто не выказывал сочувствия. Все знали, что когда Джо разозлится, говорить с ней о чем-нибудь бесполезно, и остается лишь терпеливо ждать, пока она сама успокоится.

То был невеселый вечер. Внешне вроде все выглядело как обычно. Девочки шили, а мать читала им отрывки из Бремер[7], Скотта и Эджворт[8]. Вот только не хватало сейчас обычной доброжелательности и жизнерадостности, которые помогали семье переживать черные дни. Особенно это почувствовалось, когда настало время для пения. Бет могла только играть, Джо была не в силах петь и больше всего сейчас смахивала на каменное изваяние, а Эми расплакалась. В общем, Мег и миссис Марч пришлось петь без них. Они изо всех сил старались

казаться веселыми, но и их чистые голоса сегодня звучали не так слаженно, как всегда, а вскоре дуэт и вовсе расстроился.

Целуя Джо перед сном, миссис Марч шепнула:

– Милая, позволь лучам солнца пробиться сквозь тучи твоего гнева. Помирись с Эми. Помогите друг другу. А завтра начни вновь свои сказки.

Джо вдруг захотелось уткнуться головой в материнскую грудь и выплакать горе и гнев. Но она сочла, что слезы обнаружили бы ее слабость, и, чувствуя себя глубоко оскорбленной, подавила в себе этот порыв. Кроме того, ее гнев еще не утих, и она не находила в себе сил простить сестру. Вот почему, сурово тряхнув головой, она сказала так громко, чтобы Эми услышала каждое слово:

– Нет! Этого нельзя простить!

И решительно удалилась в спальню.

Эми тоже чувствовала себя уязвленной. Она первой принесла извинения, но прощения не получила и сочтя, что понапрасну унизилась, стала вести себя так высокомерно, что на нее неприятно было смотреть.

На следующее утро Джо проснулась в сквернейшем расположении духа. День вообще выдался из тех, когда все валится из рук. Выйдя на улицу, Джо уронила в лужу теплый пирожок, и в это холодное утро ей так и не суждено было согреть руки. Тетушка Марч сегодня была особенно раздражительна. Вернувшись домой, Джо застала не более радостную картину. Мег пребывала в грустной сосредоточенности, Бет тоже была явно чем-то расстроена. А Эми с подчеркнуто многозначительным видом то и дело заводила беседу о некоторых людях, которые вечно твердят, что хотят исправиться, однако палец о

палец не ударяют, чтобы послушать, когда им подают пример благородства.

– Н-да, – пробурчала Джо себе под нос. – Противненько. Пойду-ка я, пожалуй, к Лори. Покатаемся на коньках. Он всегда такой веселый и радушный. Уж он-то меня утешит.

И Джо вышла из гостиной.

Когда до Эми донесся с улицы звон коньков, она громко и капризно сказала:

– Вот так всегда! А ведь обещала взять меня с собой в следующий раз как пойдет кататься! Скоро лед вообще растает. Но я эту злюку даже спрашивать не хочу. Все равно она меня не возьмет!

– Ты не имеешь права так говорить. Вспомни, что ты вчера сделала! Джо не в силах забыть, что сказок, над которыми она столько трудилась, больше нет. Но я думаю, она простит тебя. Надо выбрать подходящий момент, – сказала Мег. – Пойди тихонько за ними. Подожди, когда Джо встретится с Лори, он всегда на нее хорошо влияет. А когда заметишь, что она повеселела, не произноси длинных речей, а просто подойди и поцелуй ее. Если ты поведешь себя достаточно деликатно, уверена, вы вернетесь домой такими же друзьями, как прежде.

– Попробую, – согласилась Эми. Такой план ее вполне устраивал.

Быстро собравшись, она поспешила за Джо и Лори, которые взбирались по склону холма.

Река была совсем недалеко от дома, однако к тому времени, как Эми добралась до реки, Джо и Лори уже надели коньки. Заметив сестру, Джо демонстративно отвернулась, а Лори медленно скользил вдоль

берега, испытывая на прочность лед, истончившийся после недавней оттепели.

– Доеду до поворота, – услышала Эми его голос. – Надо все хорошенько проверить, а потом уж побежим наперегонки.

И Лори умчался вперед.

Джо слышала, как за ее спиной тяжело дышит Эми, которая никак не могла прийти в себя после бега в гору. Потом Эми принялась дуть на пальцы. Джо поняла, что она надевает коньки, и пальцы прилипают к схваченному морозом металлу. Но Джо так и не удостоила сестру ни единым взглядом и, медленно скользя вдоль берега, испытывала отнюдь не благостные чувства. Она злорадно думала, каково сейчас приходится Эми, и ей казалось, что это хоть в какой-то степени утешает ее в потере любимой тетрадки.

Тем временем Лори добрался до места, где русло круто сворачивало, и крикнул:

– Держитесь поближе к берегу! На середине лед очень тонкий!

Джо поняла. А вот Эми, у которой что-то не ладилось с коньками, на крик Лори не обратила никакого внимания да и вообще не разобрала, что он крикнул.

Джо оглянулась и хотела повторить сестре слова Лори, но она так распалила себя злобой, что внезапно подумала: "Плевать мне на нее! Пусть сама о себе позаботится!"

И кинулась догонять Лори.

Ничего не подозревая, Эми устремилась на середину реки, где лед казался ей самым красивым и гладким.

С минуту Джо спокойно ехала вперед. Вот она достигла поворота и хотела бежать дальше за Лори, когда вдруг, повинуясь какой-то неясной силе, резко обернулась. В этот момент Эми вскинула руки, лед затрещал, раздался плеск воды. У Джо перехватило дыхание от ужаса. Она хотела позвать Лори, но голос не повиновался, хотела броситься на помощь сестре, но ноги не слушались. Джо остолбенела от страха и широко раскрытыми глазами взирала на голубой капюшон, колеблющийся над поверхностью воды. Вдруг мимо пронеслась какая-то тень, и Джо услышала голос Лори:

– Несите скорее палку! Скорее!

Она не отдавала себе отчета в том, что делает, а просто целиком и полностью подчинилась приказам Лори. Мальчик проявил редкостные в его возрасте хладнокровие и мужество. Он лег плашмя на лед и, пока Джо выламывала жердь из ближайшего забора, рукой и клюшкой помогал Эми держаться на воде. Потом они вместе вытащили ее. Девочка, к счастью, отделалась лишь испугом.

– Скорее ведите ее домой! Закутайте в нашу одежду, а я пока сниму эти дурацкие коньки, – кричал Лори, у которого от воды набухли кожаные крепления.

Потом, дрожа от холода, они доставили плачущую Эми домой. Джо хранила молчание. Допоздна она, бледная, растрепанная, в разорванном платье, с исцарапанными руками – следы недавнего сражения с забором и льдом – носилась по дому, принося больной то одно, то другое снадобье.

Когда Эми наконец уснула и все в доме затихло, миссис Марч присела на кровать и, подозвав Джо, принялась бинтовать ей израненные руки.

– Ты уверена, что с ней ничего не случится? – бросив виноватый взгляд на белокурую головку сестры, прошептала Джо.

– Успокойся, милая. Она не ушиблась, думаю, она даже простудиться не успела. Вы все сделали так, что лучше и не придумаешь. Моментально доставили ее домой и даже укутать не забыли.

– Это все Лори. А я пустила ее на лед. Если бы она погибла, это было бы из-за меня.

Джо не выдержала, расплакалась и сквозь слезы рассказала матери, как все получилось. Она винила себя и, не переставая, благодарила Провидение, что все кончилось хорошо.

– Мой проклятый характер! Как ни стараюсь взять себя в руки, ничего не получается. Сдерживаюсь, сдерживаюсь, а потом все равно прорывается. Что же мне делать, мама?

Джо была в отчаянии. Она и впрямь не знала, как обуздать себя.

– Что я тебе могу посоветовать? – ответила мать. – Следи за собой и молись. И главное, милая, верь в свои силы. В таких делах нельзя успокаиваться прежде, чем добьешься своего.

Миссис Марч притянула к себе взъерошенную голову Джо и поцеловала обильно орошенную слезами щеку. Тут Джо разрыдалась еще сильнее.

– Ты не знаешь… – всхлипнула девочка. – Ты даже представить не можешь, как это страшно. Когда я разозлюсь, мне вдруг хочется кого-нибудь стукнуть или все вокруг крушить, и в тот момент мне это доставляет удовольствие. Я так боюсь, что сделаю что-то ужасное, и тогда все будут меня ненавидеть. Марми, помоги мне!

– Перестань плакать, милая. Конечно, я постараюсь помочь тебе. Надо запомнить сегодняшний день и твердо решить, что ничего подобного ты больше никогда не повторишь. Поверь, каждому из нас приходится бороться с искушениями, и порой они куда серьезнее твоей несдержанности. Ты считаешь, что у тебя самый скверный характер на свете. Тогда могу тебе сказать, что у меня был характер гораздо хуже.

– У тебя? Но ты же никогда не сердишься, Марми, – отозвалась Джо и от удивления даже плакать перестала.

– Сорок лет я укрощала себя и только недавно добилась кое-каких результатов. Почти каждый день я вдруг начинаю чувствовать страшную раздражительность. Но я научилась скрывать это, и никто, видимо, не замечает, что со мной творится. Все же я надеюсь, что наступит день, когда я избавлюсь и от самой раздражительности. Во всяком случае, я буду стараться, пусть на это уйдет еще сорок лет.

Признание матери подействовало на Джо сильнее любого нравоучения или упрека. Мать оказала ей доверие, и сознание, что не одной ей приходится вести борьбу со своим характером, придало ей сил и уверенности, что она обязательно одержит верх над собой. Джо решила, что сумеет справиться с собой куда быстрее матери. Ей, пятнадцатилетней девочке, сорок лет казались таким немыслимо длинным сроком, что страшно даже и думать.

– Значит, мама, когда ты поджимаешь губы и выходишь из комнаты, ты сердишься? Ну, например, когда тетя Марч начинает к тебе придираться? Или когда мы тебя слишком уж тормошим? – спросила Джо, которой мать сейчас была ближе и роднее, чем когда-либо раньше.

– Да, милая. Просто я научилась держать себя в руках. Я предпочитаю выйти из комнаты, чем поддаться раздражению. Знаешь, со зла иногда можно сказануть такое, что потом всю жизнь не

расхлебаешь. Поэтому я стараюсь побыть одна – устраиваю себе небольшую передышку. Через какое-то время мне становится стыдно, я успокаиваюсь и возвращаюсь обратно, – вздохнула миссис Марч и улыбнулась дочери.

– Но как тебе это удается? Я так не могу. Вся беда в том, что у меня появляется неодолимое желание обидеть кого-нибудь, и тогда я ничего не могу с собой поделать. Я несу невесть что, и это доставляет мне удовольствие. Только потом начинаю понимать, как была не права. Скажи, Марми, как ты всегда вовремя спохватываешься?

– Мне помогла справиться моя мама…

– Так же, как сейчас ты мне, – перебила Джо мать и поцеловала ее.

– Но я лишилась мамы, когда была чуть старше тебя, – продолжала миссис Марч, – и с тех пор борюсь сама. Я всегда была очень гордой. Я скорее бы умерла, чем решилась поделиться своей тайной с кем-нибудь. Мне приходилось нелегко. Часто я плакала над собственным бессилием. Я очень старалась, но никак не могла взять себя в руки. Потом я вышла замуж за вашего отца и была так счастлива, что перестала раздражаться по пустякам. Быть доброй и покладистой стало для меня совершенно естественно. Так продолжалось до тех пор, пока у меня не появилось четверо дочерей и папа не разорился. Вот тут старая болезнь вновь стала терзать меня. По природе я нетерпелива, и мне было очень тяжело сознавать, что мои дети постоянно в чем-то нуждаются.

– Бедная Марми! И как же ты с собой справилась?

– Справилась не я, Джо, справился ваш отец. Он никогда не выходит из себя. Ему чужды тоска и отчаяние. Он верит в лучшее. Понимаешь, перед лицом всех несчастий он проявлял такую бодрость и трудолюбие, что мне просто стыдно было вести себя как-то иначе. А как он меня утешал, Джо! И убедил, что непременно должно самой обладать всеми

качествами, которыми я хочу наделить детей. Мне следует быть во всем примером. И тогда задача упростилась: сдерживаться ради вас оказалось куда легче, чем просто следить за собой. Стоило мне выйти из себя, как ваш испуганный взгляд приводил меня в чувство. И самая лучшая награда, которую я получила за свои усилия, – любовь и уважение дочерей.

– Ах, Марми! Если я смогу достигнуть хоть половины того, что ты, с меня будет вполне достаточно! – воскликнула Джо.

– Надеюсь, ты станешь гораздо лучше, милая. Но тебе надо очень следить за своим внутренним врагом, как это называет папа. Ты получила предупреждение, не забывай его и старайся одолеть свою вспыльчивость. А не будешь стараться, случатся гораздо большие потрясения, чем те, что ты пережила сегодня.

– Я постараюсь, Марми. Честное слово, постараюсь. Но помоги мне. Например, если я начну заводиться, напомни мне, и я легче возьму себя в руки. Я только сейчас вспомнила, как папа иногда прикладывал палец к губам и смотрел на тебя ласково и серьезно. А ты поджимала губы и уходила из комнаты. Он тебе напоминал, правда? – тихо спросила Джо.

– Правда. Я попросила его, чтобы он мне помог, и он никогда не забывал об этом. Знала бы ты, от скольких неразумных слов он избавил меня жестом, который тебе запомнился!

Говоря это, миссис Марч едва удерживалась от слез: губы ее задрожали, глаза увлажнились.

Испугавшись, что мать расстроилась из-за нее, Джо прошептала:

– Я понимаю, Марми. Нехорошо с моей стороны наблюдать за тобой. Я не должна была говорить тебе об этом. Но я не хотела обидеть тебя. Просто мне так приятно, что мы разоткровенничались.

– Девочка моя! Ты можешь говорить мне все, что угодно. Кому же, как не мне! Наоборот, я горжусь, что мои дочки от меня ничего не скрывают. Вы ведь знаете, как я вас люблю.

– Но мне кажется, я расстроила тебя.

– Ну что ты, милая! Мы заговорили о папе, и я лишний раз почувствовала, как его не хватает. И еще я подумала, как люблю его и как много дал он мне в этой жизни. Ради него я сделаю все, чтобы уберечь вас от зла.

– Зачем же ты отпустила его, Марми? Ты даже не плакала, когда он уезжал на войну. Да ты и теперь не жалуешься. Можно подумать, тебе совсем не трудно одной, – удивилась Джо.

– Я отдала стране, которую люблю, самого дорогого человека. И скрыла от него слезы. Какое я имею право жаловаться! Ведь мы только выполнили свой долг. В конце концов, если все будет хорошо и папа вернется с войны, мы оба не пожалеем, что сумели поставить дела страны выше собственного блага.

Джо ничего не ответила. Она крепко обняла мать и начала молча молиться – пылко и искренне. Никогда еще душа Джо не была так близка к Создателю, ни разу в жизни не обращалась она к Нему с такой горячей благодарностью. Ведь Джо познала не только горечь раскаяния, но и сладость самопожертвования и сдержанности.

Так с помощью матери она сделала еще один шаг, поднялась на ступеньку выше, и ей открылась частица Истины.

Джо наклонилась над спящей Эми. Девочка ворочалась и вздыхала во сне, точно и сейчас переживала свой проступок. Джо подняла голову, и мать заметила, какой добротой осветилось ее лицо.

– Я дала волю гневу и поступила как настоящее чудовище. Я не захотела простить ее. Если бы не Лори, она могла бы погибнуть. Из-за меня, – тихо проговорила Джо и, снова склонившись над спящей сестрой, легонько погладила ее по голове.

Эми словно услышала ее. Она вдруг открыла глаза и, улыбнувшись, простерла к Джо руки. Сестры крепко обнялись и в знак полного примирения поцеловались. Они снова стали друзьями.

Глава IX

Ярмарка тщеславия

– Мои подопечные вздумали заболеть корью! – сказала Мег. – У меня свободные дни, как хорошо!

Стоял апрель.

Сестры сгрудились в комнате, помогая Мег собирать вещи и на все лады обсуждая предстоящий отъезд.

– Как это мило со стороны Энни Моффат, что она не забыла о тебе. Мало ли людей, которые приглашают просто так, из вежливости. А она повторила приглашение. Две недели сплошных развлечений! Как я за тебя рада! – сказала Джо.

– Я тоже за тебя рада, – отозвалась Бет, уложив разноцветные ленты в красивую коробку. – Главное, стоит чудесная погода.

– Я бы тоже не отказалась поразвлечься подобным образом. И в нарядах покрасоваться, – проговорила сквозь зубы Эми.

Рот она открыть не могла – губами она держала булавки и по одной втыкала в подушечку Мег, пополняя таким образом запасы швейных принадлежностей сестры.

– Я очень хотела бы вас всех взять с собой. Но раз это невозможно, я постараюсь запомнить самое интересное и потом расскажу вам. Конечно, это лишь малость по сравнению с тем, как вы были добры ко мне. Вы одолжили мне столько вещей, и собраться без вас мне было бы трудно, – сказала Мег, бросив взгляд на свой более чем скромный гардероб, который казался сестрам роскошным.

– А что тебе дала мама из сундучка с драгоценностями? – осведомилась Эми, которая не присутствовала в этот раз при торжественном открытии знаменитой в семье кедровой сокровищницы, в которой миссис Марч хранила остатки некогда богатого гардероба.

Теперь все это постепенно получали дочери в особо торжественных случаях.

– Шелковые чулки, вот этот резной веер и чудесный голубой пояс. Я хотела взять лиловое шелковое платье, но мы не успели его переделать. Придется обойтись старым кисейным.

– Оно будет прекрасно сидеть на моей новой муслиновой юбке, а шарф чудесно его оттенит. Жалко, я разбила коралловый браслет. Я бы тебе его дала, – сказала Джо, которая обожала дарить и давать взаймы.

Правда, вещи у нее, как правило, пребывали в таком плачевном состоянии, что щедрость ее редко доставляла кому-нибудь радость.

– В сундучке есть красивые украшения из жемчуга, но мама говорит, что для девочки самое лучшее украшение – это живые цветы. А Лори обещал прислать столько цветов, сколько мне захочется, – заметила Мег. – Давайте посмотрим, что у нас получается. Серый костюм для

прогулок, совсем новый. Бет, поправь, пожалуйста, перо на шляпе. Поплиновое платье на воскресенье и приемы. Вообще-то оно для весны тепловато, лиловое шелковое подошло бы больше. Жаль, что его некогда перешивать!

– Нестрашно, ведь у тебя еще есть кисейное. Оно тебе очень идет, ты всегда бесподобно выглядишь в белом, – сказала Эми, пожирая взглядом гардероб Мег, который казался ей верхом роскоши.

– У платья слишком маленький вырез и юбка не такая широкая, как сейчас модно, но ничего, сойдет. Голубое домашнее платье тоже выглядит вполне прилично. После того как его перелицевали и заново подшили, оно стало совсем как новое. Шелковый халат, конечно, не последний крик моды, да и шляпке моей далеко до совершенства. Я не сказала маме ни слова, но зонтик меня ужасно разочаровал. Я просила черный с белой ручкой, а она купила зеленый, с безобразной желтой ручкой. Он новый, добротный, и мне просто стыдно жаловаться, но я ничего не могу с собой поделать. Я знаю, что буду стыдиться его, особенно когда окажусь рядом с Энни. Какой у нее красивый шелковый зонт с золотым наконечником! – И Мег кинула исполненный осуждения взгляд на маленький зеленый зонтик.

– Обменяй его в магазине, – посоветовала Джо.

– Будь я глупее, я так бы и поступила. Но ведь тогда Марми обидится, а она так старалась. Я понимаю, как глупо сетовать на цвет зонта. Попытаюсь не давать себе волю, вот и все. Тем более что есть вещи, которые меня действительно радуют. Шелковые чулки и две пары хороших перчаток настолько утешают и ободряют меня, что я готова забыть о зеленом зонтике. Я очень благодарна тебе, Джо, за одолженные перчатки. Как подумаю, что у меня есть две пары выходных перчаток, еще одна пара на каждый день, тут же начинаю казаться себе богатой и элегантной. У Энни Моффат на ночных чепцах розовые и голубые банты. Может, и мне пришить такие же? – спросила Мег, когда Бет внесла стопку чистого белья, которую вручила ей Ханна.

– Не надо. Нарядные чепчики не подойдут к простым ночным рубашкам. Бедным людям не стоит пускать пыль в глаза, – решительно заявила Джо.

– Не знаю, доживу ли я когда-нибудь до такого счастья, что буду носить настоящее кружево и красивые чепчики, – раздраженно проговорила Мег.

– Ну вот, а вчера ты говорила, что самая большая твоя мечта – поехать к Энни Моффат, – тихо произнесла Бет.

– Верно! – спохватилась Мег. – И я ведь действительно счастлива, что еду. Не буду ворчать. Вот так: чем больше получаешь, тем больше хочется. Верно? Ну, все готово, уложено, только бальное платье осталось. Но его обещала уложить мама. – И голос Мег зазвучал веселее. Она переводила взгляд с наполовину заполненного чемодана на множество раз штопанное и глаженное кисейное платье, торжественно именуемое бальным.

На следующий день, который выдался столь же погожим, состоялись торжественные проводы Мег – в ближайшие две недели ей предстояло развлекаться и вбирать в себя новые впечатления.

Миссис Марч неохотно отпускала дочь. Она боялась, что по возвращении будничная жизнь покажется Мег безрадостной. Но Мег так упрашивала, а Салли обещала присматривать за ней, что мать почла за лучшее не препятствовать. Тем более что после целой зимы непрестанных трудов дочери совсем не мешает встряхнуться и переменить обстановку. Вот так и получилось, что мать уступила, и Мег представилась возможность закружиться в вихре светской жизни.

Моффаты славились своею светскостью, и Мег, выросшая совсем в другой атмосфере, поначалу оробела и от роскошной обстановки в доме, и от элегантности хозяев. Но, несмотря на легкомысленный образ

жизни, это были добрые люди, и гостья вскоре почувствовала себя свободно и уютно. Впрочем, от Мег не укрылось, что сквозь старательно нанесенную позолоту нет-нет да и просвечивает кое-где отнюдь не благородный металл: при всем блеске жизненного уклада Моффаты не отличались ни подлинной образованностью, ни интеллигентностью. Открытие это совсем не уменьшило того удовольствия, которое Мег получала от жизни в семействе Моффатов. Ей нравилась изысканная еда, полюбилось разъезжать в каретах и каждый день, отправляясь на очередное торжество, облачаться в выходное платье. Такая жизнь, лишенная забот и состоящая из одних лишь светских раутов, была вполне ей по душе, и она быстро переняла манеры и речь окружающих. Мег стала вдруг жеманной, она постоянно пересыпала речь французскими словечками и выражениями, волосы теперь тщательно завивала, постоянно переделывала платья и старалась по мере сил поддерживать разговор о моде. Мег с завистью разглядывала изящные безделушки Энни Моффат и мечтала стать богатой. Каким убогим вдруг показался ей родной дом, с какой тоской она вспомнила о своей работе! Несмотря на то что шелковые чулки и целых три пары перчаток были по-прежнему при ней, Мег чувствовала себя существом низшего порядка и страдала от унижения.

Впрочем, на страдания ей почти совсем не оставалось времени, ибо три юных особы со всей деловитостью, свойственной их возрасту, предавались веселью. Они разъезжали по гостям или по магазинам, или отправлялись гулять, или катались по городу. Они ходили в театр и в оперу и еще умудрялись по вечерам принимать гостей. У Энни было много друзей, и вечера получались очень веселые. Старшие сестры Энни были совсем взрослыми девушками, одна из них даже была помолвлена, что казалось Мег очень романтичным. Мистер Моффат, веселый, полный джентльмен средних лет, знал отца Мег и очень хорошо о нем отзывался. Не менее обаятельной представлялась Мег и миссис Моффат. Такая же веселая, полная, она, по мнению Мег, была столь же очаровательной, как и ее дочери. Все члены семьи наперебой старались сделать Мег что-то приятное, и это совсем вскружило ей голову.

Перед очередным приемом Мег убедилась, что ее поплиновое облачение никуда не годится, ведь остальные девочки облачились в нарядные шелковые платья. По сравнению с обновкой Салли кисейный наряд Мег выглядел совсем убогим.

Мег заметила, что при виде ее девушки обменялись сочувственными взглядами. Кровь бросилась ей в голову – несмотря на всю благовоспитанность, Мег была очень горда и ранима. Никто, разумеется, ни словом не обмолвился о ее платье, но каждая наперебой предлагала свои услуги: Салли вызвалась причесать Мег, Энни – повязать пояс, а Белл, та самая, у которой уже был жених, начала расхваливать белизну ее рук. Но за всем этим Мег без труда разгадала жалость, и это было так тяжело, что не было сил на общение с весело щебечущими сестрами. Мег грустно стояла одна, с завистью поглядывая на сестер Моффат, которые в своих легких нарядных платьях напоминали ей беззаботно порхающих бабочек.

В это время в комнату вошла горничная с коробкой цветов. Не успела горничная и слова вымолвить, как Энни открыла коробку. Увидев розы, переложенные папоротником, она захлопала от восторга в ладоши.

– Белл, это, конечно, тебе! Как всегда! Но сегодня Джорджи превзошел самого себя. Чудесные цветы!

– Посыльный сказал, что это для мисс Марч, – объяснила горничная. – И записка.

– Интересно, от кого это? А мы и не знали, что у тебя есть поклонники! – наперебой щебетали сестры, вмиг окружив Мег.

– Записка от мамы. А цветы прислал Лори, – просто ответила Мег.

Но в душе она ликовала. Лори не забыл ее просьбу!

– Ах вот оно что, – произнесла Энни, увидев, как Мег поспешно прячет в карман записку.

Мег действительно придала записке от матери особое значение. Ведь как раз сейчас она готова была впасть в отчаяние. Мамина записка представилась Мег настоящим талисманом: он спасет ее от дальнейших неприятностей! Ласковые мамины слова вселили в нее бодрость, а роскошные цветы придали уверенность в себе.

Счастливая Мег отложила немного роз и зелени для себя, а из остальных сделала маленькие букетики и украсила ими юбки, корсажи и волосы сестер. Все это она проделала с таким изяществом и деликатностью, что старшая сестра Клара прониклась к ней еще большей симпатией. Она заявила, что в жизни не встречала такого прелестного существа, как Мег. Другие сестры тоже были от нее в полном восторге. От уныния не осталось и следа. Когда сестры пошли показаться миссис Моффат, Мег посмотрелась в зеркало и осталась вполне довольна. Теперь, когда ее волосы и платье украшали цветы, наряд не казался таким убогим, и, поняв это, она зарделась от удовольствия.

Вечером Мег веселилась и танцевала как никогда. Все были с ней очень обходительны, и трижды за вечер она удостоилась похвалы. Когда Мег по просьбе Энни спела, гости похвалили ее чудесный голос. Потом на нее обратил внимание майор Линкольн:

– Откуда взялась эта красавица с ангельским взглядом?

А мистер Моффат сказал, что должен обязательно станцевать с ней – она так хороша в танце! Короче говоря, все было замечательно до той поры, пока случайно Мег не услышала разговор, повергший ее в отчаяние.

Мег сидела в оранжерее и ждала, пока очередной кавалер принесет ей мороженое. Вдруг за цветочной стеной раздались голоса.

– Сколько ему лет?

– Думаю, шестнадцать или семнадцать.

– Для этого семейства было бы огромной удачей, выбери он одну из старших дочерей. Салли говорит, они очень подружились. Старик в них просто души не чает.

– Наверное, у миссис Марч все запланировано. Думаю, она сыграет наверняка. Девочка-то вроде пока не отдает отчета в собственном счастье, – сказала миссис Моффат.

– И все-таки она соврала про записку. Так мы и поверили, что записка от мамы! А как она покраснела, когда принесли цветы! Бедняжка! Представляю, как бы она была мила, если бы ее модно одеть и обучить светским манерам… Как вы думаете, она не обидится, если мы одолжим ей на четверг платье?

– Вообще-то она очень гордая, но, думаю, не станет возражать. Ведь у девочки ничего нет, кроме этого убогого кисейного платья. Хоть бы оно порвалось! Отличный предлог предложить ей приличную одежду! И объяснять ничего не надо!

– Там видно будет. Знаете, а приглашу-ка я Лоренса. Ей это доставит удовольствие, а мы понаблюдаем за ними. Вот будет забавно!

В этот момент возвратился партнер Мег. Он удивленно посмотрел на нее. За те несколько минут, что он ходил за мороженым, Мег совершенно изменилась – раскраснелась и была явно чем-то встревожена. Сейчас только гордость и воспитание помогали ей скрыть гнев и отвращение! Несмотря на молодость и наивность, Мег прекрасно

поняла, о чем сплетничали сестры Моффат и их мать. Слова: "У миссис Марч все запланировано", "соврала про записку" по-прежнему звучали в ушах, причиняя ей все новые и новые страдания: намеки были слишком прозрачны, и Мег поняла всю их оскорбительность. Ей хотелось убежать домой и, разрыдавшись на груди у матери, спросить совета, как жить дальше. Но дом был далеко, и, взяв себя в руки, Мег притворилась, что по-прежнему от души веселится. Нервозность, в которую поверг ее невольно подслушанный разговор, в данном случае помогла ей справиться с собой, и всем казалось, что она как ни в чем не бывало радуется вечеру. Никто не догадывался, какой выдержки стоило ей такое поведение. Мег облегченно вздохнула, только когда оказалась в своей комнате. Улегшись в постель, она вволю предалась гневу и неистовствовала до тех пор, пока ее пылающее лицо не увлажнилось слезами. Пустая болтовня семейства Моффат посеяла в душе Мег сомнение. Мир, в котором она жила, теперь не казался ей таким прочным и незыблемым, как раньше. Все вызывало у нее сомнение: и чистота дружеских отношений с Лори, и помыслы матери. "Раз Моффаты считают, что у Марми все спланировано, значит, у них есть на то основания", – думала она. Поколебалась и внушенная матерью уверенность, что бедной девушке следует довольствоваться скромным гардеробом. Откровенная жалость сестер Моффат, искренне полагавших, что нет большего несчастья на свете, чем скверное платье, подействовала на Мег не менее сильно, чем рассуждения миссис Моффат, которая все на свете мерила своим аршином.

Словом, ночь для Мег выдалась неспокойной, и наутро она поднялась с опухшими глазами и в ужасном расположении духа. Мег была сердита и на подруг, и на себя – за то, что не нашла сил поговорить с ними начистоту. Впрочем, после вчерашнего никто не чувствовал себя бодро. Лишь к полудню девочки сели за рукоделие.

Мег заметила, что сестры стали относиться к ней совсем по-другому – наперебой оказывают знаки внимания, жадно вслушиваются в каждое ее слово. Это польстило самолюбию Мег, и, хоть она не понимала, в чем

тут дело, настроение ее заметно улучшилось. Наконец Белл оторвала взгляд от рукоделия и томно проговорила:

– Мег, дорогая, я послала приглашение на четверг твоему другу мистеру Лоренсу. Думаю, тебе это будет приятно, да и мы с радостью с ним познакомимся.

Мег покраснела, но тут ей пришло в голову подшутить над подругами. Делано потупив взор, она ответила:

– Вы очень добры, но, боюсь, он не приедет.

– Но почему, дорогая? – удивилась Белл.

– Он, знаете ли, слишком стар для таких поездок.

– Что с тобой, дитя мое? – поразилась Клара. – Сколько же ему лет?

– Около семидесяти, – ликуя, ответила Мег и сделала вид, будто считает стежки в рукоделии.

– Ах ты хитрюга! – воскликнула Белл. – Мы-то имеем в виду молодого мистера Лоренса!

– Молодых людей там нет. Если вы говорите о Лори, то он еще мальчик, – пояснила Мег.

Услышав такое о том, кого они считали чуть ли не ее суженым, сестры Моффат растерянно переглянулись. Мег заметила это и засмеялась.

– Разве он не ровесник тебе? – спросила Энни.

– Нет, он по возрасту ближе к моей сестре Джо. Мне ведь в августе будет семнадцать, – ответила Мег и гордо вздернула подбородок.

– Но не станешь же ты возражать, что он очень славный? Его цветы… Это было просто чудесно! – многозначительно сказала Энни.

– Он нам их часто присылает. У них огромная оранжерея, они знают, что мы очень любим цветы. Мама и мистер Лоренс – большие друзья, а мы подружились с Лори.

Мег надеялась, что тем и завершится беседа о семействе Лоренсов, но не тут-то было.

– Сразу видно, что Мег еще не выезжала в свет, – сказала Клара, переглянувшись с Белл.

– Невинность сельской простушки, – тут же отозвалась Белл и пожала плечами.

В это время в комнату, тяжело ступая, вошла миссис Моффат, сильно напоминая собою слона, задрапированного шелками и кружевом.

– Я собираюсь в город за всякой мелочью. Нет ли у вас, юные леди, каких-нибудь заказов? – спросила она.

– Спасибо, миссис Моффат, – ответила Салли, – у меня на четверг есть розовое шелковое платье. Оно меня вполне устраивает.

– Мне тоже ничего… – начала Мег и осеклась.

Она невольно подумала, сколько ей нужно новых вещей, от которых, увы, приходится отказываться.

– А что ты наденешь? – спросила Салли.

– Все то же старое белое платье, если мне еще раз удастся его подштопать. Оно вчера у меня сильно разорвалось.

Мег старалась проговорить все это самым беззаботным тоном, однако внутренне сгорала от стыда.

– А ты пошли домой за другим, – посоветовала Салли, в число талантов которой никогда не входила тактичность.

– У меня другого нет, – с трудом выговорила Мег.

Но Салли и тут с поистине детской непосредственностью воскликнула:

– Как! Неужели только одно-единственное?

Она хотела еще что-то добавить, но Белл помешала ей:

– А зачем ей много платьев? Она ведь совсем не выезжает. Но даже если бы у тебя дома висело десять платьев, тебе совершенно не нужно посылать за ними. У меня есть прелестное платье из голубого шелка. Я из него уже выросла. Прошу, надень его. Мне кажется, оно тебе очень пойдет.

– Спасибо, но меня вполне устраивает мое платье. По-моему, оно как раз по мне, – ответила Мег.

– Ну пожалуйста, позволь мне одеть тебя по моде. Я обожаю подбирать одежду. Вот увидишь, ты будешь в нем просто красавицей. Тут мы его ушьем, и тут тоже. Пока не подгоним, мы никому ничего не

покажем. Зато потом появимся на балу, как Золушка и добрая фея. Ну пожалуйста, – уговаривала Белл.

Она уговаривала так настойчиво и искренне, что Мег сдалась. Да и какая девушка смогла бы устоять против искушения надеть платье, в котором она будет красавицей! Так забылась вчерашняя обида, и в душе Мег снова воцарился мир.

В четверг утром Белл вместе с горничной принялись за Мег и вскоре превратили ее в настоящую леди: завили волосы, напудрили шею и руки, подкрасили губы. Горничная-француженка хотела подрумянить Мег щеки, но Мег оказала столь решительное сопротивление, что эту затею пришлось оставить.

Потом затянули Мег в небесно-голубое платье и зашнуровали так туго, что она едва дышала. У платья был такой глубокий вырез, что, глянув на себя в зеркало, Мег, которая не привыкла к столь открытым декольте, покраснела от смущения. Вслед за платьем на Мег надели серебряные браслеты, ожерелье, брошь и серьги. У Мег не были проколоты мочки, и горничная привязала серьги к ушам розовой ниткой. Нипочем не догадаешься, что они надеты не так, как надо. Бутоны чайных роз, приколотые к корсету, и рюшки окончательно примирили Мег с непривычно большим декольте. Когда же ее обули в голубые шелковые туфли на высоких каблуках, Мег почувствовала себя и вовсе превосходно – она давно мечтала именно о таких туфлях. Тремя заключительными штрихами стали кружевной платочек, цветы и веер в серебряной оправе.

Белл чуть отошла в сторону и, подобно тому как художник взирает на только что написанную картину, взглянула на Мег.

– Мадемуазель очень хороша, правда? – воскликнула горничная.

– Пойдем покажемся, – сказала Белл и повела Мег в комнату, где находились остальные сестры.

Стоило Мег сделать первые шаги, как она услышала чарующий шелест шелка (это шелестело ее платье) и мелодичный звон (это звенели серьги в ушах). Сердце ее учащенно забилось, и, гордо тряхнув тщательно завитой головой, она подумала, что наконец-то настал миг настоящего счастья. Девочка еще раз взглянула на себя в зеркало и убедилась, что она и впрямь хороша.

Когда они предстали перед сидевшими в гостиной Моффатами, все начали наперебой расточать Мег комплименты, а она пребывала в полном восторге и чувствовала примерно то же, что чувствует большинство живых существ, начиная от вороны из знаменитой басни и кончая юными девушками, когда вокруг них собирается восторженная публика.

– Энни, пока я буду одеваться, научи ее управлять шлейфом и держаться на каблуках, не то она обязательно споткнется. Клара, приколи серебряную бабочку в центре этой складки и подбери локон слева, он у нее слишком длинный. Больше ничего не трогайте, я не потерплю, чтобы такое совершенное создание было испорчено, – с подлинно авторским самодовольством сказала Белл.

Когда в комнату вошла горничная и сказала, что миссис Моффат просит всех спускаться вниз, Мег растерянно посмотрела на Салли:

– Просто не знаю, как спущусь в зал. Я чувствую себя так скованно. Все мне как-то тянет, жмет. И все время кажется, что я не одета.

– Это потому, что ты сама на себя не похожа. Но выглядишь ты превосходно. Во всяком случае, мне сегодня нечего и тягаться с тобой. У нашей Белл потрясающий вкус. Уж если она возьмется кого-нибудь нарядить, будь спокойна, лучше никто не будет выглядеть. Опусти

цветы, держи их свободнее. И постарайся не споткнуться, – сказала Салли, которая изо всех сил старалась не показать, как расстроена, что выглядит куда хуже Мег.

С большими предосторожностями Мег миновала лестницу и плавной походкой вошла в гостиную, где Моффаты занимали первых гостей. Тут Мег суждено было сделать открытие: дамы, которые на предыдущих приемах не обращали на Мег никакого внимания, неожиданно стали чрезвычайно предупредительны и любезны с ней. А молодые люди, которые на прошлом приеме не удосуживались подойти к ней, сегодня не только не сводили с нее глаз, но и просили представить их ей, а будучи представлены, рассыпались в комплиментах. Не обошли Мег вниманием и пожилые леди; сначала они тщательно оглядели ее, а затем начали расспрашивать у миссис Моффат, кто эта незнакомка. Мег слышала, как ответила миссис Моффат:

– Это Дези Марч. Ее отец на войне. Он полковник. Это одно из лучших наших семейств. Но, к сожалению, они потеряли состояние. Они очень дружат с Лоренсами. Дэзи прелестное создание. Наш сын без ума от нее.

– Подумать только! – воскликнула пожилая леди и, поднеся лорнет к глазам, принялась разглядывать Мег.

Мег смутили выдумки миссис Моффат, и она сделала вид, что ничего не слышала. Чувство неловкости не оставляло ее. Однако сама роль пришлась ей по вкусу, и она все больше и больше входила в образ светской леди.

Узкое платье жало в талии, шлейф то и дело путался под ногами, серьги при малейшей неосторожности грозили упасть на пол, а Мег как ни в чем не бывало поигрывала веером и смеялась над несмешными шутками, которыми потчевали ее состязавшиеся в остроумии кавалеры. Вдруг она глянула в другой конец зала, и смех ее разом прервался.

Прямо напротив нее стоял Лори. Он взирал на нее с удивлением и, как ей показалось, без одобрения. И хотя он поздоровался с ней столь же вежливо и радушно, как всегда, она почувствовала в его взгляде осуждение и вдруг пожалела, что не надела старое платье. Не уменьшали ее смущения и любопытные взгляды Белл и Энни, которые не отрываясь следили за Лори. Однако, к радости Мег, сам Лори выглядел как никогда ранее обескураженным и по-детски застенчивым.

"Пусть они сколько угодно внушают мне разные глупости, я все равно не поверю", – подумала Мег и поспешила к другу.

– Я рада, что вы приехали. Я так боялась, что вы не приедете, – произнесла она по-взрослому покровительственным тоном.

– Джо попросила меня поехать и посмотреть, как вы выглядите. И вот я здесь, – ответил Лори, старательно пряча усмешку, которую вызвали у него взрослые нотки в голосе Мег.

– И что же вы ей расскажете? – полюбопытствовала Мег, которой страшно хотелось узнать, какое она производит впечатление.

– Я скажу, что едва вас узнал. Вы выглядите взрослой и совсем не похожи на себя. Я даже как-то робею, – ответил Лори, теребя пуговицы на перчатке.

– Все это очень забавно. Девочки, шутки ради, нарядили меня, и, знаете, мне нравится. Как вы думаете, Джо удивилась бы? Мне кажется, она бы просто остолбенела, – сказала Мег, надеясь, что таким образом вынудит его высказать мнение по поводу ее внешнего вида.

– Наверное, вы правы, – серьезно ответил Лори.

– Я вам не нравлюсь такая? – спросила Мег.

Ответ был столь же прямым, как и вопрос:

– Нет.

– Почему? – В голосе Мег послышалась тревога.

Он внимательно посмотрел сначала на ее завитые волосы, затем на обнаженные плечи и чрезмерно разукрашенное платье, и во взгляде этом Мег прочла куда больше, нежели в только что произнесенном "нет". Сейчас в Лори не было ничего от того вежливого, деликатного мальчика, с которым она привыкла иметь дело дома.

– Я не люблю перьев и всей этой мишуры.

Мег вспыхнула. Чтобы мальчишка младше нее позволял себе такое!

– Никогда еще не встречала такого невежливого мальчика! – возмущенно сказала она и отошла в сторону.

Реакция Лори не на шутку обидела Мег, и она направилась к окну, чтобы слегка остынуть и согнать краску с лица. Как раз когда она стояла в одиночестве и приходила в себя, мимо прошел майор Линкольн. Он повернулся к своей матери, и Мег явственно услышала, как он сказал:

– Посмотри, во что они превратили эту девочку. А я-то как раз хотел представить ее тебе. Бедная, она сегодня похожа на куклу!

"Вот! – сокрушенно подумала Мег. – Надо мне было поступить так, как хотела. Надень я старое платье, все было бы в порядке. Да и чувствовала бы я себя свободно".

Мег прислонилась лбом к холодному стеклу и не двинулась, даже когда раздались звуки ее любимого вальса.

Внезапно она почувствовала легкое прикосновение руки. Обернувшись, она увидела Лори. Он поклонился и виновато сказал:

– Простите меня, пожалуйста, за дерзость и позвольте пригласить вас на танец.

– Боюсь, вам это не доставит удовольствия, – ответила Мег, пытаясь притвориться обиженной.

– Что вы, я мечтаю об этом. Мне не нравится платье, которое на вас, но сами-то вы просто прекрасны! – И он развел руками, как бы показывая, что самых ярких сравнений недостаточно, чтобы выразить его восхищение Мег.

Мег засмеялась и приняла приглашение. Когда они отошли от окна и начали отсчитывать такт, чтобы вовремя вступить в танец, Мег прошептала:

– Смотрите не запутайтесь в моем шлейфе. Это прямо наказание какое-то! Зря я согласилась надеть все это.

– Оберните его вокруг шеи. Так он, по крайней мере, принесет хоть какую-то пользу, и вы не простудитесь, – ответил Лори.

Мег последовала его совету, и они закружились в танце. Они часто танцевали дома и теперь поразили всех слаженностью и отточенностью движений. Это была поистине самая грациозная пара сегодняшнего вечера, и многие не могли оторвать от них глаз. Молодые люди весело выписывали круг за кругом, и, казалось, дружба их лишь окрепла после короткой размолвки.

Наконец они окончательно выдохлись и остановились. Лори принялся старательно обмахивать Мег веером.

– Лори, могу я вас попросить об очень большом одолжении?

– Сколько угодно! – с готовностью воскликнул Лори, продолжая изо всех сил работать веером.

– Не говорите, пожалуйста, дома, как я была сегодня одета. Боюсь, они не поймут юмора, и Марми расстроится.

– Зачем же тогда вы надели все это? – спросил Лори.

Его прямота так подействовала на Мег, что она поспешно ответила:

– Я лучше потом сама им расскажу. Потому что тогда я смогу признаться Марми, какой была глупой. Но только я должна обязательно сама. А вы, Лори, ничего не говорите. Ладно?

– Даю слово. Только вот что мне сказать, когда они меня начнут расспрашивать о вас?

– Скажите, что я хорошо выглядела и веселилась.

– Первое я скажу от всего сердца. А вот насчет веселья… По вашему виду не скажешь, что вам очень весело. А? – И Лори так пристально взглянул на Мег, что она прошептала:

– Может, мне и не очень весело. Только не думайте, что я такая ужасная. Просто мне хотелось чуть-чуть повеселиться. Откуда же я знала, что буду выглядеть так глупо. Мне самой надоело.

– Смотрите, к нам идет мистер Моффат. Интересно, зачем мы ему понадобились? – сказал Лори, и в голосе его не чувствовалось никакого почтения к юному хозяину дома.

– Он попросил станцевать с ним три танца и теперь вспомнил об этом. Тоска какая, – произнесла Мег с таким томным видом, что Лори не выдержал и засмеялся.

Они расстались до ужина. А когда все сели за стол, Лори увидел, что Мег пьет шампанское с Недом и с его другом Фишером. Он моментально окрестил их про себя дураками и на правах старшего брата (роль, которую он давно уже взял на себя, когда речь шла о сестрах Марч) решил вмешаться.

– Если вы не остановитесь, у вас завтра будет страшная головная боль, – прошептал он, наклонившись к Мег, пока Фишер отвернулся, чтобы снова наполнить ее бокал. – Не надо, Мег, вы же знаете, как к этому относится ваша мама.

– Я сегодня не Мег. Я сегодня кукла и могу делать всякие глупости. Вот завтра я сниму мишуру и перья и опять стану умной девочкой, – ответила она и наигранно засмеялась.

– Хотелось бы мне, чтобы этот вечер поскорее кончился, – пробурчал Лори себе под нос и, крайне недовольный поведением Мег, отошел в сторону.

А Мег разошлась вовсю. Она танцевала, кокетничала с кавалерами, много болтала и все время смеялась, стараясь ни в чем не уступать остальным девушкам.

Когда ужин кончился, она пошла танцевать, хотя этот танец ей был незнаком. Мег быстро запуталась в фигурах, сбилась с такта и едва не запеленала партнера своим шлейфом. При этом во всех жестах и

движениях ее сквозила вульгарность, и Лори стало стыдно за девушку. Он хотел одернуть Мег, но она старалась держаться от него подальше, и они встретились, только когда он подошел попрощаться.

– Не забудьте, что вы обещали, – сказала Мег и с трудом выдавила из себя улыбку; головная боль уже давала о себе знать.

– Я буду нем до гробовой доски! – воскликнул Лори и отвесил театральный поклон.

Энни была очень заинтригована этой сценой и стала приставать к Мег с расспросами. Но Мег так устала, что ничего не могла объяснять. Она легла в постель и все время, пока не заснула, испытывала такое чувство, точно побывала на маскараде, и это оказалось совсем не так весело.

Весь следующий день Мег, как и предсказывал Лори, чувствовала себя из рук вон плохо. В субботу, вконец пресытившись двухнедельными увеселениями и роскошеством, она вернулась домой.

– Как приятно оказаться дома! Раньше я не думала, что так тяжело долго находиться в гостях. Хоть наш дом и не богат, нет ничего лучше его, – сказала Мег, с удовольствием оглядывая все вокруг, когда воскресным вечером они с матерью и Джо сидели в гостиной.

– Мне приятно это слышать, милая, – ответила миссис Марч. – Признаться, я очень боялась, как бы после роскошного дома Моффатов наш дом не показался тебе унылым и бедным.

Пока они сидели и болтали, миссис Марч не раз бросала пристальные взгляды на старшую дочь. А Мег как ни в чем не бывало рассказывала о своих приключениях, стараясь уверить домашних, что она очень весело провела время. Однако от миссис Марч не укрылась

затаенная тревога, весь вечер не сходившая с лица Мег, и она не на шутку встревожилась.

Младшие девочки ушли спать, а Мег еще долго сидела у камина, молча разглядывая пламя. Когда часы пробили девять и Джо сказала, что она тоже, пожалуй, пойдет, Мег наконец решилась. Она встала со стула и, пододвинув табуретку вплотную к креслу матери, положила ей голову на колени.

– Марми, я хочу сознаться кое в чем.

– Я так и думала. Что случилось, милая?

– Мне выйти? – спросила Джо.

– Нет, нет. Когда это я от тебя что-нибудь скрывала? Просто мне было неудобно говорить при младших девочках. Но я хочу, чтобы вы знали, как ужасно я вела себя у Моффатов.

– Мы слушаем тебя. – Миссис Марч не на шутку забеспокоилась, но не показала вида и безмятежно улыбнулась.

– Я говорила вам, что сестры Моффат меня нарядили, но не говорила как. Напудрили, затянули в корсет, завили. В общем, я выглядела как на картинке из модного журнала. Лори мой наряд показался безвкусным. Он, конечно, ничего не сказал, но я прекрасно поняла. А другой человек назвал меня куклой. Конечно, я понимаю, не следовало соглашаться, но сестры Моффат так расхваливали мой наряд, говорили, что я настоящая красавица, и я дала себя одурачить.

– Всего-то? – удивилась Джо.

А миссис Марч, молча взирая на склоненную головку Мег, думала, что не в силах осудить дочь, ведь она так понимала девочку.

– Нет, не все. Я еще пила шампанское, и пыталась кокетничать с молодыми людьми, и вообще вела себя просто ужасно, – с раскаянием в голосе сказала Мег.

– Может быть, тебе еще что-то хочется рассказать? – мягко спросила миссис Марч и легонько потрепала Мег по щеке.

Мег покраснела и, секунду поколебавшись, ответила:

– Да. Конечно, это глупость, но мне хочется рассказать. Мне неприятно, что говорят о нас с Лори.

И Мег пересказала случайно услышанное. От ее внимания не укрылось, что мать, слушая эти сплетни, сердито поджала губы. Ей явно не понравилось, что простодушной Мег внушали такие мысли.

– В жизни не слышала подобной чуши! – возмущенно воскликнула Джо. – Я бы на твоем месте вышла и сразу сказала бы им об этом.

– Я не могла. Мне было так неудобно. Ведь сперва все получилось случайно, а потом я так разозлилась и расстроилась, что забыла и продолжала стоять. Получилось, будто я подслушиваю.

– Погоди, вот встречу Энни Моффат, я с ней сама поговорю. Я покажу ей, как сплетничать. Подумать только! Значит, мы подмазываемся к Лори и дружим с ним только потому, что он богат и у мамы-де есть на него виды! Представляю, как будет смеяться Лори, когда я ему расскажу, что говорят о нас, бедных детках! – И Джо искренне расхохоталась: в разговорах Моффатов она не видела ничего, кроме вопиющей глупости.

– Не вздумай говорить Лори! Я тебе этого никогда не прощу. Она не должна этого делать, правда, мама? – с тревогой спросила Мег.

– Конечно. Никогда не следует повторять глупых сплетен. Самое лучшее в таких случаях – забыть, и чем скорее, тем лучше. В общем, это я во всем виновата. Не надо было отпускать тебя к малознакомым людям. Я знаю, они добрые и славные, но они недостаточно воспитаны, и их представления о жизни весьма вульгарны. Хорошо еще, что все ограничилось только этим. Мне жаль, Мег, что все так вышло.

– Не расстраивайся, Марми. Как видишь, мои огорчения позади. Я постараюсь забыть о них. Хорошего тоже было много, а значит, ты меня отпустила не зря. Конечно, я вела себя глупо, но знаешь, я поняла, что не так-то легко оставаться спокойной, когда все тебя хвалят. Мне очень нравится, когда меня хвалят. – И Мег покраснела от собственной откровенности.

– Что ж, это вполне естественно. Тут нет ничего зазорного, если только любовь к похвалам не приобретет болезненного оттенка. Просто надо научиться отличать заслуженную похвалу от лести, на которую не стоит обращать внимания. Если научишься этому, станешь мудрой.

Мег сидела задумавшись, а Джо, заложив руки за спину, стояла посреди комнаты. Ей тоже было о чем подумать. Никогда раньше она не слышала от Мег ни о поклонниках, ни о кокетстве с партнерами по танцам. И Джо поняла, что за те две недели, что Мег провела вне дома, она приобрела опыт в области, для самой Джо пока совершенно неизведанной.

– Мама, о каких это планах говорила миссис Моффат? У тебя они действительно есть? – застенчиво спросила Мег.

– Ну, конечно, милая. У меня очень много планов. Правда, они несколько отличаются от планов миссис Моффат. О некоторых я тебе расскажу. Сейчас самое время настроить тебя на серьезный лад. Ты еще очень молода, Мег, но сможешь понять то, что я тебе сейчас скажу. Кому как не матери говорить на эту тему с девочками твоего возраста.

Со временем, Джо, наступит и твой черед выслушать мои планы и, если они удачны, осуществить их вместе со мной.

Джо подошла к матери и опустилась на подлокотник кресла. Лицо ее посерьезнело.

Взяв дочерей за руки, миссис Марч начала говорить, и голос ее звучал серьезно и решительно.

– Я хочу, чтобы мои дочери были красивыми, образованными и добрыми. Хочу, чтобы их любили, уважали и восхищались их поступками. Хочу, чтобы у них была счастливая молодость и удачное замужество. Хочу, чтобы они прожили жизнь с пользой для себя и для других, и чтобы Господь послал на их долю как можно меньше забот и испытаний. Любить и быть любимой хорошим человеком – предел мечтаний каждой женщины, я очень надеюсь, что дочерям моим выпадет это удивительное счастье. Разумеется, Мег, я не могу не думать об этом. Совершенно естественно, что я, ваша мать, надеюсь на лучшее. Словом, Мег, если тебе выпадет семейное счастье, сумей оценить его. Я многого хочу для вас, милые. Однако вовсе не считаю, что самое главное в том, чтобы ваши женихи были богаты. Самый роскошный дом ничего не стоит, если в нем нет любви. Конечно, трудно жить без денег. Деньги имеют еще и то преимущество, что, если правильно ими распоряжаться, можно помогать людям. Но я не хочу, чтобы деньги стали для вас главной целью в жизни. Я предпочту, чтобы вы вышли по любви за небогатых людей, чем стали королевами, которые не любят и не уважают своих царственных супругов.

– А Белл говорит, что бедной девушке надо изо всех сил стараться выгодно выйти замуж. Она уверяет, что, если самой не искать женихов, можно навсегда остаться старой девой.

– В таком случае мы лучше останемся старыми девами! – решительно заявила Джо.

– Согласна, – твердо ответила миссис Марч. – Лучше прожить достойно старыми девами, чем обречь себя на несчастливое замужество или стараться заполучить богатых женихов. Нет, Мег, бедность никогда не останавливала сердца любящих. Я знаю многих прекрасных и достойных женщин, которые были бедными девушками. Но у них было столько достоинств, что им не пришлось остаться старыми девами. Не думай об этом слишком много. Приложи все свои силы, чтобы в нашем доме царило счастье, и, быть может, настанет день, когда в него войдет тот, кого ты назовешь женихом. Ну а если и не войдет, ты будешь довольна жизнью и здесь, потому что в этом доме – часть твоей души. Запомните, милые: что бы ни стряслось, я всегда готова выслушать любое ваше признание, а отец протянет вам руку помощи. Мы с папой верим: будут у вас свои семьи или не будут, вы навсегда останетесь гордостью и утешением нашей жизни.

– Ну конечно, Марми! Такими мы и будем! – воскликнули девочки.

И, вполне умиротворенная беседой, миссис Марч пожелала им спокойной ночи.

Глава X

Пиквикский клуб

Весна вместе с удлинившимися днями принесла новые заботы и новые игры. Марчи принялись наводить порядок в саду. У каждой из сестер тут был свой участок, и она могла творить на нем все, что угодно. Ханна уверяла, что ей ничего не стоит узнать, кто из сестер над чем трудился. У Мег росли розы, гелиотропы, мирта и маленькое апельсиновое дерево. У Джо растения каждый сезон менялись – она обожала эксперименты. В этом году, например, она решила посадить подсолнухи, дабы было чем кормить наседку и ее потомство. Бет, напротив, культивировала традиционные растения – душистый горошек, резеду, маргаритки, анютины глазки, мяту и дикие гвоздики.

Эми на своем участке устроила маленькую живописную беседку. Верхнюю ее часть увивали вьюн и жимолость, а внизу росли стройные белые лилии и другие экзотические растения, из тех, что не требуют много света.

Работа в саду, катание на лодках, собирание цветов – таков был круг занятий девочек в хорошую погоду. На случай плохой погоды у них тоже имелись развлечения. Одни были придуманы давно, другие родились этой весной.

В то время как раз началось повальное увлечение всякими клубами. И вот, не желая отставать от моды, девочки изобрели игру с интригующим названием "П. К.". Девочки обожали Диккенса и решили назвать свой клуб в честь Пиквикского клуба. С некоторыми перерывами "П. К." заседал целый год. Собрания проводились на чердаке по субботам. Происходило это так: к столу в ряд придвигались четыре стула, на стол клали четыре белых повязки с разноцветными буквами "П. К.". Потом на свет извлекался еженедельник "Портфель Пиквика", в создании которого принимали посильное участие все члены клуба, а Джо, лучше других научившаяся владеть пером, была главным редактором.

В семь вечера члены общества поднимались в зал заседаний, усаживались за стол и надевали на головы повязки с эмблемами. Мег, по старшинству, была Сэмюелом Пиквиком, Джо, личность литературно одаренная, – Огастесом Снодграссом, пухлая, розовощекая Бет – Треси Тапменом, а Эми, с ее вечным стремлением делать то, что не умеет, – Натэниелом Уинклем.

Мистер Пиквик, председатель, читал вслух газету. Она содержала стихи и прозу, местные новости, смешные объявления и прозрачные намеки, в коих добродушно высмеивались оплошности присутствующих.

В очередную субботу мистер Пиквик приступил к чтению еженедельника.

Портфель Пиквика

Май, двадцатого числа 18… года

Уголок поэзии

Ода по случаю знаменательной даты

Сегодня празднуем, друзья, мы

Пятьдесят первый юбилей,

Свои эмблемы надеваем,

Потом к столу спешим скорей.

Знакомы хорошо мы,

Друг другу руки жмем,

Приятно убеждаясь,

Что все еще живем.

Нас Пиквик возглавляет,

Большой ему почет,

Сейчас очки наденет,

Газету нам прочтет.

Он простудился, бедный,

Но хрипов нету в нем,

И светлых истин бездну

Сейчас мы почерпнем.

Он вдохновенья силу

Недавно испытал,

Нос вымазал в чернилах,

Пока стихи слагал.

На нос в чернилах глядя,

Так Тапмен хохотал,

Что стул под ним сломался

И на пол он упал!

А Уинкль возмутился,

Вот только позабыл,

Что утром не умылся

И с рук не смыл чернил.

Вот год прошел, но вместе мы,

Как прежде, заседаем.

Смеемся, пишем и труды

Свои мы вслух читаем.

И дружбы нашей свет,

"П. К." наш дорогой,

Вовсю мы прославляем.

Мистер Огастес Снодграсс.

Свадьба в масках

Венецианский рассказ

Гондолы приставали к мраморным ступеням, чтобы высадить на сушу бесценный груз. Прелестные дамы составляли пеструю праздничную толпу в великолепных залах дворца графа Аделона. Рыцари и дамы, пажи и эльфы, вельможи и цветочницы закружились в вихре веселого танца. Воздух был напоен сладкоголосым пением и чарующими звуками оркестра. Шел удивительный маскарад.

– Скажите, вы видели сегодня леди Виолу? – галантно спросил трубадур у феи, которая вместе с ним поднималась по ступеням зала.

– Да. Ну не прелесть ли? Но так печальна! И платье отличное. Платье хорошо подобрано, потому что через неделю она выходит замуж за графа де Антонио. А она его ненавидит.

– Клянусь честью, я завидую ему. А вот и он. Он одет как жених, только в черной маске. Вот когда он снимет маску, мы увидим, с какой страстью он смотрит на прекрасную деву. Он не завоевал ее сердца, но зато отец преподнес ему ее руку, – возразил трубадур.

– Ходит слух про ее любовь к художнику-англичанину. Он не отходит от нее, а старый граф его не выносит, – сказала дама, когда они влились в танцующую толпу.

Праздник был в самом разгаре, и тут появился священник. Он отвел молодую пару в альков с занавеской из лилового бархата и велел им преклонить колени. Оживленная толпа мгновенно затихла. Вместо музыки лишь журчание фонтанов и шелест апельсиновых деревьев оживляли собравшуюся толпу под луной, ярко озаряющей картину с небес.

Потом граф де Аделон сказал:

– Леди и джентльмены! Простите меня за уловку. Я заманил вас сюда маскарадом, чтобы вы стали свидетелями на свадьбе моей дочери. Святой отец, дело за вами. Мы ждем.

Все взоры были прикованы к свадебной группе. По толпе пронесся тихий шепот удивления, потому что ни жених, ни невеста не сняли маскарадных масок. Сердца пылали любопытством и изнывали от удивления, но чувство почтительности заставляло удерживаться от высказываний. Обряд был свершен. И тогда любопытные зрители обступили графа и потребовали объяснений.

– Охотно рассказал бы вам все, но сам пребываю в неведении. Могу только сказать, что так захотела моя застенчивая Виола. Она сказала, что робеет, и я разрешил венчаться, как ей угодно. Теперь, дети мои, завершим представление. Снимите маски, я хочу вас благословить.

Но никто не преклонил колен. Когда жених сбросил маску и обнажилось благородное лицо художника Фердинанда Девре, который был возлюбленным Виолы, началось что-то несусветное. Склонившись на грудь отца, где сияла звезда английского лорда, рыдала Виола, которая излучала радость и сияла от красоты своей молодости и счастья.

– Милорд, вы высокомерно презрели меня и надменно отказали мне в руке вашей дочери. Но я могу похвастаться знатным именем и богатством. У меня его куда больше, чем у графа Антонио. Я могу совершить больше, чем он. Теперь, конечно, ваша тщеславная душа не откажет мне. Я отдаю свое звонкое имя и несметное богатство в обмен на обожаемую мною руку прекрасной дамы, ныне жены моей.

Отец невесты стоял как изваяние. Обернувшись на пораженную толпу, граф Фердинанд де Девре победоносно улыбнулся и произнес:

– А вам, мои галантные друзья, могу пожелать такой же удачи. Пусть каждый из вас завоюет такую же прекрасную невесту. Ради этого можно и свадьбу в масках сыграть.

Сэмюел Пиквик.

Рассказ про тыкву

В стародавние времена один фермер посадил зерно в огороде. Оно проросло стеблями, на которых выросло много плодов. К октябрю плоды поспели, и тогда крестьянин собрал урожай и повез продавать его на

рынок. Зеленщик купил у крестьянина плоды и выставил их в своей лавке.

В то же утро одна маленькая девочка в коричневой шляпе, голубом платье, с круглым лицом и курносым носом пошла и купила тыкву, чтобы накормить свою мать. Девочка принесла тыкву домой, нарезала ее и сварила в большой кастрюле. Немного тыквы она растолкла, посолила и, положив масла, подала к обеду. В остальное добавила пинту молока, разбила два яйца, всыпала четыре ложки сахара, добавила мускатный орех и несколько крекеров. Потом тщательно все перемешала, выложила на большую сковородку и пекла до тех пор, пока блюдо не подрумянилось. На другой день лакомство съела семья по фамилии Марч.

Мистер Треси Тапмен.

Мистеру Пиквику:

"Сэр!

Я обращаюсь к Вам по поводу греховности грешника. Я имею в виду человека по имени Уинкль, который смеется, нарушая порядок в клубе, и иногда отказывается от написаний в эту прекрасную газету. Я надеюсь, Вы простите ужасность его поступков и дадите ему возможность прислать французскую басню по причине его невозможности писать из своего воображения. У него много уроков и мало времени, и он не может приложить никаких мозгов на написание в Вашу газету.

В будущем я буду стараться брать время в свои руки и успевать сочинять изощренные (это значит интересные) записки в газету. Опаздываю в школу.

С уважением, Ваш Натэниел Уинклъ".

(Следует считать это признание мужественным и самокритичным. Единственное, что бы хотелось пожелать храброму и откровенному мистеру Уинклю – научиться правильно употреблять слова и писать пограмотнее.)

Скорбное известие

С прискорбием сообщаем о внезапном и таинственном исчезновении нашего дорогого друга миссис Снежные лапки. Эта чудесная и всеми нами любимая кошечка была украшением нашего кружка. Ее красота останавливала на себе восхищенные взоры, ее грациозность и высокие моральные качества покоряли сердца. Вот почему мы все горько переживаем ее утрату.

Последний раз ее видели, когда она сидела на заборе и неотрывно следила за повозкой мясника. Есть опасение, что некто, плененный грацией нашей дорогой кошечки, подло умыкнул ее. Минуло несколько недель, но, несмотря на все старания, мы не обнаружили ни малейшего следа нашей любимицы. Ныне мы потеряли всякую надежду и, повязав траурную ленту на ее корзину, отставили в сторону ее блюдце и оплакали ее как ушедшую от нас навеки.

Происшествие

В прошлую пятницу нас поверг в трепет громкий звук, который донесся из подвала. Он сопровождался криками о помощи. Бросившись в подвал, мы обнаружили на полу нашего почтенного председателя, который, пытаясь доставить дрова для домашних нужд, споткнулся и упал. Нашим взорам предстала картина полного разрушения. Дело в том, что уважаемый мистер Пиквик умудрился упасть головой в таз с водой и опрокинул сосуд с жидким мылом, которое вылилось на его благородную особу Значительный урон был нанесен также одежде мистера Пиквика. Оставляя место происшествия и уводя оттуда достопочтенного мистера Пиквика, мы убедились, что при всей

серьезности происшествие не причинило ему непоправимого ущерба, разве только несколько больших синяков. Мы рады сообщить, что самочувствие его нормально.

Редакция.

Стихотворное послание нашего сердобольного друга

Жалоба на уход из дома кошки Снежные лапки

Ох, жалко нашей кошки

Уж нету на окошке,

Клубочком не играет,

Не сядет близ огня,

Вообще, как поживает,

Неизвестно для меня.

Что ест она, что пьет,

Где спит —

Все тайною покрыто.

А если уж в земле лежит,

Не знаю, где зарыта.

Постель ее пустует,

Без дела мяч лежит,

И блюдечко пустое

Без молока стоит.

Где нашей кошки красота,

Где резвость, где размах?

Другая кошка ловит мышь!

Увы! И ох! И ах!

О. С.

Объявления

Мисс Оранти Блуггедж, известная своим ораторским искусством, а также сильным характером, в субботу, после очередного заседания Пиквикского клуба, прочтет лекцию на тему: "Женщина и ее положение в обществе".

Состоится очередное еженедельное собрание в Кухонном закутке. Предстоящее занятие посвящается обучению юных леди кулинарному искусству. Руководитель занятий – Ханна Браун. Приглашаются все желающие.

В следующий вторник назначен сбор членов Общества подметальщиков. Собрание проводится на верхнем этаже. Всем членам общества явиться в соответствующей одежде, с вениками через плечо.

Миссис Бет Баунсер показывает новую коллекцию кукольных платьев. Демонстрация моделей состоится на следующей неделе. Присутствующие узнают о новейших направлениях французской моды. Заявки на билеты принимаются.

В Сарай-театре поставлена новая пьеса. Спектакль дается в течение двух недель. Спешите увидеть! Ничего подобного на американской сцене еще не было. "Греческий раб, или Константин-мститель" – так называется эта захватывающая драма.

Намеки

Если бы С. П. так не увлекался изведением мыла, он, наверное, ни разу не опоздал бы к завтраку. О. С. просят не свистеть на улице. Т. Т., не забывайте, пожалуйста, про салфетку Эми. А вы, Н. У, не огорчайтесь, что на вашем платье нет девяти вытачек.

Отчет об успехах за минувшую неделю

Мег – хорошо.

Джо – плохо.

Бет – очень хорошо.

Эми – средне.

Когда председатель дочитал газету до конца (заметим, что газета создавалась силами сестер Марч), зал заседаний огласили аплодисменты. Потом с места поднялся мистер Снодграсс и сказал, что у него есть предложение.

– Глубокоуважаемый председатель, досточтимые джентльмены, я предлагаю принять в наш клуб нового члена. Считаю, что он вполне достоин такой чести. Он будет весьма признателен нам за это и, уверен, сделает все для дальнейшего процветания нашего клуба, а также внесет весомый вклад в развитие нашей газеты. Ручаюсь, что он всегда будет весел и интересен. Словом, джентльмены, я предлагаю принять в члены "П. К." мистера Теодора Лоренса. При приеме предлагаю присвоить ему звание почетного члена. Давайте примем его!

Внезапная перемена стиля, явственно ощутимая в заключительной фразе монолога мистера Снодграсса, очень позабавила остальных. Однако никто не позволил себе даже улыбнуться, и, когда мистер Снодграсс занял свое место, на лицах присутствующих царило выражение сосредоточенности.

– Ставим этот вопрос на голосование, – сказал председатель. – Тот, кто голосует за это предложение, должен сказать "да".

Мистер Снодграсс отозвался громким возгласом, вслед за которым, ко всеобщему удивлению, раздался голос робкой Бет:

– Кто против, должен сказать "нет".

Бет и Эми проголосовали против, после чего поднялся мистер Уинкль и в присущей ему изысканной манере добавил:

– Мальчишки нам не нужны. Они всегда только прыгают и надсмехаются. Это женский клуб, и мы хотим соблюдать порядок.

– Боюсь, как бы он не стал смеяться над нашей газетой! Ведь он нас потом задразнит, – сказал мистер Пиквик, теребя локон на лбу, что свидетельствовало о его нерешительности.

Тут снова вскочил мистер Снодграсс.

– Сэр, – решительно заявил он. – Слово джентльмена. Лори не сделает ничего подобного. Он сам любит писать. Если от него и можно чего-нибудь ожидать, так только того, что он придаст нашим публикациям отточенность и остроту. Как вы не поймете?! Это как раз тот человек, который нам нужен. Мы можем доставить ему так мало радостей, а он, напротив, доставляет нам их все время. По-моему, единственное, что нам остается, это предоставить ему место в нашем клубе и получше встретить, если он соблаговолит прийти на наше заседание.

Расчетливое упоминание о радостях, которые им доставляет Лори, заставило всех задуматься.

– Даже если мы чего-то и опасаемся, считаю, все равно следует его принять, – с решительным видом вскочил мистер Танмен. – Пусть приходит. И его дедушка тоже. Если захочет.

Бурная поддержка Бет растрогала Джо, и она вскочила, чтобы пожать сестре руку.

– Тогда давайте переголосуем. Прежде чем кричать "да" или "нет", вспомните, что речь идет о Лори! – крикнул мистер Снодграсс, и голос его дрожал от волнения.

– Да! Да! Да! Да! – один за другим раздались четыре голоса.

– Молодцы! Теперь мне остается взять на себя смелость и представить вам нового члена нашего клуба.

С этими словами Джо распахнула дверь чулана, за которой оказался Лори. Он сидел на мешке с тряпьем и едва удерживался от смеха. Все члены клуба, за исключением Джо, были изрядно смущены таким поворотом событий.

– Это просто предательство! Как ты могла, Джо! – хором закричали сестры.

А Джо как ни в чем не бывало взяла Лори за руку и, подведя к столу, придвинула еще один стул, выдала ему повязку с эмблемой, и мгновение спустя Лори уже сидел рядом с остальными.

– Их хладнокровие меня просто поражает, – произнес мистер Пиквик.

Он попытался нахмуриться, но не справился со своими чувствами и одарил Лори приветливейшей из улыбок.

Новичок сразу же повел себя так, что все поняли, с какой утонченной и самобытной личностью имеют дело.

– Глубокоуважаемый председатель, досточтимые леди и джентльмены, – с почтительным поклоном начал он, и голос его заворожил собрание. – Разрешите представиться вам в качестве Сэмюела Уэллера, покорного слуги вашего клуба.

– Молодчина! – крикнула Джо и, схватив предмет, который когда-то был рукоятью сковородки, но за древностью последней отвалился и теперь служил чем-то вроде председательского молотка, застучала по столу.

– Мой верный друг и высокий покровитель, – взмахнув рукой, продолжал Лори, – который только что дал мне такую лестную характеристику, совершенно не виноват в том, что вы имели честь назвать коварной уловкой. Все, что произошло, придумал я сам, и мне потом долго пришлось уговаривать Джо, чтобы она исполнила этот план.

– Да что уж там! Нечего все сваливать на себя. Ведь спрятаться в чулане предложила вам я, – перебил мистер Снодграсс, от души радуясь эффекту, который произвела их шутка на окружающих.

– Не обращайте на нее внимания. Она сама не знает, что говорит. Повторяю: я единственный виновен перед вами, грех этой шутки всецело лежит на мне, – в свою очередь перебил мистера Снодграсса новый член клуба и совсем по-уэллеровски пожал руку мистеру Пиквику. – Но, даю слово джентльмена, больше никогда не позволю себе поступить подобным образом. Отныне я всецело посвящаю себя интересам бессмертного Пиквикского клуба.

– Слушайте! Слушайте! – кричала Джо.

– Продолжайте! Продолжайте! – в свою очередь поощряли мистера Уэллера мистер Уинкль и мистер Тапмен.

Мистер Пиквик ничего не говорил, но его благосклонная улыбка была красноречивее всяких слов.

– Мне осталось добавить, что в знак благодарности за честь, которую вы мне оказали, а также желая укрепить дружбу между двумя пограничными государствами, я установил в живой изгороди почтовое отделение. Оно располагается в нижнем углу сада. Это превосходное строение снабжено надежной дверью с замком, в нем вполне достаточно места, чтобы разместить современную и удобную почту. Раньше помещение служило скворцу, но я заделал вход и снял крышу, так что теперь туда можно будет опускать почту. А так как у обеих сторон будут ключи, то и вынимать почту тоже сможет каждый. Экономя драгоценное время, посылки, письма, рукописи, книги и свертки можно пересылать с помощью учрежденного мною почтового отделения. Затем, уважаемый мистер Пиквик, мне остается только вручить вам ключ от почты, и я удаляюсь на свое место.

Мистер Сэмюел Уэллер положил ключ перед мистером Пиквиком и опустился на свой стул. Присутствующие разразились аплодисментами. Ручка от сковородки тоже не дремала и, руководимая мистером Снодграссом, изо всех сил дубасила по очень кстати подвернувшейся кастрюле. Потребовалось некоторое время, чтобы в зале заседаний воцарилась тишина. Затем начались длительные прения, в которых каждый старался продемонстрировать ораторское искусство. В общем, собрание прошло чрезвычайно оживленно. Прения продолжались дольше обычного и завершились троекратным "ура" в честь нового члена Пиквикского клуба.

О приходе Сэмюела Уэллера никому не пришлось жалеть. Более веселого, скромного и преданного члена клуба, чем Лори, не мог представить себе даже джентльмен, наделенный таким богатым воображением, как мистер Пиквик. Сэмюел Уэллер, без всякого сомнения, внес в собрание клуба живую струю. Во многом способствовал он и совершенству газеты. Что же касается его выступлений, то во время них присутствующие просто покатывались от хохота. Публицистические выступления мистера Уэллера были великолепны и воплощали все идеалы клуба: патриотизм, классическую умеренность сравнений и сдержанный драматизм. Порой статьи мистера Уэллера блистали юмором, но никогда Лори не опускался до сентиментальности. Джо сравнивала его статьи с творениями Бэкона, Мильтона и даже Шекспира. По единодушному признанию всех членов Пиквикского клуба, газета с приходом Лори превратилась в подлинно литературный шедевр.

Не менее замечательным изобретением Лори оказалось и почтовое отделение. Предприятие пользовалось большой популярностью у клиентов и процветало. Через него проходило множество самых нелепых и неожиданных посланий, и в этом оно могло соперничать с настоящей почтой. Через заведение Лори проходили трагедии и воротнички, стихи и пикули[9], семена растений и пространные письма, ноты и пряники, галоши, приглашения, обвинения и даже котята. Мистер Лори-старший тоже вносил свою лепту. Почта его очень

забавляла, и он развлекался, посылая шуточные телеграммы. А садовник мистера Лори, сраженный чарами Ханны, решился послать ей настоящее любовное письмо. Он доверил свою судьбу Джо, и девочки долго смеялись над его ухищрениями. Они и не подозревали, сколь много посланий подобного рода пройдет за ближайшие годы через почтовое отделение Лори.

Глава XI

Эксперименты

– Итак, сегодня первое июня. Завтра Кинги уезжают на море, и я обретаю свободу. Целых три месяца каникул! Это же замечательно! – воскликнула Мег.

Она только что вернулась домой и адресовала свой монолог Джо, которая сидела в гостиной на диване и выглядела очень усталой.

Бет стянула с Джо пыльные ботинки, а Эми приготовила всем освежающий лимонад.

– У меня такая радость, – в свою очередь поделилась Джо. – Тетушка Марч сегодня уехала. Я боялась, как бы она не пригласила меня вместе с собой. Я бы не отвертелась. Представляете, торчать в Плумфилде! Да там мрачно, как на кладбище! Хорошо, что она решила побыть одна! Такая суета была в доме, пока мы ее не отправили! И главное, я старалась держаться как можно незаметнее, боялась, что она все-таки надумает позвать меня с собой! Я тряслась до тех пор, пока не усадила ее в экипаж. И все равно не сразу успокоилась. В самый последний момент тетушка высунулась из окна экипажа и глядит на меня. Я так и обмерла! "Джо-зе-фи-на, – говорит, – ты не могла бы…" И тут я проявила малодушие. Не дослушав ее, пустилась наутек. Бежала, не останавливаясь, до самого угла. Только там я почувствовала себя в безопасности.

– Бедная наша Джо! Она примчалась домой с таким видом, будто за ней волки гнались, – сказала Бет и совсем по-матерински потрепала сестру по волосам.

– Тетушка Марч настоящий таран, – отхлебнув лимонада, заметила Эми.

– Ты, конечно, хотела сказать тиран, – поправила ее Джо. – Тетушка Марч совсем не похожа на орудие, которым пробивают крепостные стены. Но сейчас слишком жарко, чтобы придираться к словам.

– А как вы собираетесь проводить каникулы? – поспешила Эми переменить тему.

– Я буду по утрам валяться в постели и постараюсь как можно меньше всего делать, – отозвалась из недр кресла-качалки Мег. – Всю зиму мне приходилось рано вставать. Я целыми днями работала, а теперь буду отсыпаться и лениться в свое удовольствие.

– Ну нет, – с пренебрежительным смешком отозвалась Джо, – такой образ жизни мне не подходит. Я отобрала себе кучу книг и теперь смогу их прочитать. О, это будет здорово!

Я устроюсь на своей старой яблоне и буду читать все время, что мы не будем с Лори…

– Только не говори, пожалуйста, "валять дурака", – вмешалась Эми, беря маленький реванш за "таран".

– Что ж, если тебе так больше нравится, могу сказать "развлекаться".

– Давай, Бет, мы тоже не будем заниматься. Давай, как они, только развлекаться и отдыхать, – предложила Эми.

– Давай, а мама нам позволит? Я бы очень хотела разучить новые песни, а моим куклам нужно сшить новые летние платья.

– Что скажешь, мама? – повернулась Мег к миссис Марч, которая сидела с шитьем в углу гостиной под названием "уголок Марми".

– Попробуйте, пусть это будет вроде эксперимента. Поживите так с неделю, а потом посмотрим, что из этого выйдет. Мне хочется, чтобы вы сами убедились: игра без работы – занятие столь же пресное, как работа без игры. Думаю, к субботе вам это станет ясно.

– Только не мне! – тут же возразила Мег. – Я уверена, что буду наслаждаться жизнью.

– Да здравствует веселье и никакой уборки, как сказала бы моя подруга Сара Чемп! – перефразируя Сэмюела Уэллера, воскликнула Джо.

Она подняла бокал с лимонадом и отхлебнула изрядный глоток. Другие со смехом последовали ее примеру. Так было положено начало эксперименту.

Остаток дня сестры провели в полной праздности. На следующее утро Мег встала только в десять. Поскольку сестры поднялись много раньше, завтракать ей пришлось в полном одиночестве. Пища показалась ей невкусной, а комната была неприбранной и неуютной. Ничего удивительного! Сестры тоже со вчерашнего дня пребывали в праздности. Джо не поменяла цветы в вазах, Бет не вытерла полы, Эми не удосужилась собрать разбросанные книги. Только "уголок Марми" выглядел по-прежнему опрятно. Там-то и устроилась Мег, чтобы после завтрака отдохнуть и почитать. Однако читать ей скоро наскучило, и она принялась подсчитывать, насколько может обновить свой гардероб с помощью денег, которые заработала у Кингов.

Джо с утра ушла на реку, где вместе с Лори славно провела время. Вторую половину дня она посвятила своей любимой яблоне. Взобравшись на дерево, Джо пролила обильные слезы, внимая поступкам героев сентиментального романа – ярким и возвышенным.

Бет начала день с того, что вытащила из шкафа с игрушками все кукольные платья, но скоро это ее утомило, и она, благословляя судьбу за то, что сегодня не надо мыть посуду, отправилась заниматься музыкой.

Эми привела в порядок беседку, надела свое лучшее белое платье, красиво причесалась и устроилась рисовать под кустом жимолости: любой прохожий тут же обратит внимание на очаровательную художницу. Однако, к досаде Эми, мимо так никто и не прошел, и все ее старания пропали даром, если не считать, конечно, некоего кузнечика, с любопытством взглянувшего на рисунок Эми и тут же прыгнувшего в траву. Когда Эми наскучило рисовать, она отправилась на прогулку. Но сегодня ей положительно не везло. В пути ее застал дождь, и домой она вернулась мокрая до нитки.

За чаем сестры поделились впечатлениями. Суждение их было едино: восхитительный день, разве что чересчур длинный.

Мег купила голубой муслин, который поначалу показался ей просто чудесным, а потом несколько разочаровал. У Джо, пока она каталась на лодке, обгорел нос, а от долгого чтения разболелась голова. Бет не давал покоя беспорядок в кукольном шкафу. Кроме того, она убедилась, что, оказывается, несколько песен сразу выучить невозможно, а которой из четырех отдать предпочтение, она за целый день так и не решила. Эми сокрушалась об испорченном платье. Назавтра ей предстояло идти в гости к Кэти Браун, и она с тоской думала о том, что теперь ей нечего надеть.

Все эти неприятности сестры дружно сочли совершеннейшими пустяками в сравнении с той радостью, которую каждой из них принес первый день эксперимента. Словом, они изо всех сил убеждали миссис Марч, что чудесно проводят время.

Миссис Марч молча улыбалась в ответ и с помощью Ханны сделала все те домашние дела, что обычно выполняли девочки. В доме вновь воцарились уют и порядок.

Вскоре каникулы сестер Марч стали подлинным домашним бедствием. Чем дольше они предавались безделью, тем томительней тянулись для них длинные летние дни. Дошло до того, что им вдруг стала досаждать плохая погода, а так как погода и в самом деле стояла неровная, у них находилось вдоволь причин, чтобы впасть в дурное расположение духа.

Предоставленные самим себе, девочки начали вытворять бог знает что. Мег кромсала летние платья, пытаясь придать им сходство с нарядами сестер Моффат. Джо начиталась до рези в глазах, и книги ей наскучили, она вдруг стала такой раздражительной, что умудрилась поссориться даже с Лори и окончательно впала в уныние; участь компаньонки тетушки Марч показалась ей весьма завидной, и она жалела, что не поехала отдыхать вместе с тетушкой. Несколько лучше чувствовала себя Бет. Правда, она единственная из сестер иногда забывала, что время решено проводить в праздности, и незаметно для самой себя принималась за привычные домашние дела. Нездоровая атмосфера, царившая в доме, действовала и на нее, и дошло до того, что однажды Бет сердито встряхнула престарелую куклу Джоанну и обозвала ее уродиной. Ясное дело, в другое время она себе такого никогда не позволила бы! Хуже всего приходилось Эми. Теперь, когда сестры не занимались с ней, она не находила себе места от скуки. Кукол Эми не любила, деньги на развлечения кончились, осталось одно рисование. Разумеется, Эми это вскоре наскучило.

– Вот бы иметь большой дом, где полно девочек. Или, например, отправиться в путешествие. Тогда лето вышло бы удачным. А то сиди дома, и нет никого, кроме трех сестер-эгоисток. Правда, приходит взрослый мальчик, который тоже не уделяет мне никакого внимания, – сетовала наша грамотейка, уже несколько дней изнывающая от приступов мучительной скуки.

Другие сестры тоже склонны были обвинять в апатии все, что угодно, только не собственную лень.

Видя это, миссис Марч со свойственным ей остроумием решила довести эксперимент до конца. Она отпустила Ханну на целый день, и тут девочки почувствовали всю прелесть бездельничанья.

Проснувшись субботним утром, они с удивлением обнаружили, что завтрака на столе нет. "Уголок Марми" тоже пустовал. На кухне не оказалось Ханны, а в очаге не горел огонь.

– Кажется, мы терпим бедствие! – воскликнула Джо, в тоске озираясь по сторонам.

Мег побежала наверх. Вернувшись, она смущенно объявила, что Марми у себя в комнате.

– Она сказала, что немного устала и сегодня побудет у себя. Нам велено управляться самим. Странно, это совсем не похоже на маму. Правда, она сказала, что была очень тяжелая неделя, и просила нас самим о себе позаботиться.

– Ну и что? Я рада. Мне, честно говоря, давно хочется заняться чем-нибудь полезным. Это неплохое развлечение, – смущенно поправилась Джо.

Услышав, что сегодня волей-неволей придется заняться домашними делами, девочки с облегчением вздохнули и рьяно взялись за работу. В чулане они обнаружили солидный запас продуктов, после чего Бет и Эми отправились накрывать на стол, а Мег и Джо принялись готовить завтрак. Поначалу они только диву давались, почему это служанки вечно жалуются, что нет ничего труднее домашнего хозяйства. Девочкам казалось, что нет работы приятнее!

И вот они сели за стол.

– Пожалуй, я все-таки отнесу что-нибудь маме, – сказала восседавшая на председательском месте Мег. – Не сидеть же ей целый день голодной!

Предложение было немедленно принято, и, отсрочив собственный завтрак, девочки нагрузили поднос всякой всячиной, и Джо понесла его наверх.

Чай оказался слишком крепким и горчил, омлет подгорел, а гренки были посыпаны содой, однако миссис Марч поблагодарила за вкусный завтрак и дала волю душившему ее смеху лишь после того, как Джо с пустым подносом горделиво удалилась восвояси.

– Бедняжки мои, – проговорила сквозь смех миссис Марч. – Нелегко вам сегодня придется. Ну ничего. Это пойдет вам на пользу.

И принялась за более приемлемую пищу, заранее припасенную, а еду, приготовленную Джо, незаметно выбросила.

Сестры были куда менее деликатны. Кулинарное искусство Мег подверглось суровой критике. Было сказано, что некоторым особам вообще не следует подходить к кухне.

– Не расстраивайтесь, – успокаивала сестер Джо. – Обедом займусь я. А ты, Мег, будешь за хозяйку. Береги свои руки и занимай остальных. Тебе это больше пристало.

Предложение Джо было с радостью принято. Несчастные, если бы они знали, что, отведав стряпни Джо, с благодарностью вспомнят о завтраке, который, хоть и с большим трудом, но все-таки можно было есть.

Мег с достоинством удалилась в гостиную, которую вместе с Бет и Эми поспешно привела в порядок. Мусор замели под диван, а чтобы на свету не было видно пыли, задернули шторы. После этого Джо, пользуясь удобным случаем, побежала к почтовому отделению в живой изгороди и опустила в ящик записку, в коей призывала Лори забыть о размолвке и пожаловать сегодня к ним на обед.

– Ты сперва посмотри, что у тебя выйдет с обедом, а потом уж зови гостей, – посоветовала Мег, когда Джо рассказала ей о письме.

– Ну, это пустяки, – возразила Джо. – В кладовой есть мясо и картошка. Еще я приготовлю спаржу, а на закуску подам краба. Ты нарви салата. Сделаем салат. Правда, я никогда его не делала. Ничего, прочтем в кулинарной книге. А на сладкое я сделаю пудинг с клубникой. И, пожалуй, для элегантности сварим кофе.

– Не советую тебе затевать слишком много блюд, Джо. Ведь ты не умеешь готовить ничего, кроме пряников и леденцов. Во всяком случае, я тебе в этом не помощник. Сама пригласила Лори, сама и выкручивайся.

– Пожалуйста. От тебя только и требуется, чтобы ты вела умные беседы, у тебя это всегда хорошо получается. И помоги мне с пудингом. Ладно? – спросила Джо, несколько задетая заявлением сестры.

– Хорошо, но я ведь сама почти ничего не умею. Я только как-то пекла хлеб да делала несколько закусок. Знаешь, лучше не заказывай никаких продуктов, пока не спросишь у Марми, – снова предостерегла сестру осмотрительная Мег.

– Заказывай, что тебе хочется, мне все равно, – сказала миссис Марч, когда Джо спросила у нее разрешения, – я сегодня обедаю в гостях, так что обед – ваше дело. Мне, например, домашнее хозяйство никогда не доставляло удовольствия. Какое счастье, что я хоть сегодня от него отдохну. Буду читать, писать кое-что в свое удовольствие, а потом пойду в гости.

Глядя на миссис Марч, которая посреди дня удобно устроилась в качалке и читала книгу, Джо не могла понять, что же это делается в их доме. Наверное, начнись в саду извержение вулкана или еще какое-нибудь стихийное бедствие, это удивило бы ее гораздо меньше, чем неожиданное поведение Марми.

Ворча под нос, что в этом доме сегодня все с ума посходили, Джо гордо направилась на кухню и сразу опешила: после завтрака там царил ужасающий беспорядок. Взяв себя в руки, Джо собрала грязную посуду и поставила нагревать воду для мытья. Но тут она обнаружила, что огонь в очаге снова погас.

– Ну и ну! – воскликнула Джо и, отворив заслонку, начала изо всех сил махать веником, чтобы раздуть пламя.

На счастье, ей это удалось. Растопив печь, она решила не терять даром времени и, пока вода греется, сходить на рынок.

Прогулка несколько подняла ей настроение. Гордясь покупками, которые ей казались не только необходимыми, но и очень выгодными, Джо вернулась домой. В сумке у нее лежали юный краб, перезрелая спаржа и недозрелая клубника.

К тому времени как Джо покончила с уборкой и приступила к готовке, печь раскалилась докрасна, а Мег совершенно забыла про тесто для хлеба, и оно начало вылезать из кастрюли.

Мег сидела в гостиной, мило беседуя с Салли Гардинер, которая зашла ее навестить. Вот почему, когда в двери гостиной показалась раскрасневшаяся и встрепанная Джо и осведомилась, можно ли считать тесто готовым, если оно ползет из кастрюли, Мег не сразу поняла, о чем идет речь.

Салли засмеялась, а Мег, сообразив, в чем дело, подняла брови и кивнула, после чего Джо поспешила исчезнуть.

Вернувшись на кухню и не вдаваясь в дальнейшие размышления, Джо поставила перестоявшее тесто в духовку.

Поглядев, как идут дела у девочек, и кинув им на прощание несколько ободряющих слов, миссис Марч оделась и ушла в гости. Оставшись одни в доме, сестры почувствовали себя совсем неуверенно. Когда же некоторое время спустя в дом вошла мисс Крокер и объявила, что с радостью останется у них обедать, неуверенность девочек перешла в отчаяние.

Мисс Крокер считалась первой сплетницей в округе. Эта старая дева с остреньким носиком, злобными глазами и нездоровым цветом лица отличалась потрясающей наблюдательностью. Тот, у кого мисс Крокер побывала в гостях, мог не сомневаться: от взора посетительницы не укрылось ничего, достойного стать темой досужих разговоров, и на другой же день это станет достоянием всех соседей. Сестры Марч не выносили мисс Крокер, но родители требовали, чтобы они обращались как можно лучше с этой несчастной, одинокой и неимущей женщиной, и они скрепя сердце вынуждены были подчиниться.

Вот почему, изобразив радушие, Мег усадила мисс Крокер в мягкое кресло и постаралась занять ее беседой. Впрочем, занять гостью было нетрудно. Она сама болтала без умолку, и скоро Мег знала последние сплетни обо всех ближних и дальних соседях.

Джо по-прежнему находилась на кухне и тоже переживала отнюдь не лучшие часы в своей жизни. Ее обед долго еще служил в доме поводом для шуток. Лишенная возможности спросить у кого-нибудь совета, она руководствовалась своими скудными познаниями и вскоре убедилась: одного стремления к совершенству и доброй воли недостаточно, чтобы стать хорошей поварихой. Целый час она варила спаржу, в результате головки отвалились, а стебли так и остались жесткими. Затем Джо занялась приправой для салата, и это потребовало столько внимания, что она забыла вовремя вынуть хлеб. Хлеб почернел, а приправа получилась на удивление невкусной.

Краб явился для Джо загадкой, она колотила по нему молотком до тех пор, пока не сняла панцирь, а затем нарезала жалкие остатки мяса в салат, где они совершенно затерялись. Картошку Джо сняла полусырой. Бланманже получилось комковатым и все растрескалось. А клубника была совсем не такой вкусной, как это казалось на рынке. Выяснилось, что сладкие ягоды лежали только сверху.

"Ничего не поделаешь, – сокрушенно подумала Джо. – Зато они смогут поесть мяса и хлеб с маслом. Конечно, обидно. Все утро провозилась, и почти ничего не вышло".

Джо ударила в гонг на полчаса позже обычного. Когда все собрались в столовой, она, разгоряченная и усталая, с досадой смотрела на стол. А она-то намеревалась потрафить Лори, привыкшему к утонченным блюдам! Какой позор! И вдобавок ко всему эта мисс Крокер шныряет повсюду своими глазками! И Джо живо представила себе, какие слухи распространятся завтра же о ее кулинарном искусстве.

Бедная Джо! Она готова была сквозь землю провалиться от стыда, когда тарелки с ее кушаньями одна за другой отставлялись в сторону. Эми хихикала, Мег с расстроенным видом поглядывала на мисс Крокер, а та оскорбленно поджимала губы. Лори изо всех сил старался спасти положение. Он старался выглядеть как можно веселее, болтал без умолку. Лучше всего удались Джо фрукты. Кислую клубнику она обильно засыпала сахаром, а в качестве приправы подала кувшин густых сливок.

Вот почему, когда все разложили ягоды по красивым тарелкам и обильно полили их сливками, Джо облегченно вздохнула и даже решилась поднять глаза на сидевших за столом.

Первой клубнику отведала мисс Крокер. Лицо ее вдруг перекосилось, и она принялась поспешно пить воду Боясь, что ягод на всех не хватит, Джо отказалась от своей порции и теперь не могла проверить, в чем дело. Она перевела взгляд на Лори и, к своему удовольствию, убедилась, что он с аппетитом поглощает десерт. Правда, приглядевшись внимательней, она заметила, что у него как-то странно дергаются уголки рта, и он упорно не желает поднимать глаза от стола. Эми всегда очень любила клубнику. Набрав полную ложку и блаженно закатив глаза, она положила ягоды в рот, и тут с ней сделалось что-то непонятное: она подавилась, закашлялась и, прикрыв рот салфеткой, вылетела из-за стола.

– Да что с вами случилось? – выдавила Джо, и голос ее при этом дрожал.

– Ничего особенного, – поспешила успокоить ее Мег. – Просто вместо сахара ты насыпала соли, а сливки скисли.

Издав протяжный стон, Джо как подкошенная рухнула на стул. Теперь она все поняла. Так как времени на приготовление десерта почти не оставалось, она посыпала клубнику из первой попавшейся

банки: соль и сахар стояли рядом. Ну а сливки она забыла отнести на холод, и они все утро простояли в жарко натопленной кухне.

Джо едва удерживалась от слез. Но тут, подняв голову, она встретилась взглядом с Лори. Он смотрел на нее так весело, что дело неожиданно представилось ей в комическом свете, и, не в силах сдерживаться, она громко захохотала. Это послужило всем сигналом, и столовая огласилась неистовым хохотом. Смеялся Лори, смеялись девочки, и даже старая перечница, как величали между собой сестры Марч почтенную мисс Крокер, тряслась от беззвучного хохота. Потому было решено ограничить сегодняшний обед хлебом, маслом и оливками, что все с удовольствием и осуществили, то и дело разражаясь все новыми приступами веселья.

– У меня нет сил убирать со стола, – задыхаясь от смеха, заявила Джо. – Давайте сначала довеселимся, а то я боюсь побить всю посуду.

Проводив Лори и мисс Крокер, они вместе с Мег принялись за уборку, и это заняло у них всю вторую половину дня. Девочки так устали, что решили сегодня не готовить изысканных блюд на ужин и обошлись поджаренным хлебом и чаем.

Лори совершил акт милосердия. Чтобы отвлечь Эми от меланхолии, в которую она впала по поводу неудачного десерта, он взял ее с собой покататься.

Вернувшись домой, миссис Марч застала дочерей за работой. Она заглянула в чулан, и даже беглого осмотра ей хватило, чтобы понять, в чем дело. Но она решила еще выждать время и, не показываясь дочерям, тихонько удалилась к себе.

Прежде чем наши труженицы успели отдохнуть, в дом снова нагрянули гости. Пришлось спешно приводить себя в порядок, а затем подавать чай и играть роль веселых и радушных хозяев. Потом

пришлось заняться шитьем, ведь за неделю эксперимента накопилось много неотложной работы. Когда опустились мягкие летние сумерки и траву в саду покрыла роса, все собрались на веранде и любовались дивными розами, распустившимися в саду. Усаживаясь на стулья, сестры тяжело вздыхали, как вздыхают люди, силы которых на исходе.

– Ну и денек нам сегодня выдался! – начала Джо, она всегда начинала первой.

– Мне сегодняшний день показался удивительно коротким, но я почему-то очень устала, – вздохнула Мег.

– Наш дом сегодня был на себя не похож, – добавила Эми.

– Наш дом совсем другой, когда нет Марми, – отозвалась Бет.

– Твоя Марми уже вернулась, милая, – сказала миссис Марч и, выйдя на веранду, села рядом с дочерьми. – Ну что? Вы довольны жизнью? Может, отложим работу еще на недельку? Отдохните, мои дорогие!

Бет обняла мать за шею, а девочки просияли.

– Нет! – решительно заявила Джо.

– Нет! – подхватили остальные.

– Значит, вы считаете, что все же лучше иметь хоть немного обязанностей и хоть чуть-чуть заботиться о других? – спросила миссис Марч.

– По-моему, и жить не стоит, если всю жизнь валяться в постели и слоняться без дела, – заметила Джо. – Я устаю от этого больше, чем от работы. Завтра же займусь чем-нибудь интересным.

– Я могу посоветовать, чем заняться, – сказала миссис Марч. – Поучись готовить хоть самые простые блюда. Это всегда пригодится.

И миссис Марч громко засмеялась. Дело в том, что, возвращаясь домой, она встретила мисс Крокер и получила от нее подробный отчет о шикарном пире, который закатила Джо.

– Я поняла, Марми! – воскликнула Мег. – Ведь ты нарочно ушла из дома, чтобы посмотреть, как мы управимся без тебя и Ханны.

– Ну да! Я хотела, чтобы вы поняли, насколько уют в нашем доме зависит от всех нас. Пока мы с Ханной исполняли ваши обязанности, все шло прекрасно. Правда, вы давно заскучали и скуксились, однако особенных неудобств не испытывали. Вот я и решила дать вам возможность понять, что получается, когда каждый думает только о себе. Наверное, теперь вы согласитесь, что куда приятнее помогать друг другу и исполнять ежедневные обязанности.

– Правильно, мама. Теперь мы знаем это! – воскликнули девочки.

– Ну что ж, если вы согласны, советую каждой из вас снова взвалить на себя свою ношу. Я понимаю, иногда обязанности кажутся невыносимыми. Странно, если бы все обстояло иначе. Утешайтесь тем, что дела наши приносят пользу. И не только нам. Кроме того, работа хранит каждого из нас от жестокости и зла. И дает ощущение независимости и свободы больше, чем деньги.

– Марми, мы завтра же начнем трудиться, как раньше! И даже больше! – воскликнула Джо. – Вот увидишь, я научусь за лето готовить. Пусть это будет моей ношей на время каникул. Обещаю, через некоторое время я снова устрою званый обед, и теперь он удастся.

– А я вместо тебя, Марми, сошью рубашки для папы. Я сумею. Я не люблю шить, но постараюсь, чтобы рубашки получились как можно

лучше. Во всяком случае, я принесу пользу, вместо того чтобы корежить собственные платья.

– А я каждый день буду учить уроки. И буду меньше времени проводить с куклами и за роялем, – решила Бет.

Вдохновленная примером сестер, Эми с героическим видом заявила:

– А я научусь обметывать петли. И еще… займусь частями речи.

Глава XII

Пикник

Бет более других бывала дома, и сестры решили, что лучшего почтмейстера им не найти. Бет это занятие пришлось по вкусу: ей нравилось вынимать из ящика новые поступления и разносить их адресатам. И вот однажды Бет явилась в дом с таким обилием посылок, что ей едва хватало рук.

– Это тебе, Марми. Лори никогда не забывает послать тебе цветы.

Бет водрузила в вазу с водой свежий букет и поставила в "уголок Марми".

– А вам, мисс Мег, письмо и перчатка, – продолжала Бет.

Подойдя к старшей сестре, которая сидела рядом с матерью и подшивала рубашку, она вручила и то и другое послание.

– Ничего не понимаю, – сказала Мег, с грустью посмотрев на перчатку. – Почему только одна? Я ведь забыла у Лори пару перчаток. Может, ты уронила по дороге?

– На почте была только одна перчатка, – решительно возразила Бет.

– Ненавижу разрозненные перчатки. Одна надежда, что вторая все-таки найдется. Ага! А в письме нет ничего, кроме перевода немецкой песенки. Почерк не Лори. Наверное, это мистер Брук перевел.

Миссис Марч взглянула на Мег. Новое летнее платье очень шло дочери, а тщательно завитые волосы придавали ее красивому лицу особенное очарование. Миссис Марч пришла к выводу, что старшая дочь очень женственна.

А Бет уже направилась в маленькую комнату, где Джо оборудовала себе кабинет. Она уходила туда каждое утро после завтрака и посвящала себя литературному труду.

– Магистр Джо, вам целых два письма, шляпа, занявшая пол-ящика, и какая-то книга.

– Ну и Лори! – воскликнула Джо, увидев старомодную соломенную шляпу с широкими полями. – Где он разыскал эту реликвию?! Стоило мне сказать, что сейчас не носят таких шляп, и вот, пожалуйста. Он, наверное, думает, что я постесняюсь надеть ее. Дудки! Такие поля прекрасно защищают лицо от солнца. Обязательно надену, как только мы опять поедем на лодке. Вот тогда Лори убедится, что мне плевать на моду!

Ну а пока до катания на лодке дело не дошло, Джо водрузила видавшую виды шляпу на голову гипсового Платона и принялась за письма. Первое оказалось не письмом, а запиской. Прочтя ее, Джо очень обрадовалась. Похвалы миссис Марч (а записка была от нее) по поводу усилий, которые предпринимала Джо, чтобы обуздать вспыльчивость, пришлись как нельзя кстати. Ведь Джо казалось, что никто из домашних не замечает, каких трудов ей стоит держать себя в руках. Но Марми, оказывается, все видела.

В другом конверте было послание от Лори, написанное размашистым почерком.

"Приветствую Вас, мой добрый приятель Джо! Сим имею честь сообщить о предстоящем предприятии увеселительного характера, кое в ближайшее время намеревается устроить Ваш покорный слуга и приятель. Завтра ко мне прибудут несколько мальчиков и девочек – англичан, по каковому случаю я, если погода будет благоприятствовать, намереваюсь отправиться на Большой луг. Там я разобью палаточный лагерь. Мы переправимся всей компанией на лодках, поиграем в крокет, а потом разожжем костер и, по примеру заправских кочевников, приготовим себе еду. Мои гости – отличные ребята. Они обожают приключения, а значит, нам будет весело. Брук поедет с нами и будет следить, чтобы мальчики чего не натворили. За девочками надзор осуществляет Кэт Вон. Мне очень хочется, чтобы Вы и Ваши сестры отправились с нами. И Бет пусть обязательно едет. Скажите ей, Джо, чтобы она не стеснялась: тут все свои, и можно вести себя совершенно запросто. О еде и прочем даже думать забудьте, все уже готово, это уж моя забота. Единственное, что от вас требуется, – принять участие в пикнике и не опаздывать.

За сим позвольте впопыхах Вас поприветствовать, так как в связи с вышеизложенным у меня появилось множество дел.

Навеки Ваш Лори".

– Вот это да! – в восторге воскликнула Джо и бросилась в гостиную поделиться новостью с Мег. – Марми, нам обязательно нужно поехать, – принялась она уговаривать миссис Марч. – Не можем же мы бросить Лори одного! У него гости, и наверняка ему потребуется наша помощь. Мег приготовит завтрак, а я буду грести. Да и Бет с Эми на что-нибудь сгодятся.

– Надеюсь, эти Воны не какие-нибудь светские зануды. Ты что-нибудь о них слышала, Джо? – спросила Мег.

– Только то, что их четверо. Кэт немного старше тебя, Фред и Фрэнк – близнецы, мои ровесники, а Грейс, младшей сестре, не то девять, не то десять лет. Лори познакомился с ними, когда жил за границей. С мальчиками он дружит, а Кэт, по-моему, не очень симпатизирует. Когда он мне о ней говорил, у него вдруг сделалось такое кислое лицо.

– О, у меня как раз есть подходящее платье. Как хорошо, что оно чистое. Оно мне вроде к лицу. А у тебя-то, Джо, что-нибудь найдется приличное?

– Красно-серый костюм для гребли. Лучшего и не надо. Я ведь буду грести, мне некогда следить за юбкой. Бет, а ты поедешь?

– Если только эти незнакомые мальчики не будут со мной разговаривать.

– Не будут, – успокоила Джо.

– Ну, тогда хорошо. Мистера Лори я не боюсь. С ним я с удовольствием поеду. И мистера Брука не боюсь. Но я не собираюсь ни играть, ни петь, ни разговаривать с чужими. А помогать буду.

– Тогда поедем. Не бойся. Никто не будет с тобой разговаривать насильно, – заверила Джо.

– А мне по почте прислали коробку драже в шоколаде и картинку, которую я давно хочу перерисовать, – вдруг похвасталась Эми.

– А мне прислал записку сам мистер Лоренс, – не осталась в долгу Бет. – Он просит, чтобы я, пока не стемнело, зашла и поиграла ему. Пожалуй, сейчас и пойду.

И Бет, чья дружба с мистером Лоренсом-старшим крепла день ото дня, поспешила к соседям.

– Ну, если с пикником все решено, предлагаю всем поработать сегодня вдвойне. Тогда завтра мы можем отдыхать с чистой совестью.

Стремясь подтвердить слова делом, Джо моментально сменила орудия литератора на веник с совком и принялась мести пол в гостиной.

К пикнику девочки начали готовиться с вечера. Когда на следующее утро яркое солнце осветило их спальни, несхожесть характеров четырех спящих сестер проявилась с такой очевидностью, что об этом следует сказать хоть несколько слов.

Каждая из девочек готовилась к празднику по-своему. Стремясь, чтобы волосы лежали как можно лучше, Мег всю ночь проспала в папильотках. Джо, у которой, после того как она обгорела на солнце, лицо приобрело пунцово-красный оттенок, спала с густым слоем крема от ожогов на щеках и на лбу Она надеялась, что к утру краснота хоть немного сойдет. Бет, стыдясь, что придется оставить одной больную куклу Джоанну, взяла ее к себе в постель и спала с ней в обнимку. Эми пошла на самые радикальные меры в преддверии пикника. Она прицепила на нос прищепку для белья и спала в полной уверенности, что пробудится с носом, гораздо более изящным, чем накануне.

Яркий луч солнца осветил подушку Джо, и она первой открыла глаза, тотчас заметив хитроумное приспособление Эми. Девочка громко расхохоталась, и смех ее разбудил остальных.

Веселое пробуждение показалось всем добрым знаком, и, вскочив с постелей, сестры с удвоенной энергией принялись готовиться к пикнику.

Бет была готова первой. Пока остальные наводили последний лоск, она, стоя у окна, которое выходило в сад Лоренсов, рассказывала о том, что происходит на улице:

– Идет человек с палаткой. Миссис Баркер упаковывает еду в плетеные корзины. А вот мистер Лоренс. Глядит на небо. Теперь – на флюгер. Жалко, что он не поедет с нами. Лори, Лори вышел! На нем морской костюм. Ему очень идет. Ого! Подъехал экипаж, в нем куча народа. Высокая леди, девочка и двое противных мальчишек. Ой, один мальчик на костылях. Бедный! Лори ничего не говорил об этом. Девочки, ну скорее же! Опоздаем! Смотрите, Нед Моффат тоже приехал! Мег, это ведь тот самый, который раскланялся с тобой, когда мы ходили в магазин?

– Тот самый, Бет. Только Лори не предупреждал, что он тоже будет. Я думала, он уехал в горы. А вот и Салли. Хорошо, что она вернулась! – воскликнула Мег и еще больше засуетилась. – Ну-ка, Джо, посмотри на меня. Как я тебе?

– Свежа, как роза. Только подтяни чуть-чуть юбку и поправь шляпу. В шляпе набекрень у тебя вид чересчур томный. А если подует ветер, твоя шляпа улетит далеко-далеко. Так что поправь ее. Ну, пошли!

– Да ты смеешься, Джо, – возмутилась Мег, взглянув на сестру. – Неужели ты действительно собираешься идти в этой дурацкой шляпе? Как ты не понимаешь: Лори прислал ее тебе в шутку. Или ты хочешь, чтобы все смеялись над тобой?

– Пускай смеются, – твердо сказала Джо, – я все равно не собираюсь ее снимать. Мне надоело обгорать на солнце. А с такой защитой никакая жара не страшна. К тому же она очень удобная и легкая. В общем, можешь не уговаривать. Я так решила.

И, не тратя времени на дальнейшие пререкания, Джо направилась к выходу. Остальные поспешили за нею следом.

Едва завидев праздничное шествие сестер Марч, Лори бросился навстречу и препроводил их на лужайку перед домом, где собрались все гости. Он представил вновь прибывших в столь лестных выражениях, что сестры зарделись от гордости и смущения.

Мег очень боялась, что рядом с Кэт будет выглядеть замарашкой. Однако она напрасно волновалась. Несмотря на свои двадцать лет и немалые возможности, Кэт одевалась очень просто. "Хорошо бы некоторым нашим девушкам позаимствовать английскую манеру одеваться. Они бы от этого только выиграли", – удовлетворенно подумала Мег.

Джо, напротив, совершенно не одобрила Кэт. Одного взгляда на незнакомку оказалось достаточно, чтобы Джо назвала ее чопорной кривлякой. "Ну, теперь-то мне ясно, почему Лори скорчил такую кислую мину", – подумала она.

Бет неожиданно обнаружила, что братья-близнецы совсем не ужасные. В особенности ей понравился тот, что на костылях. Она тут же решила, что он нуждается в сострадании, и поклялась весь день опекать его.

Эми сошлась с Грейс, которую сочла очень приятной и благовоспитанной девочкой.

Палатка, продукты и крокетные принадлежности отправили загодя, и теперь вся компания могла ехать налегке. Погрузились в две лодки. Мистер Лори-старший стоял на берегу и махал им вслед. В первой лодке гребли Лори и Джо, во второй – мистер Брук и Нед. Один из близнецов предпочел свой способ передвижения – на плотике. При этом он проявил немало энергии и воли и изрядно пугал всех гребцов, то и дело

оказываясь в опасной близости с лодками. Если он поставил целью выкупать всех участников пикника в воде, то, казалось, его намерение вот-вот сбудется.

Солнце припекало все сильнее, и Джо внутренне торжествовала победу. Шляпа не только защищала ее от палящих лучей, но и служила неким подобием веера. Широкие поля колыхались и обдували разгоряченную греблей Джо спасительным ветерком. "А если пойдет дождь, моя шляпа защитит от воды лучше любого зонта", – подумала Джо, продолжая энергично работать веслами.

Кэт с любопытством наблюдала за ней: какая девочка! Все в Джо удивляло Кэт. Когда Джо уронила весло и по-мальчишески крикнула: "Христофор Колумб!" – Кэт чуть не подпрыгнула от удивления. Когда же Лори, случайно наступив Джо на ногу, спросил: "Я не ушиб вас, дружище?", Кэт широко раскрыла глаза и, затаив дыхание, ждала, что же последует дальше. Ее изумление лишь возросло, после того как Джо, совершенно не удивившись такому обращению, ответила:

– Все в порядке, старина!

После этого Кэт ничего больше не оставалось, как отнести Джо к разряду эксцентричных особ. Однако, понаблюдав еще немного, она пришла к выводу, что, несмотря на странные выходки, Джо обладает недюжинным умом. И когда взгляды их в очередной раз встретились, Кэт поспешила одарить Джо приветливой улыбкой.

Мег сидела в лодке, где гребли мистер Брук и Нед. Гребцы усадили ее лицом к себе и могли теперь беспрепятственно любоваться ею. Видимо, это занятие их вдохновляло: они гребли, не щадя сил, и не упускали случая продемонстрировать свою ловкость.

Мег давно нравился мистер Брук. Немногословный, прекрасно воспитанный, он казался Мег воплощением серьезности. Его

прекрасные карие глаза как будто освещали все его существо. Его образованность поражала ее. Но пока они плыли в лодке, мистер Брук и двумя словами не перемолвился с Мег. Зато он не сводил с нее глаз, и она имела полную возможность убедиться, что ее внешность не внушает ему отвращения.

Нед вел себя более свободно, то и дело напоминая, что учится в колледже. Как все первокурсники, он очень гордился своей принадлежностью к студенческой братии. При всей кичливости и явно невеликом уме, Нед был прекрасным человеком. Компанейский, добрый, веселый – без таких не обходится ни одно увеселительное мероприятие.

Салли Гардинер предпринимала титанические усилия, чтобы не измять и не запачкать нарядное белоснежное платье. Удивительно, как ее хватало на болтовню с Фредом Боном, который своими эксцентричными выходками довел Бет чуть ли не до белого каления.

Хотя до Большого луга было совсем недалеко, к тому времени как путешественники пристали к берегу, палатку успели разбить, а крокетные ворота ждали начала игры.

– Добро пожаловать в лагерь Лоренса! – торжественно объявил Лори, первым сойдя на сушу. – Мистер Брук у нас командир, я его помощник, остальные – офицеры. Дамы – гости нашего лагеря. Палатка приготовлена специально для них. Под этим дубом у нас будет гостиная, чуть дальше – столовая, а там кухня. Предлагаю, пока не слишком жарко, сыграть в крокет. После игры займемся обедом.

Разойдясь по сторонам крокетного поля, Фрэнк, Бет, Эми и Грейс принялись наблюдать за игрой остальных участников пикника. Мистер Брук и Лори стали капитанами. В команде мистера Брука играли Мег, Кэт и Фред, у Лори – Салли, Джо и Нед. Англичане играли прекрасно, с таким самопожертвованием, словно решался вопрос жизни или смерти. Но тут Джо заметила, что Фред сжульничал. Случилось это в тот

момент, когда она, пройдя последние ворота, неожиданно промахнулась. Собственная оплошность очень ее раздосадовала. Но тут она заметила, что Фред, который находился сзади нее, ударил по шару. Шар стукнулся об опору ворот и откатился на другую сторону. Оглядевшись по сторонам, Фред убедился, что все противники, кроме Джо, далеко, и незаметно подправил шар.

– Я прошел! – торжествующе заявил он. – Пропустите меня, мисс Джо. Я могу еще раз ударить!

Юный джентльмен уже занес молоток над шаром, но Джо заявила:

– Не воображайте, что я ничего не заметила. Вы же подправили шар.

– Не подправлял я его, он сам откатился. Честное слово! Я не нарушал правил. Отойдите, пожалуйста. Я хочу пробить.

– Вообще-то у нас в Америке не принято жульничать, но если вам так угодно… – сердито проговорила Джо.

– Ну, про янки-то нам, положим, все известно. Таких плутов больше нигде не сыскать, – ответил Фред и изо всей силы ударил по шару.

Шар откатился далеко в траву. Джо раскрыла рот, чтобы сказать Фреду все, что он заслужил своим поведением, но в последний момент сумела взять себя в руки и промолчала. Покраснев от ярости, она пнула изо всей силы ногой по воротам и почувствовала, что гнева несколько поубавилось. Тем временем Фред, совершенно не смутившись, пробил по шару и торжествующим тоном возвестил, что выиграл. А Джо отправилась за мячом и долго не могла отыскать его в высокой траве. Наконец шар нашелся, и Джо, вернувшись на площадку, стала терпеливо ждать своей очереди, чтобы снова вступить в игру. После нескольких метких ударов она смогла дойти до прежнего места. Но

пока она шла, почти все члены команды мистера Брука кончили игру. На поле оставалась только Кэт, да и та почти дошла до края.

– Ну, все! Держись, Кэт! – завопил Фред. – Я ведь отбил ее шар. Сейчас она мне отомстит.

– Плуты янки любят прощать врагов, – ответила Джо и наградила Фреда таким взглядом, что тот покраснел.

Обойдя шар Кэт, она точно ударила по своему и выиграла партию.

Лори подбросил вверх шляпу, но, вовремя вспомнив, что не имеет права ликовать по поводу проигрыша гостей, подавил восторженный клич. Он лишь позволил себе наклониться к самому уху Джо и прошептать:

– Молодчина! Я видел, как он сжульничал. Мне неудобно было вмешиваться, но теперь я уверен: он больше не будет.

А Мег, делая вид, что хочет поправить Джо прическу, отвела ее в сторону и тихо сказала:

– Он вел себя просто по-свински. А тобой я горжусь, Джо. Сдержаться в такой ситуации! Я бы, наверное, не смогла.

– Не надо меня хвалить, Мег. Мне и сейчас хочется стукнуть его как следует. Я бы не удержалась, если бы не пришлось искать мяч в траве. Пока искала, я чуть-чуть успокоилась. Но ему лучше не подходить ко мне.

Джо сердито закусила губу и кинула в сторону Фреда испепеляющий взгляд. Если он не превратился в горстку праха, то лишь благодаря широким полям чудодейственной шляпы Джо, которая, как известно, смягчала и водную, и тепловую стихии.

– Самое время для ленча, – взглянув на часы, объявил мистер Брук. – Помощник командира! – обратился он к Лори. – Приказываю вам развести костер и натаскать воды, а мы вместе с мисс Марч и мисс Салли накроем на стол. Кто-нибудь умеет варить кофе?

– Джо умеет! – испытывая чувство семейной гордости, ответила Мег.

Джо решила рискнуть. С достопамятного званого обеда она регулярно упражнялась на кулинарной ниве и, полагая, что хоть чему-то научилась, смело взялась за кофейник.

Дети собирали хворост, юноши складывали костер и носили воду, которую набирали из бившего неподалеку ключа.

Мисс Кэт рисовала, Фрэнк беседовал с Бет, а та плела из камыша что-то вроде салфеток, которыми во время ленча все могли бы воспользоваться как тарелками.

Вскоре главнокомандующий и вверенные его мудрому попечению офицеры расстелили скатерть и уставили ее таким впечатляющим количеством закусок и напитков, что у всех тут же пробудился бешеный аппетит. Вот почему стоило Джо объявить, что кофе готов, как дамы и офицеры в мгновение ока расселись вокруг скатерти и принялись уничтожать закуски со всей энергией и энтузиазмом молодости.

Свежий воздух, прекрасная погода, аппетит, пробудившийся после перехода на лодках и игры в крокет, ленч на траве – все это было внове, и лагерь Лоренса то и дело оглашался восторженными криками, которые очень смущали почтенную лошадь, чинно пасущуюся на лугу.

Скатерть постелили прямо на траву. Поверхность оказалась на удивление неровной, и это порождало множество неудобств. Чашки и тарелки опрокидывались, в молоко сыпались желуди, едой без приглашения лакомились маленькие черные муравьи, а с деревьев

свешивались пушистые гусеницы и с любопытством взирали на пиршество. Из-за ближайшего забора за лагерем Лоренса наблюдали три светловолосые головки, а на другом берегу появилась собака и изо всех сил принялась облаивать веселую компанию.

Лори протянул Джо блюдо с ягодами.

– С чем предпочитаете, с солью или с сахаром? – спросил он.

– Вообще-то я больше люблю с пауками, – ответила Джо, вытаскивая из сливок сразу двух утонувших паучков. – Я бы на вашем месте постыдилась напоминать об этом ужасном обеде. Тем более, что ваш удался на славу.

Тут они весело рассмеялись и, так как посуды на всех не хватало, принялись уплетать ягоды прямо из блюда.

– Был прекрасный званый обед, – продолжал Лори. – Никогда я еще так не веселился за едой. Вот и вспоминаю с удовольствием. А мой обед… Я ведь его не делал. Это, собственно, и не мой обед, а ваш, Мег и Брука. Так что можете благодарить самих себя. Меня волнует, что мы будем делать, когда больше не сможем есть? – спросил Лори.

Теперь, когда ленч подходил к концу, а день еще был в самом разгаре, Лори вдруг сообразил, что не удосужился придумать никаких развлечений, кроме крокета и трапезы на лоне природы.

– Пока не спадет жара, будем играть в какие-нибудь спокойные игры. Я кое-что знаю, но, может быть, мисс Кэт научит нас какой-нибудь новой игре? Подойдите к ней и спросите. Она ведь гостья, нам следовало бы уделять ей побольше внимания.

– А вы разве не гостья? Я-то думал, что ее будет развлекать мистер Брук, но он не отходит от Мег. Кэт только и остается, что наводить на

них свой лорнет. Я и сам собирался к ней подойти, и нечего меня учить правилам хорошего тона. Тем более, что вы в них не сильны.

Оказалось, что мисс Кэт действительно было чем поделиться по части игр, и, когда все насытились, общество удалилось, чтобы сыграть в "чепуху".

Кэт с важным видом принялась объяснять правила:

– Кто-нибудь начинает рассказывать историю. Первое, что придет в голову. На самом интересном месте он останавливается, а продолжать должен другой. Потом он тоже останавливается, подхватывает третий, и так далее. Если хорошо играть, может получиться очень смешно. Прошу вас, мистер Брук, начинайте, – приказала она.

Тон Кэт очень удивил Мег, сама она относилась к учителю с большим почтением, как, впрочем, к любому джентльмену. Однако мистер Брук, примостившийся на траве подле девушек, воспринял такое обращение совершенно нормально. Бросив взгляд на реку, блестевшую под солнцем, он покорно начал рассказ:

– Жил-был рыцарь. У него не было ничего, кроме щита и меча, и вот отправился он бродить по свету. "Вдруг, – думает, – счастье найду?" Он странствовал целых двадцать восемь лет, но счастье так ни разу и не улыбнулось ему. Добрел он до королевства, где правил старый добрый король. Король обещал награду тому, кто объездит великолепного, но непослушного молодого коня, которого сам он очень любил. Рыцарь вызвался это сделать. Человек он был отчаянный и постепенно сумел приручить норовистого скакуна. Несмотря на вольный нрав, конь вскоре привык к новому хозяину. Объезжая его, рыцарь каждый день скакал через весь город и внимательно глядел по сторонам в надежде увидеть прелестное лицо, которое множество раз являлось ему во сне. И вот однажды, проезжая мимо развалин древнего замка, он увидел в окне то самое прекрасное лицо. Рыцарь очень обрадовался и стал

расспрашивать, кто живет в этом замке. Вскоре выяснилось, что тут держат пленных принцесс. Их заколдовали, и теперь они целыми днями прядут пряжу, чтобы накопить денег и заплатить выкуп за свободу. Рыцарю захотелось освободить несчастных девушек. Но у него не было денег, чтобы заплатить выкуп колдуну. Он мог себе позволить только вновь и вновь проезжать мимо окна замка, чтобы увидеть прекрасную девушку. Наконец он решил, что войдет в замок и спросит у девушки, чем может помочь ей. Он подошел к двери, постучался и, когда ему открыли, увидел…

– Очаровательную особу, – подхватила Кэт, обожавшая французские романы. – Едва завидев рыцаря, она всплеснула руками: "Наконец-то!" "Это она!" – вглядевшись в ее лицо, воскликнул граф Густав и в восторге преклонил пред ней колени. "Встаньте", – взмолилась она. "Нет! – твердо ответствовал он. – Не встану, моя госпожа, до тех пор, пока вы не скажете, что мне делать, чтобы вызволить вас отсюда". "Увы, – вздохнула прелестная особа, – злая судьба повелела сидеть мне в заточении, пока мой тиран не будет повержен". – "Кто ваш тиран и где он?" – "В сиреневом зале. Ступайте туда, отважный рыцарь, и спасите меня". – "Слушаюсь и повинуюсь, дама моего сердца. Я умру или вернусь с победой!" – с этими словами он ринулся вперед. Распахнув дверь в сиреневый зал, он собирался войти, как вдруг…

– Страшный удар по голове едва не свалил его с ног, – продолжил Нед. – Какой-то старик в черном треснул его изо всех сил толстым греческим словарем. Но отважный сэр – забыл, как его звали – тут же оправился, бросился на тирана и выкинул его вместе с греческим словарем в окно. Дверь наружу оказалась заперта. Тогда наш смельчак сорвал с окна занавеску и изготовил из нее веревочную лестницу. Стал он спускаться, а лестница лопнула, и наш смельчак полетел с огромной высоты вниз головой и плюхнулся в ров, наполненный водой. Но он не утонул, потому что плавал не хуже утки. Он плыл, пока не увидел маленькую дверцу. Ее охраняли двое здоровенных детин. Смельчак схватил их за головы и стукнул лбами так сильно, что раздался треск, будто кололи орехи. Потом разломал дверь, за которой оказались

покрытые пылью ступени. На ступенях сидели жабы, каждая величиной с кулак, и пауки, такие противные, что вы, мисс Марч, наверняка бы лишились чувств от ужаса. А когда наш доблестный рыцарь поднялся по этой жуткой лестнице, он столкнулся с таким, что у него перехватило дыхание и кровь застыла в жилах…

– Он столкнулся, – вступила в игру Мег, – с каким-то высоким существом. Все в белом, лицо укрыто густой вуалью. В иссохшей руке оно держало лампу. Существо поманило доблестного рыцаря и двинулось по длинному и темному коридору. Оно скользило совершенно бесшумно, словно не ступало по полу. По сторонам стояли статуи в латах, царило мертвое молчание. От лампы в руках струился синий свет, а сам призрак то и дело оборачивался к рыцарю, пугая его потусторонним блеском глаз, которые виднелись даже через вуаль. Они дошли до двери с занавеской, из-за которой слышалась музыка. Рыцарь хотел войти туда, но призрак подскочил к нему, оттащил назад и угрожающе взмахнул…

– Табакеркой! – так мрачно произнесла Джо, что все покатились со смеху. – "Очень кстати", – сказал рыцарь и взял из табакерки щепотку табаку. Он понюхал и семь раз подряд так громко чихнул, что голова его отвалилась. Призрак дико захохотал. Потом глянул в щелку двери на принцесс, которые пряли не переставая, и удовлетворенно потер руки. Исполнив все это, он уложил поверженного рыцаря в ящик, где уже лежали одиннадцать рыцарей без голов. Они были уложены очень аккуратно, словно сардины в банке. Когда там оказался наш рыцарь, остальные встали на ноги и принялись…

– Танцевать под волынку, – тут же нашелся Фред, – и пока они танцевали, полуразрушенный замок превратился в военный корабль и поплыл на всех парусах. "Орудия к бою!" – скомандовал капитан, потому что на горизонте показался португальский пиратский корабль с огромным черным флагом на мачте. "Вперед, мои герои, мы победим!" – воскликнул капитан. И разразилась жестокая битва. Конечно же, британцы, как всегда, победили – взяли в плен главаря пиратов. Они

поднялись на борт корабля и нашли там одни мертвые тела, а весь корабль был доверху залит кровью. "А ну, боцман, возьми кусок мачты и врежь этому негодяю, если он не покается в своих грехах!" – приказал капитан. Португалец был нем, как рыба. Потом он пошел по планке, а опьяненные победой матросы улюлюкали ему вслед. Но этот продувной португалец вдруг нырнул под военный корабль, продырявил его, и он на всех парусах пошел ко дну…

– Святые угодники! Что же мне говорить? – воскликнула Салли, когда Фред прервал рассказ, в котором обильно использовал морские истории из своих любимых книг. – Ну ладно, – решилась Салли. – Они пошли ко дну, но там их встретила добрая русалка. Ее очень огорчило, когда она обнаружила ящик с рыцарями без голов. По доброте душевной, она окунула их в рассол, надеясь хоть таким образом узнать их тайну. Скоро на дно вернулся ныряльщик, и добрая русалка сказала: "Вот ящик, там жемчуг. Можете поднять его наверх, если у вас хватит сил". Дело в том, что она очень хотела вернуть бедных рыцарей к жизни, но сама не могла это сделать, потому что ящик был слишком тяжел. Ныряльщик потащил ящик на поверхность, а когда выплыл, был очень разочарован, так как жемчуга там не оказалось. А ящик он оставил на большом пустыре, где его нашла…

– Маленькая пастушка, которая выгнала туда пастись сто жирных гусей, – сказала Эми. – Девочка пожалела безголовых рыцарей и принялась расспрашивать одну старушку, как помочь им. "Спроси у гусей, – ответила старушка. – Гуси все знают". Девочка спросила у гусей, чем заменить рыцарям головы, которые куда-то потерялись. Сто гусей разинули сто своих клювов и крикнули…

– "Кочанами капусты!" – быстро ответил Лори. – "Ну, конечно, – обрадовалась девочка, – это как раз то, что надо". И она побежала в огород, чтобы сорвать самые хорошие кочаны. Принесла их, приставила к шеям. Рыцари тут же ожили и принялись благодарить девочку. Рыцарь, который нас интересует, пожелал немедленно отправиться на поиски прелестной принцессы. Вскоре он узнал, что принцессы уже

обрели себе свободу и даже вышли замуж. Все, кроме одной. Это известие очень расстроило рыцаря и, вскочив на коня, который никогда не покидал его ни в бою, ни в беде, ринулся к замку, чтобы как можно скорее выяснить, какая из принцесс осталась в заточении. Доскакав до замка и заглянув в сад, он узрел королеву своего сердца, которая собирала цветы. "Дайте мне розу", – попросил он. "Подойдите и возьмите сами, – сладким голосом ответила принцесса. – Я не могу выйти к вам, это не принято". Рыцарь попробовал перелезть через живую изгородь, но она вдруг начала расти и становилась все выше и выше. Тогда он попытался пролезть сквозь нее, но она все утолщалась, и он в отчаянии оставил эту попытку. Рыцарь принялся терпеливо изучать ветку за веткой. И тут заметил небольшую брешь. Он заглянул сквозь дыру в сад и принялся умолять жалобным голосом: "Пожалуйста, впустите меня! Впустите же". Но прелестная принцесса словно не слышала его и спокойно продолжала рвать цветы. Понял рыцарь, что ему не на кого рассчитывать, кроме самого себя. Удалось ему проникнуть в сад или нет, вам расскажет Фрэнк.

– Не могу! Я не играю! Я никогда не играю! – протестующе завопил Фрэнк.

Он считал вопиющей несправедливостью, что рассказ ему достался на таком сложном месте, и совершенно не представлял себе, как вывести влюбленных из безвыходного положения, в которое их завел Лори.

Бет укрылась за спиной Джо, а Грейс уснула.

– Значит, бедному рыцарю уготовано вечно торчать у этой изгороди? – спросил мистер Брук, задумчиво глядя на реку.

– Думаю, принцесса немного погодя все-таки откроет ему калитку и даже подарит букетик, – едва сдерживая смех, сказал Лори.

– Ну и славную чепуху мы сочинили! Наверное, если заниматься этим постоянно, будет выходить просто отлично, – сказала Салли после того, как они вдоволь посмеялись над только что сочиненной абракадаброй. – Ну, а "Истину" кто-нибудь из вас знает?

– Надеюсь, – отозвалась Мег.

– Да нет, – засмеялась Салли, – я имею в виду игру.

– Какую еще игру? – спросил Фред.

– Это когда каждый выбирает себе какой-нибудь номер, а потом все тянут жребий, и чей номер выпадет, тот должен правдиво ответить на любой вопрос, который ему зададут. Очень веселая игра.

– Давайте попробуем, – тут же подхватила Джо, которая загоралась от любой новой идеи.

Мисс Кэт, мистер Брук, Мег и Нед наотрез отказались. А Фрэд, Салли, Джо и Лори решили сыграть. Кинули жребий. Отвечать выпало Лори.

– Кто ваш кумир? – спросила Джо.

– Мой дедушка и еще – Наполеон.

– Кто из девочек вам кажется самой красивой? – задала вопрос Салли.

– Маргарет.

– А кто вам больше всех нравится? – полюбопытствовал Фред.

– Ну конечно же Джо.

Столь категоричный ответ рассмешил всех, кроме Джо.

– Глупые у вас какие-то вопросы, – заметила она и дернула плечом.

– Давайте играть дальше, – сказал Фред. – По-моему, получается неплохо.

– Для кого как, – тихо проворчала Джо.

Следующей отвечать пришлось ей.

– Какой у вас самый большой недостаток? – начал Фред, надеясь вывести ее из себя.

– Вспыльчивость.

– А чего вам больше всего хочется? – спросил Лори.

Джо угадала его замысел и поспешила помешать его осуществлению.

– Шнурки для ботинок, – ответила она.

– Ответ не принят. Вы ведь должны сказать правду.

– Стать талантливой. Наверное, вы хотели поделиться со мной своими способностями, Лори? – сказала Джо и, видя, как он разочарован, лукаво улыбнулась.

– Какие качества вы больше всего цените в мужчинах? – спросила Салли.

– Смелость и честность.

– Теперь я, – сказал Фред, вытянув жребий.

– Спроси его, – шепнул Лори на ухо Джо.

Утвердительно кивнув, Джо спросила:

– Вы сжульничали в крокет?

– Да, немного…

– Отлично. А история, которую вы рассказали в "Чепухе"… Она из "Морского льва"? – спросил Лори.

– Пожалуй, да.

– Англичане вам кажутся совершенными во всех отношениях? – спросила Салли.

– Если бы я считал иначе, я бы стыдился самого себя.

– Ну вылитый Джон Булль. Теперь ваша очередь, мисс Салли. Жребий можно не тянуть, ведь все остальные уже отвечали. Надеюсь, я не задену вас за живое, если спрошу, не считаете ли вы себя в некотором роде кокеткой? – спросил Лори, в то время как Джо, стараясь показать, что больше не сердится, дружески подмигнула Фреду.

– Как вы могли подумать такое, дерзкий мальчишка! – воскликнула Салли, вид которой, однако, красноречиво свидетельствовал о неискренности ответа.

– А что вы ненавидите больше всего на свете? – спросил Фред.

– Пауков и рисовый пудинг.

– А что вы больше всего любите? – спросила Джо.

– Танцы и французские перчатки.

– Не знаю, как другим, но мне показалось, что "Истина" не очень умная игра. Предлагаю сыграть в "Авторов". Это, по крайней мере, заставит нас чуть-чуть пораскинуть мозгами, – сказала Джо.

В этой игре должны были принимать участие все. Старшие кликнули Неда, Фрэнка и младших девочек, игравших поодаль. Пока они шли, мисс Кэт снова достала альбом для рисования. Маргарет принялась наблюдать за ней, а мистер Брук разлегся на траве с книгой, на которой, однако, никак не мог сосредоточиться.

– Как хорошо у вас получается, – похвалила Мег рисунок Кэт. – Жаль, что я совсем не умею рисовать.

– А отчего бы вам не поучиться? Уверена, у вас хватит и способностей и вкуса, – чрезвычайно любезным тоном ответила Кэт.

– К сожалению, у меня не хватает времени.

– Верно, ваша мама предпочитает, чтобы вы обучались другим предметам? Моя тоже. Но я уговорила ее и, после того как позанималась немного с учителем, доказала, что у меня есть способности. Тогда она согласилась на мои дальнейшие занятия. Советую сделать то же самое. Попросите гувернантку позаниматься с вами рисованием.

– У меня нет гувернантки.

– Ой, я и забыла. Американских девушек гораздо чаще отдают в школу, чем наших. Папа мне рассказывал. Он говорит, что у вас совсем неплохие школы. Вы, наверное, учитесь в частной?

– Я вообще не учусь. Я сама работаю гувернанткой.

– Вот как! – произнесла Кэт таким тоном, что с тем же успехом могла просто сказать: "Какой кошмар!"

Мег покраснела, она уже раскаивалась в своей откровенности. Мистер Брук поднял голову и, взглянув на Мег, поспешил вмешаться:

– В Америке, знаете ли, молодые леди стремятся к самостоятельности. Чем раньше они начинают зарабатывать себе на жизнь, тем большим уважением пользуются в обществе.

– Конечно, конечно, – покровительственно отозвалась Кэт. – Это прекрасно с их стороны. У нас тоже найдется немало превосходных и очень достойных женщин, которые, представьте себе, поступают точно так же. Они нанимаются на службу в знатные семейства. Сами они – дочери джентльменов и получили отличное воспитание и образование.

Услышав это, Мег смутилась еще больше. Теперь ее работа казалась ей не только неприятной, но и унизительной.

– Совсем забыл у вас спросить, мисс Марч, – перевел разговор мистер Брук. – Подошла вам моя немецкая песенка?

– Да. Песенка чудная. Я очень благодарна тому, кто ее перевел для меня, – ответила Мег, и лицо ее озарила улыбка.

– Как, вы не читаете по-немецки? – удивилась Кэт.

– Читаю, но плохо. Меня учил немецкому отец. Он ушел на войну, а одна я не могу. Мне надо, чтобы меня кто-нибудь проверял.

– Может, попробуем немного? – предложил мистер Брук. – У меня как раз с собой "Мария Стюарт" Шиллера.

И, улыбнувшись, он придвинул к ней книгу.

– Боюсь, для меня это слишком трудный текст. Я, наверное, ничего не пойму, – ответила Мег.

Ей было приятно, что мистер Брук предложил свою помощь. Она тут же начала бы разговор, если бы не присутствие надменной мисс Кэт.

– Пожалуй, я почитаю немного, – вдруг заявила мисс Кэт. – Надеюсь, это придаст вам смелости.

Взяв книгу, она прочитала один из самых прекрасных фрагментов; произношение у нее было замечательное, но читала она невыразительно.

Мистер Брук ничего не сказал по поводу ее декламации, и несколько разочарованная Кэт закрыла книгу.

– А я думала, это написано в стихах, – простодушно заметила Мег.

– Некоторые места да, – ответил мистер Брук. – Например, вот это, – загадочно улыбнувшись, добавил он и открыл книгу на монологе Марии.

Учитель взял в руки травинку и повел ее, словно указку, по строке. После этого Мег ничего не оставалось, как начать чтение.

Она читала медленно, неуверенно произнося слова. Однако безошибочное чувство прекрасного открывало ей поэтическую суть мало знакомого языка, и в медленном ее чтении проявлялось все больше выразительности.

Постепенно увлекшись трагической сценой, Мег забыла об окружающих и читала как бы для себя. Голос ее окреп, звучал все уверенней. Заметь Мег хоть на мгновение, с каким восторгом смотрит на нее мистер Брук, она наверняка бы сбилась от смущения. Но Мег ничего не видела, кроме прекрасных стихов.

– Чудесно! – воскликнул мистер Брук, когда она наконец сделала паузу.

Мисс Кэт его похвалы явно не воодушевили. Она поднесла к глазам лорнет и внимательно рассмотрела свой рисунок. Потом, захлопнув альбом, еще более покровительственным тоном сказала:

– У вас неплохое произношение, дорогая. Думаю, когда вы подучитесь, вы будете прекрасно читать. Очень советую вам не пренебрегать занятиями. Шансы гувернантки, которая знает немецкий, гораздо выше. Пойду утихомирю Грейс, что-то она слишком разошлась.

И, резко поднявшись, мисс Кэт поспешила туда, где резвились младшие дети. На ходу она несколько раз пожала плечами.

– Вот уж чего не желаю, так это присматривать за всякими гувернантками, – в сердцах проговорила она. – Конечно, эта девушка совсем не дурна собой, но все-таки янки чересчур много себе позволяют. Боюсь, это неподходящее общество для нашего Лори.

– Совсем забыла, что англичане совершенно по-другому воспринимают гувернанток. Они относятся к ним как к прислуге и,

разумеется, никогда не проводят с ними время, – с досадой говорила Мег мистеру Бруку.

– Учителям у них не лучше, – ответил мистер Брук, – я имел счастье испытать это на собственном опыте. Что ни говори, а для людей, подобных нам с вами, места лучше Америки, пожалуй, не сыскать.

Мистер Брук произнес это с таким чувством собственного достоинства, что Мег тут же устыдилась своего малодушия.

– В таком случае рада, что это моя родина. Признаться, я не люблю свою работу, но добросовестно зарабатываю ею на жизнь. Мне нечего стыдиться, я чувствую себя не хуже других, хотя, конечно, хотела бы любить свое дело так, как вы.

– Окажись у вас такой ученик, как Лори, вы бы тоже работали с удовольствием, – уверенно сказал мистер Брук. – Не представляю, как смогу покинуть его на будущий год.

И, вздохнув, мистер Брук принялся ковырять палочкой дерн.

– Наверное, он поступит в колледж? – спросила Мег, и, посмотрев на нее, мистер Брук без труда прочел в ее глазах невысказанный вопрос: "А как же вы?"

– Давно пора, – отозвался мистер Брук. – Он готов хоть сейчас держать экзамен. Как только он уедет, я уйду на войну.

– Как здорово! – воскликнула Мег. – Наверное, сейчас каждый молодой человек мечтает пойти на войну. Конечно, для близких это нелегко, – добавила она и горестно вздохнула.

– Ну, с этим у меня проблем не будет. У меня нет родных и очень мало друзей, во всяком случае таких, которые станут убиваться, если я погибну, – сказал мистер Брук.

Он вынул из петлицы пиджака красную розу, положил ее в ямку, которую только что выкопал в дерне, и с задумчивым видом принялся засыпать землей.

– Неправда! Лори, его дедушка, да и мы все будем очень горевать, если с вами что-нибудь случится, – пылко возразила Мег.

– Спасибо, вы не представляете, как я рад это слышать, – ответил мистер Брук, и лицо его снова повеселело.

Он хотел сказать что-то еще, но в это время на поляну верхом на престарелой лошади выехал Нед. Ему вдруг вздумалось похвалиться перед юными дамами искусством верховой езды, и с этого момента ни одному из участников пикника не суждено было пребывать в покое.

– Вы любите ездить верхом? – осведомилась Грейс у Эми, когда они отдыхали после первой верховой прогулки под руководством Неда.

– О да! Когда папа был богатым, мы держали лошадей, и моя сестра Мег ездила верхом. Но теперь у нас нет ни одной лошади. Разве что Эллен Три. – И Эми засмеялась.

– А что это за Эллен Три? Расскажите, пожалуйста. Наверное, это осел? – полюбопытствовала Грейс.

– Нет, это совсем другое. Просто Джо без ума от лошадей, я тоже. У нас есть только седло. И еще у нас в саду есть яблоня с очень подходящей нижней веткой. Вот я и надела на ветку седло, приделала поводья, и теперь мы можем скакать на Эллен Три сколько душе угодно!

– Здорово! – засмеялась Грейс. – А у меня дома есть пони, и мы с Фредом и Кэт каждый день катаемся в Гайд-парке. Мне очень нравится. Все мои подруги тоже ездят. В Гайд-парке столько дам и кавалеров!

– Замечательно! Я тоже мечтаю когда-нибудь поехать за границу. Но, думаю, я поеду не в Гайд-парк, а в Италию, – заявила Эми, которая понятия не имела, что Гайд-парк – это не страна, и скорее бы сгорела со стыда, чем показала свою неосведомленность.

Фрэнк сидел позади младших девочек. Услышав, что они говорят о верховой езде, он с досадой оттолкнул в сторону костыли и начал следить за возней, которую затеяли другие мальчики.

– Вы не устали? – ласково спросила его Бет, собирая разбросанные по земле карточки от игры в "Авторов". – Может быть, вам что-нибудь нужно?

– Если можете, поболтайте со мной, пожалуйста, – ответил Фрэнк, привыкший, что все дома оказывают ему повышенное внимание. – Мне так скучно сидеть одному…

Бет просто остолбенела от такой просьбы. Для нее не было ничего мучительнее, чем беседовать с малознакомыми людьми. Но она сама предложила Фрэнку помощь, и отступать было некуда.

Она оглянулась в поисках Джо. Но та была слишком далеко и ничем не смогла помочь. К тому же мальчик взирал на нее с такой мольбой, что она решила рискнуть.

– О чем же вы хотели побеседовать со мной? – спросила она и от смущения так встряхнула карточки, что половина их снова высыпалась из коробки на землю.

– Ну, о крокете, о гребле, об охоте, – ответил Фрэнк, интересы которого совершенно не соответствовали его возможностям.

"Ну и ну, – растерянно подумала Бет, – как же я буду с ним об этом говорить? Ведь я ничего в этом не смыслю".

Она настолько смутилась, что совсем забыла об увечье Фрэнка и, стремясь хоть как-то поддержать беседу, сказала:

– Я никогда не была на охоте. Но вы-то, наверное, много раз были. Может, расскажете?

– Да, я бывал раньше, – ответил он, – но больше никогда не смогу охотиться. Я скакал на лошади и грохнулся на одном из препятствий. С тех пор для меня все кончено.

И Фрэнк так горестно вздохнул, что Бет пожалела о своей забывчивости.

– Мне кажется, ваши олени куда красивее наших буйволов, – перевела она разговор, радуясь в душе, что прочла по совету Джо одну из книг о прериях, которые так нравятся мальчикам.

Упоминание о буйволах и впрямь оказало благое воздействие на Фрэнка. Видя это, Бет решила продолжать и, стремясь по-настоящему развлечь беднягу, совсем забыла о своей застенчивости.

Посмотрев на младшую сестру с крокетной площадки, Джо от изумления застыла с молотком в руках. Тихоня Бет что-то увлеченно рассказывала тому самому ужасному мальчику, от которого всего несколько часов назад просила Джо ее защитить.

– Вот что делает с человеком сочувствие, – сказала Джо, продолжая с улыбкой разглядывать Бет. – Она пожалела его и теперь изо всех сил старается скрасить ему пикник.

– Я всегда говорила, что наша Бет – настоящий ангел, – сказала Мег таким тоном, точно наконец окончательно убедилась в этом.

– Давно я не слышала, чтобы Фрэнк так весело смеялся, – говорила тем временем Грейс, обращаясь к Эми.

– О, моя сестра Бет бывает в большем эффекте, когда захочет, – ответила Эми, очень гордая за сестру.

На этот раз Эми повезло. Грейс тоже была не очень сильна по части употребления "умных" слов, и потому ошибка осталась незамеченной.

День завершился импровизированным представлением, где одни участники изображали дрессировщиков, другие – зверей. Завершающим аккордом стала еще одна партия в крокет.

На закате ребята свернули палатку, уложили корзины и разобрали крокетные ворота. Потом всю поклажу погрузили в лодки и, громко распевая песни, поплыли домой.

Нед, бросая выразительные взгляды на Мег, затянул трогательный романс. Его вид так позабавил Мег, что она не выдержала и расхохоталась.

– Почему вы так жестоки ко мне? – прервав пение, горестно вздохнул Нед. – Целый день вы провели подле этой напыщенной англичанки, а теперь обидели меня.

– Я не хотела обидеть вас, Нед. Просто вы так забавно пели, вот мне и стало смешно, – сказала Мег, избегая отвечать на другие его упреки.

После бала у Моффатов она действительно старалась избегать его общества.

Оскорбленный до глубины души, Нед повернулся к Салли.

– В этой девушке нет ни капли кокетства, не правда ли? – ища утешения, спросил он.

– Ни малейшей, – согласилась Салли, – но она и без этого хороша.

Нед, по примеру большинства молодых джентльменов, пытался компенсировать неудачу веселой остротой, но это у него не получилось, и он замолчал.

Добравшись до лужайки перед домом, участники пикника стали прощаться. Сестры Марч заспешили домой, а Воны вскоре должны были отбыть в Канаду.

– Конечно, манеры у американских девушек чересчур вычурны, однако когда познакомишься с ними поближе, они производят прекрасное впечатление, – заметила Кэт, и в голосе ее на этот раз не слышалось никакого высокомерия.

– Совершенно с вами согласен, – отозвался мистер Брук.

Глава XIII

Воздушные замки

Теплым сентябрьским днем Лори, раскачиваясь в гамаке и поглядывая на соседний дом, пытался представить себе, чем сейчас заняты сестры Марч. Конечно, проще всего было бы пойти и узнать, но у

Лори было такое скверное настроение, что ему даже с места трогаться не хотелось.

День выдался настолько неудачный, что Лори с удовольствием проснулся бы снова и начал все сначала. Но ничего поделать тут было нельзя, и ему оставалось лишь сожалеть об этом. Утром, как назло, стояла жара, и заниматься не хотелось. Лори отказался от занятий, чем вызвал неудовольствие мистера Брука. Потом он отправился музицировать, провел за роялем целых полдня, и дед за это на него рассердился. Оскорбленный такой несправедливостью, Лори сорвал гнев, объявив, что одна из собак, кажется, взбесилась. Сообщение это вызвало настоящую панику. Затем Лори пошел в конюшню и поссорился с конюхом, совершенно несправедливо обвинив его в том, что лошадь недостаточно ухожена. После этого славного деяния Лори счел себя вконец обиженным жизнью. Он удалился в гамак и предался мрачным мыслям о бренности человеческого существования и тщете всяческих усилий.

Но вскоре подул живительный ветерок. Почувствовав прохладу, Лори успокоился, гармония с окружающим миром восстанавливалась.

Устремив взор на густые кроны каштанов, Лори предался мечтам, вообразив, будто отправился в кругосветное путешествие и сейчас пересекает океан. Но тут он услышал чьи-то голоса, и это вынудило его поспешно пристать к берегу. Выглянув из-за деревьев, укрывавших гамак, Лори увидел сестер Марч, которые направлялись на улицу.

"Интересно, куда это они?" – подумал он. Что-то во внешнем виде соседок показалось ему необычным, и он пригляделся внимательней: у каждой на голове была широкополая соломенная шляпа, за спинами – котомки из коричневой ткани, а в руках – посох. Мег несла подушку, Джо – книгу, Бет – ведерко, Эми – папку для рисунков. Компания чинно пересекла сад и, пройдя через калитку на заднем дворе, пошла вверх по холму.

– Ну и наглость! – возмущенно пробормотал Лори. – Собраться на пикник и не сказать мне ни слова! Ведь они даже не могут взять лодку, у них ключа нет. Наверное, они забыли об этом. Пойду-ка отнесу им ключ, а заодно и выясню, что они там задумали.

У Лори было множество шляп, но он не ограничился первой попавшейся, а подобрал ту, которая, по его мнению, больше всего соответствовала случаю. Потом он начал повсюду искать ключ и в результате нашел его у себя в кармане. Это заняло больше времени, чем он думал, и, когда он наконец стал карабкаться на холм, девочки уже скрылись за поворотом. Тогда Лори выбрал кратчайший путь и, быстро добравшись до пристани, стал поджидать их там. Однако, к его удивлению, они не появились. Он поднялся на вершину холма и огляделся по сторонам. На одном из склонов раскинулась сосновая роща, из которой, помимо хора кузнечиков, доносились какие-то звуки, явно превосходящие по силе шум хвойных деревьев.

– Ах, вот вы где, мои милые! – воскликнул Лори.

Настроение у него поправилось, и он почувствовал новый прилив сил.

Тихонько подкравшись к сестрам, Лори увидел картину совершенно идиллическую. Девочки сгрудились в тенечке, солнечные блики играли на их лицах, а птицы безбоязненно порхали над головами. Мег пристроилась на подушке и что-то шила. Бет разглядывала шишки, которые только что собрала под деревьями. Из шишек она умела мастерить фигурки и множество других самых разнообразных вещей. Эми рисовала папоротник, а Джо вязала и одновременно читала всем вслух.

Лори наблюдал за ними, и лицо его все больше мрачнело. Его не пригласили. Он понимал, что нехорошо подсматривать, но ему было так тоскливо, что он не решался уйти. Лори стоял тихо. Белка, спустившись

с дерева совсем рядом, заметила мальчика, лишь подойдя вплотную. Она испуганно метнулась в сторону. Ветка треснула, и Бет, подняв глаза, увидела Лори. Она радостно улыбнулась и поманила его пальцем.

– Можно? – немедленно спросил он. – Я вам не помешаю?

Мег недовольно подняла брови, но Джо опередила ее:

– Конечно, можно. Мы бы и сами вас пригласили, но думали, что такие игры вас не интересуют.

– Я всегда с удовольствием играю в ваши игры. Но если Мег против, я уйду.

– Нет, я не против. Но только вы должны будете что-то делать. Таково правило игры, – ласково, но настойчиво произнесла Мег.

– Спасибо. Я все сделаю. Только бы мне посидеть с вами. А то у нас дома сегодня чересчур мрачно. Что я должен делать? Шить, читать, собирать шишки или рисовать? Или все это одновременно? Повелевайте! Я заранее повинуюсь. – И, всем своим видом олицетворяя достойную подражания покладистость, Лори чинно опустился на землю.

– Дочитайте рассказ, а я пока довяжу носок, – сказала Джо и протянула ему книгу.

– Слушаюсь, мэм, – ответил Лори и начал читать, старательно выговаривая слова, будто и впрямь стремился оправдать высокую честь.

Рассказ был небольшой, и, быстро расправившись с ним, Лори отважился спросить, каковы название и цели почтенной организации, куда девочки ему столь любезно открыли доступ.

– Рассказать? – спросила Мег сестер.

– А вдруг он поднимет нас на смех? – заволновалась Эми.

– Подумаешь, – отозвалась Джо.

– А мне кажется, ему понравится наше общество, – уверенно произнесла Бет.

– Правильно, Бет. Честное слово, я не буду смеяться. Расскажите, Джо, чего вы стесняетесь?

– Не воображайте, что мы вас испугались, – ответила Джо. – Конечно, я все вам объясню. Понимаете, всю зиму, весну и лето мы играли в "Странствия пилигрима".

– Я знаю, – с серьезным видом сказал Лори.

– Откуда? – удивилась Джо.

– Это все духи...

– Нет, не духи, – вывела его из затруднительного положения Бет. – Как-то вечером вас не было дома, а Лори скучал один, вот я и рассказала эту историю, чтобы его развлечь. Не сердись на меня, Джо. Лори очень понравилась наша затея.

– Видно, тебе нельзя доверять никаких секретов. Но неважно. Все равно мы собирались рассказать все Лори.

И Джо с недовольным видом погрузилась в вязание.

– Продолжайте, я очень вас прошу, – взмолился Лори.

– Значит, о новой нашей затее она вам не рассказала? Ну так вот. Мы решили воспользоваться каникулами и выполнить все задачи, которые поставили перед собой. Каникулы кончаются, и мы очень гордимся, что почти все сделали.

– Пожалуй, в этом что-то есть, – задумчиво проговорил Лори и вдруг пожалел, что свои каникулы растратил попусту.

– Марми считает, что мы должны больше времени проводить на воздухе, вот мы и берем работу с собой. А чтобы было интересно, мы кладем работу в котомки, надеваем шляпы, не забывая и посоха. Так мы играли в пилигримов еще много лет назад. Тогда мы прозвали этот холм Горой наслаждений. Как у Беньяна. Помните гору, откуда можно увидеть счастливую страну? Похоже, правда?

С этими словами Джо показала Лори на просвет между деревьями. Лори посмотрел: за рекой простирался город, а дальше высились горы, которые, казалось, доходили до самых небес. Солнечный свет золотил вершины, и они казались остроконечными башнями какого-то чудесного града.

– Замечательно! – тихо выдохнул Лори; он всегда очень живо откликался на все красивое.

– В солнечные дни здесь всегда так. Поэтому мы остаемся тут обычно до заката, – объяснила Эми; она давно мечтала нарисовать призрачный город.

– Когда Джо говорит о райском уголке, где мы хотели бы поселиться, она имеет в виду деревушку со свиньями, курами и сенокосом. Конечно, мы зажили бы очень мило, но я предпочитаю поселиться там, – добавила Бет, глядя на чудесное видение.

– Есть страна куда прекраснее этой. И каждый из нас рано или поздно попадет туда, если, конечно, будет жить достойно, – раздался мелодичный голос Мег.

– Вот только ждать очень долго, – вздохнула Бет.

– Ну, ты-то обязательно попадешь туда, – заверила Джо. – Не то что я, грешная. Мне придется еще очень долго работать над собой. И все-таки, может, я и не достигну цели.

– Не расстраивайтесь, – засмеялся Лори, – вы не одиноки. Мне тоже предстоит совершить немало подвигов пилигрима, прежде чем я удостоюсь хоть краем глаза увидеть Небесный град. Бет, у меня к вам одна просьба. Если я тут слишком задержусь, вы ведь не откажетесь замолвить за меня словечко?

Бет вгляделась в лицо старшего друга.

Несмотря на веселый тон, во взгляде его таилась тревога, и Бет не на шутку расстроилась. Однако, не показав вида, она беззаботно кивнула.

– Если человек хочет попасть туда, – она указала пальцем на небо, – и старается всю жизнь, думаю, он попадет. Как-то не верится, что у входа туда стоит стража, а на воротах висит замок. Я это представляю себе по-другому. Помните картину, где святые простирают объятия к христианину, который идет от реки?

– Если бы действительно все наши мечты исполнились! – с жаром сказала Джо.

– Вот только на какой мечте остановиться? – подхватил Лори. – Я столько построил воздушных замков, что просто не знаю, в каком хотел

бы жить, – и, растянувшись на земле, мальчик принялся кидать шишками в белку.

– Выберите самый любимый, – ответила Мег. – Что вы больше всего хотите?

– А если я расскажу, вы мне тоже расскажете?

– Конечно. Но тогда пускай все расскажут.

– Расскажем! Расскажем! – заверили сестры. – Начинайте, Лори.

– Хорошо. Я видел много стран и понял, что больше всего хочу поселиться в Германии и посвятить себя музыке. Я мечтаю стать знаменитым музыкантом – пусть люди со всего света съезжаются послушать мою игру. Дело не в деньгах, главное – музыка. Вот мой самый любимый замок. А ваш, Мег?

Мег ответила не сразу.

Она помахала веткой, словно отгоняла от лица мошкару, потом, собравшись с мыслями, медленно заговорила:

– Мне хочется иметь хороший дом, а в нем красивую мебель и убранство. Чтобы ко мне приходило много друзей. Еще я хочу, чтобы на столе была вкусная еда, а дома полно слуг, и чтобы у меня никогда не кончались деньги. Окажись у меня все это, я стала бы счастливой. И могла бы сделать много добрых дел, и, наверное, меня все любили бы!

– А в вашем дворце будет хозяин? – лукаво осведомился Лори.

– Разве вы не слышали? Я ведь сказала, что в доме будет много друзей. – И, пряча лицо, Мег принялась поправлять туфлю.

– Почему не сказать прямо, что ты мечтаешь об умном, добром и прекрасном муже и хочешь стать матерью прекрасных детей? Ты ведь сама понимаешь: без этого самый хороший дом будет холодным и несчастливым, – решительно заявила Джо.

– В таком случае смею утверждать, что в твоем замке будут одни книги, чернильницы и лошади, – тут же съязвила Мег.

– Конечно. У меня будет конюшня с арабскими скакунами, а в комнатах – шкафы с книгами. И еще мне нужна волшебная чернильница. Тогда мои литературные труды станут такими же знаменитыми, как музыка Лори, его игра на рояле. Но прежде чем поселиться в замке, я хочу что-нибудь совершить. И когда я умру, все будут помнить обо мне. Я не знаю, что это будет, но верю: настанет день, и я удивлю вас всех. Скорее всего, я буду писать книги, и они принесут мне богатство и славу. Во всяком случае, мне хочется, чтобы все было именно так.

– А я мечтаю всю жизнь провести в нашем доме, с папой и с мамой, и помогать им во всем, – сказала Бет.

– И больше ничего? – удивился Лори.

– С тех пор как у меня появился прекрасный рояль, мне не о чем мечтать. Пусть все близкие будут здоровы и никогда не разлучаются. Вот и все.

– А у меня много желаний, – заявила Эми. – Самое главное – я хочу стать художницей, побывать в Риме и там написать такие картины, чтобы прославиться на весь мир.

– Ну и компания подобралась! Одна Бет не мечтает ни о богатстве, ни о почестях, ни о славе! Интересно, хоть один из нас добьется своего?

– спросил Лори; он задумчиво глядел вдаль и пожевывал травинку, что придавало ему некое сходство с теленком на пастбище.

– К моему воздушному замку есть ключ. Вот только сумею ли я им воспользоваться? – с загадочным видом проговорила Джо.

– У меня тоже найдется ключ. Но мне не дают им воспользоваться. Я, видите ли, должен поступать в этот дурацкий колледж!

– А вот мои ключи. – И Эми подняла вверх коробку с карандашами.

– А у меня ключей нет, – с грустью сказала Мег.

– Неправда, есть, – возразил Лори.

– Есть ключ?

– Ваше лицо.

– Глупости. Какая от него польза?

– А вы потерпите немного. Быть может, вскоре оно принесет вам все остальное, – ответил он с таким видом, будто им с Мег известен какой-то секрет.

Мег покраснела. Не пускаясь в дальнейшие пререкания, она задумчиво посмотрела на реку, и на лице ее застыло то же выражение, что у мистера Брука, когда во время пикника он сосредоточенно разглядывал водную гладь.

– Лет через десять, если все мы будем живы, мы обязательно соберемся и узнаем, кому из нас удалось исполнить свои желания, – сказала Джо, любившая строить планы на будущее.

– Ничего себе! – воскликнула Мег. – Да через десять лет мне будет уже двадцать семь! Наверное, я превращусь совсем в старуху!

– Нам с Лори будет по двадцать шесть, – подхватила Джо, – тебе, Бет, двадцать четыре, а Эми – двадцать два. Что и говорить, общество почтенных стариков!

– Надеюсь к этому времени совершить что-нибудь полезное. Правда, я такой лентяй… А вдруг получится, что так и пройдет зря время? А, Джо?

– Необходим стимул. Мама как-то сказала, что стоит чем-нибудь по-настоящему увлечься, работа пойдет как по маслу.

– Ваша мама словно читает мои мысли. Я бы действительно мог свернуть горы, если бы мне дали делать то, что я хочу! – с воодушевлением воскликнул Лори. – А я должен делать то, что велит дедушка. Понимаете, он хочет, чтобы я стал коммерсантом и вел дела с Индией, как он сам. Но он не понимает, что мне это безумно скучно. Я ненавижу шелка, пряности, чай и другую чушь, которую грузят на его корабли. Дед намерен освободить меня от коммерции только после колледжа, а это четыре года. Переубеждать его бесполезно. Я могу только сбежать, как мой отец. Да и убежал бы хоть завтра, не будь дед совсем одинок.

Голос Лори звучал взволнованно. По всему было видно, что он не шутит и при малейшем обострении отношений с дедом готов исполнить угрозу. Мальчик быстро взрослел, опека деда все более тяготила его.

– Тогда садитесь на корабль и не возвращайтесь домой, пока не попытаетесь осуществить задуманное, – посоветовала Джо.

Она горячо сочувствовала другу и считала, что такой отчаянный поступок стал бы лучшим выходом из сложившейся ситуации.

– Как ты могла такое сказать! Не слушайте ее, Лори, – возмутилась Мег. – Разумеется, вы должны поступить так, как вам советует дедушка. Проявите себя получше в колледже! Уверена, увидев ваше прилежание, дедушка пойдет вам навстречу. Ведь у него, кроме вас, никого нет. Если вы решитесь покинуть его, вы потом никогда себе этого не простите. Вот почему, мой дорогой, вам следует не горевать, не сетовать на судьбу, а думать о долге. Если так поступите, вы будете вознаграждены. Вас будут любить так же, как мистера Брука.

– А вы что-нибудь знаете о мистере Бруке? – спросил Лори, торопясь перевести разговор.

– Только то, что ваш дедушка рассказывал Марми. Как мистер Брук любил свою мать, как заботился о ней до самой ее смерти и даже отказался от какого-то выгодного ученика только потому, что не хотел ее оставить одну. И еще – как он теперь содержит старую женщину, которая ухаживала за его матерью. Он из тех людей, которые мало говорят о себе, зато при первой возможности проявляют доброту и щедрость.

– Все верно. Он чудесный человек! – воскликнул Лори. – Знаете, это очень похоже на моего деда. Видите, он рассказал вам о Бруке, а Брук не может понять, отчего ваша мама так добра к нему и приглашает его вместе со мной в гости да и обращается с ним совершенно по-товарищески. Он так полюбил всех вас! Слышали бы вы, какие похвалы расточает он вам! Если мои мечты о славе когда-нибудь сбудутся, я не забуду мистера Брука.

– Тогда советую вам позаботиться о нем уже сейчас. Перестаньте отравлять ему жизнь, – резко сказала Мег.

– А откуда вам известно, мисс Марч, что я отравляю ему жизнь?

– Об этом нетрудно догадаться. Достаточно посмотреть на его лицо, когда он выходит от вас. Когда вы ведете себя хорошо, он шагает быстро и лицо у него веселое. А когда вы начинаете его мучить, лицо у него грустное и ступает он так нерешительно, будто хочет вернуться и снова начать работать.

– Значит, по лицу Брука вы судите о том, как я отвечал на уроках? Я заметил, что когда он проходит мимо вашего окна, то улыбается и кланяется. Но я не думал, что у вас установлена такая тесная связь. Вы словно мысли друг у друга читаете.

– Ничего подобного! – тут же возразила Мег. – Зря вы сердитесь, Лори. Я не хотела ни поучать вас, ни сплетничать, ни смеяться. Я только боялась, как бы вы не поступили так, чтобы потом всю жизнь раскаиваться. Вы так добры к нам, и мы относимся к вам, как к брату. Поэтому и говорим прямо все, что думаем. Так что, если я сказала что-то обидное, простите меня. – И Мег протянула ему руку.

Устыдившись собственной вспыльчивости, Лори ответил рукопожатием.

– Не вы, а я должен извиниться, – сказал он. – Я сегодня целый день сам не свой. И вы, и ваши сестры можете говорить мне все, что угодно. Не сердитесь, если я иногда ворчу. Я благодарен вам, ведь так мне легче разобраться в ошибках.

Стремясь доказать, что совершенно не обиделся, Лори принялся помогать сестрам. Он мотал клубки шерсти для Мег, читал стихи для Джо, стряхивал с дерева шишки для Бет и, наконец, помог Эми нарисовать папоротник. Таким прилежанием Лори блестяще доказал, что просто создан для Общества трудолюбивых пчел, как нарекли сестры Марч свою организацию.

В роще они просидели до той поры, пока в самый разгар дискуссии о повадках черепах, развернувшейся по тому поводу, что одно из сих любезных созданий как раз поднималось по крутому берегу, не услышали издали голос Ханны, призывающей к ужину.

– Можно мне завтра снова прийти? – спросил Лори.

– Конечно, если, как говорят ученикам первого класса, будете примерно себя вести и прилежно работать, – с улыбкой ответила Мег.

– Приложу все усилия.

– Тогда приходите, я научу вас шотландской вязке. Сейчас как раз большой спрос на носки, – добавила Джо и взмахнула синим носком, как флагом.

Вечером Бет пришла поиграть для мистера Лоренса. Стоя в полумраке за занавесью, Лори слушал юную пианистку, чья игра всегда успокаивала его. Дед сидел, подперев рукой голову и, быть может, вспоминал о другой юной пианистке, которой так и не суждено стать взрослой. А Лори вспоминал беседу в сосновой роще. Решено, он откажется от "воздушных замков", сделает это без сожалений и навсегда останется с дедом. "Ведь у него никого нет, кроме меня", – подумал Лори.

Глава XIV

Тайны

Джо сидела на чердаке и писала, забыв обо всем на свете. Над головой ее в сопровождении старшего сына – а это было очень благовоспитанное существо, гордившееся своими длинными усами, – прогуливалась по балкам ручная крыса Скребл. Но Джо не замечала их присутствия. Она строчила фразу за фразой до тех пор, пока в конце

очередной страницы не появилась ее размашистая подпись. Джо отбросила перо и провозгласила:

– Ну, если и это никто не возьмет, значит, действительно придется подождать, пока я не научусь чему-нибудь новому. Лучше я сейчас точно ничего не напишу.

Откинувшись на спинку дивана, девочка принялась внимательно читать рукопись, время от времени ставя знаки препинания, среди коих отдавала предпочтение восклицательным знакам. Вычитав рукопись, Джо свернула ее в трубочку и перевязала красной лентой. Некоторое время она задумчиво созерцала свиток, и взгляд ее был исполнен торжественности.

После этого Джо открыла духовку старой жаровни. На крышке жаровни она писала, а в духовке хранила книги, рукописи и чистую бумагу. Такая предосторожность объяснялась страстью ученой крысы Скребл и ее семейства к художественной литературе. Увлекшись книгами, существа эти пока не возвысились до сознания непреходящей ценности искусства и, дорвавшись до книги, либо пожирали ее целиком, либо оставляли одни ошметки. К счастью, духовка хорошо закрывалась, и Джо могла не беспокоиться ни за собственные произведения, ни за чердачную часть своей библиотеки.

Отворив духовку, Джо извлекла на свет еще одну рукопись и, оставив на съедение четвероногим друзьям перо и чернила, покинула чердак.

Она тихо спустилась вниз, надела жакет и шляпу, бесшумно выскользнула через окно на улицу и быстро зашагала прочь со двора.

Вскоре Джо вышла на одну из самых оживленных улиц города. Она шагала с уверенностью человека, много раз повторяющего один и тот же маршрут. Подойдя к высокому дому, она вошла в подъезд и

оказалась на грязной лестнице. Некоторое время девочка стояла на площадке, глядя куда-то вверх, потом снова вышла на улицу и быстро зашагала дальше.

Пройдя немного, она повернула назад, снова вошла в тот же подъезд, и все повторилось сначала. Этот маневр Джо проделала три раза, доставив немало веселых минут черноглазому молодому человеку, наблюдавшему за ней из окна дома на противоположной стороне улицы. В третий раз подойдя к подъезду, Джо надвинула шляпу на глаза и решительно зашагала вверх по лестнице с таким видом, будто ей предстоял визит к стоматологу.

Как только Джо скрылась из вида, черноглазый молодой человек вышел из дома, пересек улицу и, взглянув на вывески у подъезда, тут же увидел ту, на которой красовались две устрашающего вида челюсти. Сомнений не оставалось: тут практиковал зубной врач.

"Как это похоже на нее, – подумал молодой человек. – Пошла одна. Боюсь, ее ждут такие испытания, что домой она одна не дойдет". И он остался у подъезда с твердым намерением дождаться ее возвращения.

Джо появилась минут десять спустя. Заметив молодого человека, она не выразила никакой радости и постаралась проскользнуть мимо, но он повернул за ней.

– Вам, наверное, здорово досталось, – сочувственно проговорил он.

– Да нет, не очень.

– Вы быстро отделались.

– Хоть это хорошо.

– А почему вы пошли одна?

– Я не хотела, чтобы кто-нибудь догадался.

– Такого я еще никогда не слышал. Сколько вам их выдрали?

Джо удивленно взглянула на юношу.

– Мне нужно избавиться сразу от двух, но, оказывается, надо ждать неделю, – со смехом ответила она.

– Не понимаю, чему вы смеетесь, – озадаченно проговорил Лори, который и был тем самым молодым человеком. – Ясно, что вы задумали какую-то каверзу, но вот какую?

– В таком случае позвольте осведомиться, как вы-то сами попали в это благородное место? – спросила Джо. – Тут, насколько я знаю, питейное заведение?

– Прошу прощения, мэм, но тут еще есть гимнастический зал, я занимаюсь фехтованием.

– Ну слава богу!

– В каком смысле?

– Вы сможете научить меня фехтовать. Когда мы поставим "Гамлета", вы будете Лаэртом, и мы разыграем отличную сцену дуэли.

Лори расхохотался так естественно и заразительно, что заулыбались даже прохожие.

– Я вас научу, даже если мы не будем ставить "Гамлета". Это очень весело и вырабатывает отличную осанку. Но, мне кажется, вы сказали "слава богу" совсем по другому поводу, а?

– Да, я обрадовалась, что вы были не в питейном доме. Надеюсь, вы не бываете в таких местах?

– Бываю, но редко.

– Я надеялась, вы скажете никогда.

– Напрасно волнуетесь, Джо. У меня есть биллиард, но играть не с кем. А я люблю биллиард и захожу сюда, чтобы сыграть с Недом Моффатом или с кем еще.

– Но это ужасно! Вы привыкнете просаживать деньги и время и станете не лучше всей этой публики. А я-то так надеялась, что вы будете совсем не таким. – И Джо разочарованно покачала головой.

– Значит, вы считаете, что позволять себе время от времени невинные развлечения – грех? – обиженно спросил Лори.

– Все дело в том, что вы имеете в виду под удовольствием и куда ходите его получать. Мне не нравится Нед и его компания. Держитесь от них подальше. Нед старался подружиться с нами, но Марми не позволила приглашать его. Если вы станете как Нед, она не захочет, чтобы мы с вами встречались.

– Вы так думаете? – спросил Лори, и в голосе его зазвучало беспокойство.

– Да, Марми терпеть не может этих светских хлыщей. Она скорее решит держать нас взаперти, чем позволит общаться со всей этой публикой.

– Ну, с этим пока можно повременить. Я не светский хлыщ и не собираюсь в него превращаться. Просто я время от времени люблю немного развлечься. А вы разве не любите, Джо?

– Ну и пожалуйста, развлекайтесь! Только не увлекайтесь, ладно? Я не хочу, чтобы вы стали другим.

– Ладно. Обещаю вам стать совсем святым.

– Только не это. Я хочу, чтобы вы оставались самим собой. Тогда мы никогда вас не покинем. Вы ведь не станете таким, как сын мистера Кинга? У него было полно денег, но он транжирил их направо и налево, потом как-то, пьяный, проигрался в карты, сбежал из дома и подделал подпись отца. Ужасно!

– Ну, спасибо вам большое, Джо, – язвительно отозвался Лори. – Значит, вы думаете, я на такое способен?

– Нет, не думаю. Но, говорят, богатство – большой соблазн. Когда я об этом вспоминаю, мне хочется, чтобы вы были бедны. Тогда бы я меньше волновалась.

– Вы волнуетесь за меня, Джо?

– Да. Когда я вас вижу в плохом настроении. У вас такой сильный характер. Если вы пойдете по дурному пути, вас нелегко будет остановить.

Лори промолчал.

Так они и шли некоторое время молча, и Джо, глядя на сердитое лицо друга, корила себя за излишнюю откровенность. Наконец Лори улыбнулся.

– Вы как, и дальше намерены читать мне нотации?

– Конечно нет. А что?

– Просто если вы собираетесь продолжать, я лучше сяду в омнибус. А если нет, предлагаю погулять. Я хочу рассказать вам кое-что интересное.

– Честное слово, больше не буду. Рассказывайте скорее.

– Ладно. Пошли. Но это тайна. И я поделюсь с вами, только если вы раскроете свою.

– У меня нет… – начала было Джо, но, вспомнив кое о чем, продолжать не стала.

– Только не притворяйтесь, у вас это плохо получается! – воскликнул Лори. – Лучше признавайтесь, или я вам ничего не скажу.

– А у вас тайна интересная?

– Еще бы. Там все про людей, которых мы с вами прекрасно знаем. Это очень интересно. Мне так хочется вам все рассказать. Итак, я жду.

– А вы не скажете никому дома?

– Честное слово.

– И дразнить меня не будете?

– Я никогда никого не дразню.

– Зато вы умудряетесь выведывать тайны. Вы прирожденный сыщик.

– Благодарю вас. А теперь рассказывайте.

– Хорошо. – Джо наклонилась к Лори и прошептала ему на ухо: – Я сегодня отнесла два рассказа в газету. Мне сказали прийти за ответом через неделю.

– Ура в честь мисс Джо Марч, она принесет славу нашей бедной Америке! – воскликнул Лори.

Он подбросил вверх шляпу, а затем ловко поймал ее, вызвав бурный восторг двух уток, четырех кошек, пяти кур и шести мальчишек-ирландцев.

– Да тише вы! Вряд ли из этого что-нибудь выйдет. Но меня давно уже подмывало попробовать. Я бы все равно иначе не успокоилась. Я никому не сказала. Зачем их зря тревожить? Все равно не напечатают.

– Обязательно напечатают, Джо. Да ваши рассказы просто классика по сравнению с той чепухой, которую они издают! Вот будет здорово увидеть ваш рассказ в печати! Тогда мы станем гордиться. Ведь вы как бы наша собственная писательница.

У Джо загорелись глаза; в словах Лори слышалась вера, а искренняя похвала друга каждому автору дороже сотни газетных рецензий.

– Ну а ваша тайна, Лори? Выкладывайте теперь вы. Иначе я никогда вам больше не буду верить.

– Вообще-то мне не очень удобно об этом рассказывать. Но я не обещал молчать… Я расскажу вам. Все равно я не успокоюсь, пока не поделюсь с вами. Я знаю, где вторая перчатка Мег.

– И это все? – разочарованно протянула Джо.

Лори не ответил. Он улыбнулся и таинственно продолжал:

– Да, почти все, но, когда я расскажу до конца, вы убедитесь, что это совсем не пустяк.

– Говорите же.

Теперь Лори припал к самому уху Джо и прошептал всего три слова, которых, однако, оказалось достаточно, чтобы она с совершенно потрясенным видом уставилась на друга.

– Откуда вам это известно? – резко бросила она и прошла вперед.

– Я видел, – догоняя ее, ответил Лори.

– Где?

– В кармане.

– Но ведь прошло уже много времени.

– Вот то-то и оно. По-моему, это очень романтично.

– А по-моему, ужасно.

– А что вам не нравится?

– Все. По-моему, это просто глупо. Воображаю, что скажет Мег!

– Не забывайте, вы обещали не выдавать.

– Я не обещала.

– Но это подразумевалось. Я ведь сказал, что это тайна.

– Ну, хорошо, хорошо. Я ничего пока не выдам. Но, по-моему, это отвратительно. Лучше бы вы мне не говорили.

– Я думал, вы обрадуетесь.

– Чему? Что у нас отнимут Мег? Спасибо большое!

– Наверное, когда кто-нибудь придет, чтобы увести вас, вы на это посмотрите по-другому.

– Хотела бы я видеть того, кто осмелится! – сжав ладошки, воскликнула Джо.

– Я бы тоже! – засмеялся Лори.

– По-моему, тайны на меня дурно действуют, – сказала Джо. – С тех пор как вы мне рассказали, я сама не своя.

– Я знаю, что вам сейчас поможет. Давайте побежим наперегонки, – предложил Лори.

Вокруг не было ни души, лишь гладкая дорога простиралась вдаль. Она выглядела очень соблазнительно, и, не выдержав, Джо побежала вперед. Сначала ветер сорвал с нее шляпу, затем она лишилась гребня и шпилек, и все-таки ей не удалось обойти Лори. Он пришел к цели первым и явно радовался не столько победе в спортивном состязании, сколько тому, что оказался прав. Ведь к тому моменту как они достигли берега реки, глаза у Джо снова весело блестели, а с раскрасневшегося от бега лица исчезла мрачная тень, которая появилась после рассказа о перчатке Мег.

– Хотела бы я стать лошадью, – сказала она. – Тогда можно бежать долго-долго и не задыхаться. Взгляните, на кого я похожа! – И Джо

тряхнула взъерошенной головой. – Если вы действительно хотите стать святым, подберите мои вещи.

Джо уселась под кленом, щедро усыпавшим берег багровыми листьями, а Лори медленно побрел назад. Он внимательно вглядывался в дорогу, не желая пропустить ни крупицы личного достояния Джо. Тем временем Джо снова заплела косы и ждала Лори, очень надеясь, что, кроме него, никто ее не увидит, пока она не приведет в порядок прическу. Но судьба распорядилась иначе, и в следующее мгновение Джо заметила подчеркнуто женственную и элегантную Мег; облаченная в свое лучшее платье, она шла откуда-то с визитов.

– Скажи мне на милость, что это ты тут делаешь? – удивилась она, заметив под деревом растрепанную Джо.

– Листья собираю, – робко отозвалась Джо, вертя в руках пучок красноватых листьев, которые только что успела схватить с земли.

– И еще вот что, – добавил Лори. Он бросил Джо на колени шесть шпилек и продолжал: – Понимаете, Мег, на этой дороге все растет: и шпильки, и гребни, и соломенные шляпки…

– Ты носилась как угорелая, Джо! – возмутилась Мег. – Что ты себе позволяешь! Избавишься ты, наконец, от этих мальчишеских повадок?

Мег демонстративно одернула платье и тщательно поправила волосы, с которыми позволил себе поиграть слабый ветерок.

– Никогда не избавлюсь, – твердо сказала Джо. – Во всяком случае, пока не превращусь в старую каргу с клюкой. Ты все время хочешь заставить меня стать взрослой. Зачем? Хватит и того, что ты за последнее время так изменилась. Позволь уж мне побыть как можно дольше ребенком.

При последних словах голос ее задрожал. С некоторых пор она все острее ощущала, как Мег взрослеет и отдаляется от нее. А тайна, которую ей только что поведал Лори, заставила ее еще отчетливее понять: настанет день, и Мег покинет их дом. Быть может, это случится совсем скоро…

Заметив, что Джо не на шутку расстроилась, Лори поспешил ей на помощь.

– Позвольте узнать, откуда это вы идете такая нарядная? – переключил он внимание Мег.

– От Гардинеров. Салли рассказывала мне о свадьбе Белл Моффат. Торжество было очень пышным, а потом молодые уехали в Париж. Они проведут там всю зиму. Счастливые! Наверное, это очень здорово!

– Ты завидуешь?

– Боюсь, что да.

– Это радует! – внезапно выпалила Джо.

– Ты это к чему? – удивилась Мег.

– А к тому, что тебе хочется быть богатой. Значит, ты никогда не согласишься выйти за бедного человека, – объяснила Джо и, повернувшись к Лори, который подавал ей отчаянные знаки, нахмурилась.

– Я вообще никогда ни за кого не соглашусь выйти, – высокомерно ответила Мег и чинной походкой пошла вперед.

Джо и Лори последовали за ней. По дороге они то и дело хохотали, шушукались или прыгали с камня на камень. "Ну, чистые дети", – думала Мег, не признаваясь самой себе, что, не будь на ней праздничного платья, с радостью бы принялась дурачиться вместе с ними.

Следующие две недели Джо своим странным поведением приводила сестер в недоумение.

Стоило подойти к калитке почтальону, как Джо опрометью кидалась ему навстречу, а когда она видела мистера Брука, характер ее заметно портился и она начинала дерзить ему.

– С этой девочкой ничего невозможно поделать, – возмущенно пожала плечами Мег. – Видно, она никогда не научится вести себя как настоящая леди.

– Но она и так у нас хорошая, – возразила Бет, которая никому не позволяла осуждать любимую сестру.

– А по-моему, Мег совершенно права, – высокомерно возразила Эми, которая сделала себе сегодня новую прическу и чувствовала себя взрослой и совсем светской дамой. – Нам никогда не добиться от Джо корректности, – сокрушенно добавила она.

Несколько минут спустя Джо ворвалась в гостиную и, кинувшись на диван, сделала вид, что внимательнейшим образом изучает газету.

– Что-нибудь любопытное? – без особого интереса осведомилась Мег.

– Да нет. Вот только рассказ. В общем-то и он, по-моему, не слишком интересен, – прикрывая рукой заголовок, ответила Джо.

– Прочти его вслух. Нас это развлечет, а тебя хоть на какое-то время отвлечет от беготни по саду, – сказала Эми самым взрослым тоном, на какой только была способна.

– А как называется этот рассказ? – полюбопытствовала Бет, которую удивило, что Джо упорно прячет лицо за газетой.

– "Соперники".

– Интересно. Ну-ка почитай, – сказала Мег.

Джо издала протяжное глубокомысленное мычание и, вздохнув, принялась быстро читать вслух. Сестры слушали с нарастающим интересом. Возвышенная, драматическая история кончалась тем, что все ее герои покидали этот мир.

– Мне больше всего понравилось, как описывается картина, – одобрительно заметила Эми, как только Джо дочитала рассказ.

– А мне понравились влюбленные. И имена у них наши любимые – Виола и Анджело, – мечтательно произнесла Мег и смахнула слезу с ресниц, ведь любовная история завершилась трагически.

– А кто же автор? – спросила Бет.

Чтица резко поднялась с дивана и, явив наконец миру раскрасневшееся лицо, дрожащим от волнения голосом объявила:

– Ваша сестра!

– Ты? – воскликнула Мег, и шитье выпало у нее из рук.

– Недурно, недурно, – тоном многоопытного критика заметила Эми.

– Так я и думала! Так и думала! – повторяла Бет. – Я горжусь тобой, Джо!

Она бросилась к сестре и крепко обняла ее.

Что тут началось! Мег отказывалась верить и, лишь увидев в газете подпись "Мисс Джозефина Марч", окончательно убедилась, что Джо их не разыгрывает. Эми, с присущим ей изяществом, ученостью и любовью к мудреным словам, которые она и на этот раз по большей части употребляла совершенно неправильно, начала критиковать описания творческого процесса художника и советовать, каким должно быть продолжение рассказа, совершенно забыв, что продолжать невозможно, ибо, завершая свое творение, Джо не пожелала оставить в живых ни одного персонажа.

Бет совсем разволновалась и, не зная, куда себя девать, принялась от избытка чувств прыгать и петь. А Ханна, узнав обо всем, закричала:

– Святые угодники! Ну и дела!

А как гордилась дочерью миссис Марч!

– Ну, а теперь расскажи, как все вышло. А сколько ты получишь? Интересно, что скажет папа? – обступив Джо, забрасывали ее вопросами сестры.

– Если вы минуту помолчите, я вам все расскажу.

Девочки затихли, и она добросовестно поведала, как "Соперники" оказались в редакции газеты.

– Когда я пришла за ответом, – продолжала Джо, – редактор сказал, что берет оба рассказа, но начинающим гонораров не выплачивает. Редактор сказал, что это отличная практика. Потом, когда новички

превратятся в знаменитых писателей, каждый им с удовольствием заплатит. В общем, я согласилась и отдала оба рассказа, а сегодня мне прислали газету. Лори выследил меня и захотел прочесть. Я ему разрешила. Он сказал, что ему понравилось. И просит меня продолжать. Говорит, что за следующий рассказ сам мне заплатит. Я так счастлива. Со временем я, наверное, смогу зарабатывать себе этим на жизнь и помогать вам.

Джо почувствовала, что не в силах говорить. К горлу ее подкатил ком, и, зарыв лицо в газету, она разрыдалась. Как долго она втайне мечтала об этом дне! И вот наконец ее труд заслужил похвалу самых близких и любимых людей. Джо плакала, но это были особые слезы. Она чувствовала себя так, будто только что сделала первый шаг на пути к счастью.

Глава XV

Телеграмма

– Все-таки нет месяца хуже ноября, – сказала Мег, глядя в окно.

Сад был покрыт инеем, а день выдался на редкость пасмурным и неуютным.

– И угораздило меня родиться именно в ноябре, – отозвалась Джо.

– Ну и что? Ведь если в ноябре произойдет что-нибудь хорошее, мы, наоборот, будем считать его самым лучшим месяцем, – сказала Бет; она старалась во всем находить положительные стороны и не делала исключения даже для промозглого ноября.

– Ты права, Бет. Но в том-то и беда, что в нашем доме давно не происходит ничего хорошего, – мрачно проговорила Мег. – Работаем,

работаем, и все тут. Никаких перемен и даже радостей на нашу долю не достается.

– Ну, ты и мрачна сегодня! – воскликнула Джо. – Впрочем, чего удивляться! Ты ведь видишь, как другие твои сверстницы спокойно себе развлекаются и ни о чем не заботятся. А на твою долю остается только работа. Как бы мне хотелось тебе помочь! Но я пока могу устраивать только судьбы своих героев. Вот если бы я могла и тебе устроить все по своему усмотрению! Ты у нас красива и добра. Поэтому я заставила бы какую-нибудь богатую родственницу завещать тебе состояние. Превратившись в богатую невесту, ты бы покинула родные края, где многие тебя видели в бедности, и обосновалась бы за границей. Правда, потом вернулась бы. Но ты бы уже носила звонкий титул и потрясла бы всех роскошью и элегантностью.

– В настоящее время на такое наследство рассчитывать не приходится, – грустно ответила Мег. – Молодой человек из бедной семьи еще может надеяться, что самостоятельно сколотит состояние. А бедным девушкам только и остается, что отыскать богатого жениха. Нет, мы живем в очень несправедливом мире.

– Ничего, мы с Джо всех вас сделаем богатыми. Вот только подождите еще лет десять, и сами увидите, – уверенно сказала Эми, которая сидела в уголке и лепила из глины фигурки людей, птиц и прочие забавные вещи. Эти статуэтки Ханна называла куличиками.

– Спасибо! – ответила Мег. – Это очень трогательно с вашей стороны, но только вот ждать придется долго. Да, признаться, я и не слишком уповаю на чернила и куличики.

Мег снова уставилась в окно. Джо подперла руками голову и меланхолично потупила взгляд, а Эми с прежней энергией принялась за свои фигурки.

– И все-таки сейчас произойдет целых два приятных события, – взглянув в окно, объявила Бет. – Марми возвращается домой, а через сад бежит Лори. Мне кажется, с какой-то хорошей вестью, – улыбнулась она.

Миссис Марч и Лори вошли в гостиную одновременно.

– Девочки, письма от папы не было? – по обыкновению спросила миссис Марч.

А Лори прямо с порога принялся уговаривать:

– Поехали кататься, девочки! Я вас умоляю. Я все утро занимался математикой, теперь у меня мозги набекрень! День, конечно, сегодня пасмурный, но воздух отличный. Я собираюсь отвезти Брука домой, поехали вместе. Пусть хоть снег пойдет, в экипаже нам все равно будет весело и отлично. Пошли, Джо. И вас, Бет, приглашаю с нами.

– Конечно, поехали, – с готовностью согласились Джо, Бет и Эми.

– А я занята, – заявила Мег и достала большую корзинку с работой; они с матерью решили, что ей-то уж во всяком случае не стоит часто ездить в экипаже с молодым человеком.

– Ну а мы сейчас будем готовы! – крикнула Эми и побежала отмывать руки от глины.

– Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, милая миссис Марч? – спросил Лори, ласково глядя на миссис Марч.

– Спасибо, милый. Мне ничего не нужно. Если только вам не составит труда на обратном пути заехать на почту. Обычно в этот день я получаю письма от мужа, а сегодня почему-то почтальон не пришел.

Не успела она это сказать, как послышался звонок почтальона, а мгновение спустя в гостиную вошла Ханна. Она потрясла перед миссис Марч каким-то листком и испуганно проговорила:

– Телеграмма, мэм.

Она протянула листок с таким видом, словно боялась, как бы он не взорвался у нее в руках.

Услышав слово "телеграмма", миссис Марч вскочила с места и выхватила у Ханны бланк.

"Миссис Марч! Вынужден сообщить, что ваш муж серьезно болен. Выезжайте немедленно. Доктор С. Хейл. Госпиталь "Бленк". Вашингтон".

Ноги у миссис Марч подкосились, и она рухнула в кресло. Лори опрометью бросился в кухню за водой, а дочери обступили мать. Джо взяла из ее рук телеграмму и глухим от испуга голосом прочла сестрам. Тихий вздох пронесся по гостиной, и снова наступила гнетущая тишина.

Однако уже мгновение спустя миссис Марч обрела дар речи.

– Сейчас же еду в Вашингтон, – твердо сказала она. – Может быть, я не застану папу в живых, но даже если это случится, у меня есть вы, мои девочки. Вы поможете мне справиться…

Тут голос ее дрогнул, она закрыла лицо руками. Остальные тоже не выдержали, и гостиная огласилась рыданиями.

Первой пришла в себя Ханна:

– Господи! Помилуй нашего дорогого мистера Марча! Не будем тратить время на слезы. Я иду собирать ваши вещи, миссис Марч. Поторопитесь и вы.

Пример Ханны подействовал на всех отрезвляюще.

– Она права, – отозвалась миссис Марч. – Нам некогда лить слезы. А ну, девочки, возьмите себя в руки. Дайте мне собраться с мыслями.

Сестры изо всех сил старались держать себя в руках, а миссис Марч, выпрямившись в кресле, пыталась сообразить, что следует сделать в первую очередь.

– Где Лори? – наконец проговорила она.

– Я тут, мэм, – раздался голос из соседней комнаты, куда Лори удалился, чтобы не смущать семейство своим присутствием. – Прошу вас, скажите, что я могу для вас сделать?

– Пошлите телеграмму, что я выезжаю. Следующий поезд отходит рано утром. На нем я и поеду в Вашингтон.

– А что еще надо сделать? Лошади готовы. Я могу поехать куда угодно, – сказал Лори.

Он с радостью понесся бы сейчас хоть на край света, если это чем-нибудь могло помочь друзьям.

– Отвезите записку тетушке Марч. Джо, дай мне перо и бумагу.

Джо вырвала страницу из тетради, затем придвинула стол к креслу, на котором сидела миссис Марч. Джо прекрасно понимала, что мать хочет попросить у тетушки Марч денег взаймы – без них невозможно

отправляться в такое длительное путешествие. И она была готова на что угодно, чтобы помочь матери достать денег побольше.

– Ну, поезжайте, милый. Только не гоните как сумасшедший, – предостерегла миссис Марч. – У вас достаточно времени.

Напутствие миссис Марч не возымело действия. Минуту спустя она увидела, как Лори пронесся мимо окна гостиной верхом на лошади.

– А ты, Джо, сходи-ка в мастерскую и передай миссис Кинг, что я не смогу прийти. Я сейчас составлю список – по дороге зайди, пожалуйста, в магазин. Это понадобится для ухода за папой. В госпиталях часто не хватает медикаментов. Бет, сходи-ка к мистеру Лоренсу и попроси у него две бутылки хорошего вина. Когда речь заходит о папе, не стыдно и попросить. Ему сейчас нужно все самого высшего качества. Ханна пусть снесет вниз большой черный чемодан. А ты, Мег, помоги собрать вещи. Я сейчас что-то плохо соображаю, и одной мне не справиться.

Все эти приготовления, списки, распоряжения отняли у миссис Марч последние силы, и она была в полуобморочном состоянии. Вот почему Мег почла за лучшее настоять, чтобы миссис Марч отправилась в свою комнату и постаралась немного отдохнуть, сама же принялась укладывать вещи.

Едва Бет рассказала мистеру Лоренсу о несчастье, как он, собрав все, что, по его мнению, может понадобиться тяжелобольному, пришел, заверив миссис Марч, что берет на себя в ее отсутствие все хлопоты о девочках. Первый раз за этот тяжелый день миссис Марч облегченно вздохнула: теперь о дочерях можно не беспокоиться. Впрочем, мистер Лоренс сейчас, кажется, был готов пожертвовать ради миссис Марч всем своим состоянием, вплоть до домашнего халата, даже вызвался сопровождать ее до Вашингтона.

Миссис Марч решительно заявила, что никогда не сможет принять такую жертву от старшего друга. Некоторое время мистер Лоренс постоял в нерешительности, затем энергично потер ладони и быстро зашагал к своему дому, на ходу сообщив, что немедленно вернется назад.

Все уже забыли о его обещании, когда Мег, пробегая в очередной раз мимо прихожей, неожиданно столкнулась с мистером Бруком.

– Я очень огорчился, когда обо всем узнал, – сказал он, и в голосе его звучало такое сочувствие, что Мег стало немного легче. – Я пришел, мисс Марч, – продолжал молодой человек, – чтобы предложить себя в спутники вашей матушке. Мистер Лоренс как раз поручил мне уладить кое-какие дела в Вашингтоне, и я буду рад помочь миссис Марч в дороге.

Мег с таким пылом кинулась пожимать руку благородному учителю, что совершенно упустила из вида ботики, которые несла именно в этой руке, и ботики грохнулись наземь, куда едва не последовал и поднос с чаем. Лишь героические усилия мистера Брука удержали чашки в равновесии. Сам же мистер Брук чувствовал себя на вершине блаженства – ради взгляда, которым вместе с пылким рукопожатием наградила его Мег, он был готов на куда большие лишения и жертвы, нежели те, что предполагала совместная поездка с миссис Марч.

– Какой вы добрый! – воскликнула Мег. – Я уверена, Марми с радостью примет ваше предложение. Если бы вы знали, какое это для нас облегчение! Ведь теперь мы будем уверены, что о Марми есть кому позаботиться. Большое вам спасибо!

Мег все говорила и говорила, пока не заметила, что мистер Брук бросил выразительный взгляд на поднос. Только тут она вспомнила о чае, которого, наверное, давно ожидает Марми, и поспешила пригласить мистера Брука в гостиную.

Наконец вернулся Лори. Он протянул миссис Марч записку от доброй старушки. Вложив в конверт необходимую для поездки сумму, она не преминула снабдить ее уверением, что братец должен внимательнее относиться к ее советам: она всегда говорила, что нет ничего более идиотского, чем идти на войну. Миссис Марч бросила записку в камин. Губы у нее были при этом так сильно поджаты, что, находись Джо рядом, она без труда поняла бы, что мать сдерживается из последних сил.

Короткий день быстро угас, и, когда все было готово, Бет и Эми пошли готовить чай, Мег с матерью сели за шитье, а Ханна, как она сама выразилась, доглаживала на всех парах. Вот тут все впервые обнаружили, что Джо еще не вернулась из города.

Зная эксцентричный характер Джо, домашние не на шутку встревожились, и Лори решил пойти ей навстречу. Но они разминулись, и Джо явилась домой одна. Вид у нее был какой-то странный. На лице ее смешались страх, гордость, сожаление и веселье. И уж тем более всех удивило, когда она положила перед матерью тоненькую пачку денег.

– Это мой вклад, – сказала она, и голос ее дрогнул. – Для ухода за папой и чтобы он поправился.

– Милая моя, но откуда? – удивилась миссис Марч. – Двадцать пять долларов! Где ты достала? Надеюсь, Джо, ты не совершила ничего стыдного?

– Честное слово, мама, это мои деньги. Я не выпрашивала их и не занимала. Я решила, что ты не будешь меня ругать. Ведь то, что я продала, принадлежало только мне.

Джо сдернула шляпу, и все сразу разъяснилось. От ее пышных волос почти ничего не осталось. Джо была подстрижена коротко, как мальчишка.

– Твоиволосы! Твои прекрасные волосы! Как ты могла, Джо! Ведь не было никакой необходимости лишать себя такой красоты! – наперебой закричали сестры.

– Да, теперь ты мало похожа на мою прежнюю Джо, – сказала Бет. – Но за это я тебя люблю еще больше.

Все, как умели, выражали Джо свое восхищение. Бет нежно обхватила стриженую голову сестры, а Джо, напустив на себя совершенно равнодушный вид, залихватским жестом взъерошила каштановый чуб.

– Ничего, – сказала она таким тоном, будто сама всю жизнь только и мечтала о короткой прическе и теперь только успокаивает остальных. – Думаю, благополучному исходу войны это не помешает. Перестань реветь, Бет. Я специально решила немного укротить тщеславие. Откровенно говоря, я кичилась своими волосами, и мне это начало надоедать. Потом мне было тяжело носить такую копну. А парикмахер меня очень обрадовал. Он сказал, что концы волос у меня начнут виться. Представляете, как мне пойдет! Такие волосы бывают обычно у мальчишек, и на них совсем не приходится тратить времени. В общем, я всем довольна. А потому убирайте деньги, и будем пить чай.

– И все-таки зачем ты это сделала, Джо? Не могу сказать, чтобы ты меня обрадовала, но осуждать тебя я не в силах. Ведь ты сама призналась, что сумела принести тщеславие в жертву любви. Боюсь, ты потом пожалеешь, – сказала миссис Марч.

– Не пожалею, – твердо ответила Джо, которую сейчас больше всего радовало, что выходка ее не вызвала недовольства.

– Все-таки я не могу тебя понять, – сказала Эми.

Она действительно не понимала, ибо скорее отдала бы на отсечение голову, чем лишилась таких красивых волос.

– Просто мне хотелось сделать хоть что-нибудь для папы, – ответила Джо. – Терпеть не могу брать деньги взаймы. Кроме того, я была уверена, что тетушка Марч обязательно начнет нас поучать. Она не упустит случая сказать гадость, даже если у нее попросить какое-нибудь полено. И еще я вспомнила, что Мег отдала весь свой заработок в хозяйство, а я свои деньги потратила на одежду. Когда пришла телеграмма, мне стало стыдно. В общем, лучше расстаться с волосами, но сохранить совесть, – усмехнулась Джо.

– Напрасно ты корила себя, дочка, – возразила миссис Марч. – Можно подумать, что ты потратила деньги на какую-то безделицу. У тебя ничего не было на зиму, и ты на собственный заработок купила самую необходимую одежду.

– Я сначала не думала продавать волосы, – объяснила Джо. – Я просто шла по улице и воображала, где достать деньги для папы. Честно говоря, меня так и подмывало зайти в один из этих роскошных магазинов, схватить какую-нибудь ценную вещь и убежать. И тут я заметила в витрине парикмахерской косы. На них висели ценники, и я выяснила, что черная коса, длиннее моей, но не такая толстая, стоит целых сорок долларов. Тут-то меня и осенило, как найти деньги. Я вошла внутрь, выяснила, сколько они дадут за мою косу, и – готово!

– Как только у тебя смелости хватило, – восхищенно сказала Бет.

– Стану я бояться такого сморчка! – усмехнулась Джо. – У парикмахера вид, словно он всю жизнь занимался тем, что смазывал волосы маслом. Он сам до смерти испугался! Видно, юные девицы не каждый день предлагают ему свои волосы. Потом он сказал, что мои

волосы ему не очень-то нравятся, они, мол, немодного оттенка. И вообще, сами волосы ничего не стоят, главное – работа, благодаря которой они превращаются в накладные косы, парики или еще во что-то подобное. Пока он болтал без умолку, начало темнеть. Я поняла, что если не продам волосы немедленно, то никогда этого не сделаю. Я начала его уговаривать и объяснила, почему тороплюсь. Я рассказывала все не очень внятно, но его жена тут же велела купить мои волосы и сказала, что сделала бы то же самое для Джимми.

– Что-то я совсем запуталась, – взмолилась Эми. – Может, ты все-таки объяснишь, кто такой Джимми?

– Ее сын. Он тоже служил в армии. Такие вещи сближают людей. Пока ее муж меня стриг, она говорила без умолку, чтобы как-то отвлечь меня.

– А тебе не было страшно, когда он начал тебя стричь? – спросила Мег, и ее даже передернуло от ужаса.

– Пока он готовил инструменты, я очень внимательно оглядела себя в зеркало. А потом постаралась разом забыть, какие у меня были волосы. Вот и все. Мне кажется, на такие мелочи не стоит обращать внимания. И все же, признаюсь, когда я увидела свои родные волосы на его столе и посмотрела на то, что он мне оставил, мне на минуту стало жутко. У меня было такое ощущение, словно мне сделали операцию. Жена парикмахера, видно, поняла, что со мной происходит. Она взяла со стола длинную прядь и велела мне спрятать на память. Я, пожалуй, отдам ее тебе, Марми. Понимаешь, мне все больше и больше нравится моя новая стрижка. Это так удобно. Не думаю, что я снова отпущу длинные волосы.

Миссис Марч взяла у дочери каштановую прядь и бережно убрала в ящик, где уже лежала короткая прядь седых волос мистера Марча.

Потом разговор как-то переключился, и Джо наконец смогла перевести дух после многочисленных расспросов, которые порядком ее утомили. Сборы закончились, но никто не торопился идти спать. Бет подошла к роялю и, взяв несколько аккордов, запела любимый псалом отца. Остальные пытались подпевать, но скоро поняли, что это выше их сил, и, едва сдерживая слезы, умолкли. Лишь одна Бет допела до конца – музыка в любых обстоятельствах была ее утешением.

– Девочки, кончайте разговоры и немедленно идите спать, – сказала миссис Марч. – Завтра мы должны подняться чуть свет, и надо как следует выспаться. Спокойной ночи, милые.

Девочки пожелали матери доброй ночи и тихо, словно больной лежал не за множество миль отсюда, а в соседней комнате, отправились в спальню. Бет и Эми заснули почти сразу. Мег не спалось, и мысли одна другой тревожнее лезли ей в голову. Потом она посмотрела на кровать Джо. Джо лежала недвижно, и Мег решила, что сестра давно спит, но вдруг послышалось тихое всхлипывание.

– Джо, милая, что с тобой? Ты из-за папы?

– Нет. Сейчас нет.

– А что такое?

– Мои… мои волосы, – уткнувшись в подушку, проговорила Джо. – Ты не думай, я не жалею. Повторись все, я бы сделала то же самое, – сквозь слезы говорила Джо. – Это мое тщеславие горюет сейчас и заставляет меня реветь. Только не говори никому. Видишь, все уже прошло. А ты-то чего не спишь?

– Не спится, – ответила Мег. – Я беспокоюсь о папе.

– Постарайся вспомнить что-нибудь хорошее. Сразу заснешь.

– Да я старалась. Не получается.

– А о чем ты думала?

– О красивых лицах и глазах, – ответила Мег и, пользуясь тем, что Джо не видит в темноте ее лица, позволила себе улыбнуться.

– Какого же цвета глаза ты предпочитаешь?

– Карие. Ну, голубые тоже ничего, – поспешила оговориться Мег.

Джо засмеялась, и Мег строгим голосом приказала ей замолчать немедленно и не мешать спать остальным. Затем она пообещала сестре, что завьет ей волосы, и ее голова даже с короткой стрижкой будет выглядеть вполне симпатично. Потом Мег принялась строить "воздушный замок" и так увлеклась этим занятием, что незаметно уснула.

Глава XVI

Письма

Едва забрезжил холодный серый рассвет, как сестры поднялись. У них уже вошло в привычку, прежде чем приниматься за дела, прочесть главу из томика, подаренного матерью на Рождество. Но сегодня чтение это приобрело особое значение. Девочки не просто следовали пожеланиям миссис Марч, а всей душой молили Всевышнего об избавлении от несчастья – только сегодня они по-настоящему ощутили, как были счастливы, пока жизнь отца не оказалась под угрозой.

Чтение укрепило их дух, и, спускаясь вниз, чтобы проводить мать, каждая из девочек решила держаться изо всех сил и не проронить ни слезинки. Да они и вправду надеялись на благополучный исход.

На улице было темно, и только в доме семейства Марч горел свет. Как непривычно завтракать в столь ранний час! Даже Ханна была неузнаваема: спросонья она забыла снять ночной чепец и так в нем и стояла у кухонной плиты.

Собрали и заперли платья, и шляпа миссис Марч лежала на спинке дивана. Сама она делала вид, что завтракает с большим аппетитом, но несмотря на все старания выглядела такой измученной, что девочкам стоило немалых усилий сдержать обещание и не расплакаться. У Мег то и дело наворачивались слезы на глаза, и лишь огромным усилием воли ей удавалось подавить рыдания. Джо порой закрывалась кухонным полотенцем, а лица младших девочек словно окаменели.

Все были угнетены и хранили молчание. Лишь когда миссис Марч с помощью дочерей облачилась в плащ и шляпу и коляска уже подъезжала к крыльцу, она обратилась к обступившим ее девочкам:

– Оставляю вас на попечении Ханны и под покровительством мистера Лоренса. Наша Ханна сама преданность, а мистер Лоренс будет заботиться о вас не меньше, чем о собственном внуке. Словом, мне нечего о вас тревожиться. Хочу только, чтобы вы правильно отнеслись к беде, которая свалилась на нас. Не вздумайте горевать или сетовать на судьбу. Это одинаково глупо и никому еще не приносило облегчения. Не надейтесь, что найдете утешение в лености или забвении. Трудитесь, как всегда. Сейчас работа – единственное наше спасение. И даже в самом худшем случае память об отце всегда будет с вами.

– Мы поняли, Марми.

– А ты, милая Мег, приглядывай за сестрами, не бойся спрашивать совета у Ханны, а в трудных случаях обращайся к мистеру Лоренсу. Тебя, Джо, прошу быть сдержанной. Постарайся избегать необдуманных поступков и не впадай в отчаяние. Почаще пишите мне и, что бы ни

случилось, сохраняйте присутствие духа. Занимайся музыкой, Бет, она всегда успокаивает тебя. А ты, Эми, слушайся старших и не кисни.

– Хорошо, мы постараемся, Марми! – хором отозвались девочки.

Раздался шум экипажа. Все вышли на крыльцо, но и эту тяжелую минуту девочки выдержали с честью – никто не проронил ни слезинки. У них даже хватило сил улыбнуться, когда они просили передать папе привет, хотя каждая со страхом думала, что, быть может, отец никогда уже этого не услышит.

Тут же стояли мистер Лоренс и Лори, а мистер Брук, отбывавший с миссис Марч, проявил столько предупредительности, что сестры сразу же назвали его Добрым Сердцем, и прозвище это отныне прочно укоренилось в доме.

Когда карета тронулась, выглянуло солнце. Провожающие сочли это добрым знаком. Видимо, пассажиры, сидящие в карете, подумали о том же. Выглянув из окон и улыбнувшись, они еще раз помахали на прощанье.

– У меня такое чувство, будто мы пережили землетрясение, – сказала Джо, после того как мистер Лоренс и Лори ушли к себе завтракать.

– Будто полдома рухнуло, – с грустью добавила Мег.

Бет открыла было рот, чтобы что-то сказать, но в это время взгляд ее упал на стопку аккуратно заштопанных чулок, и она выразительно посмотрела на сестер. Сестры поняли ее. Оказывается, перед отъездом Марми успела позаботиться, чтобы у дочерей всего было вдоволь. Это настолько растрогало девочек, что они впервые за утро дали волю слезам. Впрочем, мать была уже далеко, и теперь они могли себе это позволить.

Увидев, в каком состоянии пребывают ее питомицы, Ханна почла за лучшее не мешать. Лишь убедившись, что горе явно пошло на убыль, она появилась в гостиной, оповещая о своем приходе звоном кофейного сервиза.

– Ну, юные леди, не мешает вспомнить, что советовала ваша мама. Не горюйте. Выпейте лучше по чашечке кофе да принимайтесь за дела. Надо поддерживать честь семьи.

Ханна знала, что делает. С тех пор как мистер Марч разорился, в его доме не часто подавали кофе. Вот почему, учуяв запах лакомого напитка, девочки сразу приободрились. Сменив мокрые носовые платки на крахмальные салфетки, они быстро уселись за стол и несколько минут спустя были готовы приняться за какое угодно дело.

– Трудитесь и надейтесь на лучшее – вот наш девиз. Проверим, кто лучше всего ему следует. Я, как всегда, иду к тетушке Марч. Ох, и запилит же она меня сегодня, – вздохнула Джо и с удвоенной энергией принялась за кофе.

– А я иду к Кингам. Хотя я с большим удовольствием осталась бы дома, по крайней мере, навела бы тут порядок, – сказала Мег, с беспокойством думая, не опухло ли у нее лицо от только что пролитых слез.

– За дом можешь не волноваться. Мы с Бет прекрасно справимся, – заверила Эми.

– Конечно, Мег. Ханна объяснит, что делать. К тому времени как вы с Джо вернетесь, все будет убрано, – сказала Бет и, не откладывая дел на будущее, извлекла на свет таз для мытья посуды, какие-то тряпки и швабру.

– По-моему, переживания олицетворяют большую значительность, – важно заявила Эми, и, несмотря на гнетущую тяжесть последних двух дней, сестры не выдержали и весело рассмеялись.

Правда, заметив, что Эми решила поискать утешение у сахарницы, Мег очень строго посмотрела на нее.

Когда Ханна снабдила Джо и Мег горячими пирожками, девочки снова загрустили. И уж совсем им стало грустно, когда, выйдя на улицу, они по привычке взглянули на окно, в котором обычно видели миссис Марч. Но их ждал сюрприз. Не успели они отвернуться и отправиться в путь, как заметили в окне розовощекую Бет, которая ласково кивала сестрам на прощанье. Вспомнив о семейной традиции, Бет решила проводить старших сестер на работу по всем правилам.

Джо сорвала с головы шляпу и помахала ей в ответ.

– Сколько доброты в этой крошке, – сказала она. – Ну, пока, Мегги. Надеюсь Кинги не станут тебя слишком уж мучить сегодня. И постарайся не беспокоиться о папе.

– А я почему-то надеюсь, что тетушка Марч постыдится ворчать. Знаешь, тебе даже идет такая стрижка. Я привыкла, – сказала на прощанье Мег, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

Уж очень забавно выглядели коротко стриженые кудряшки на долговязой Джо.

– Ну, буду этим утешаться.

И, коснувшись рукой шляпы – жест, перенятый от Лори, – Джо отправилась своей дорогой.

Первые же новости, полученные от миссис Марч, несколько ободрили девочек. Отец был серьезно болен, но труды самоотверженной сиделки миссис Марч принесли благотворные плоды. Как свидетельствовали ежедневные отчеты мистера Брука, состояние больного начало улучшаться.

Девочек охватила настоящая эпистолярная эпидемия. Не проходило дня без того, чтобы какая-нибудь из сестер, втайне гордясь корреспонденцией, следующей в Вашингтон, не опустила в почтовый ящик увесистый конверт. Вот что они писали:

"Милая мамочка!

Трудно передать, как обрадовало нас твое последнее письмо. Новости, которые ты сообщаешь, настолько радостны, что, читая их, мы и смеялись и плакали одновременно. Каким удивительно добрым человеком оказался мистер Брук! Остается только радоваться, что дела мистера Лоренса заставляют мистера Брука подольше задержаться в Вашингтоне. Значит, он и дальше сможет быть полезен тебе и папе. Девочки ведут себя отлично. Джо во всем помогает мне, она взвалила на себя всю самую тяжелую работу по дому. Я даже забеспокоилась, как бы она не переутомилась, но потом вспомнила, что ее порывы недолговечны, и перестала волноваться. Бет, как всегда, точна, пунктуальна и делает все так легко, что просто не замечаешь, когда она успевает справиться с делами. Она очень беспокоится о папе и забывается только за роялем. Эми послушна, я приучаю ее к порядку. Она стала сама причесываться, теперь учу ее обметывать петли и штопать чулки. Эми очень старается. К тому времени как ты вернешься, она наверняка сможет порадовать тебя своими успехами. Мистер Лоренс очень внимателен к нам. По словам Джо, он печется о нас, как наседка о цыплятах, и лучше, пожалуй, не скажешь. Лори, как всегда, мил, он стал еще заботливее. Они с Джо развлекают нас, и это очень помогает. Признаться, мы часто грустим без тебя, а без Джо и Лори нам и вовсе стало бы тоскливо. Ханна просто ангел. Она совсем не брюзжит, а меня в твое отсутствие стала звать не иначе как мисс Маргарет и

относится ко мне, будто я настоящая хозяйка дома. Мы все здоровы, работаем не покладая рук и денно и нощно мечтаем о твоем возвращении. Передавай привет папе и еще скажи ему, что я очень его люблю!

Твоя Мег".

Это послание, написанное каллиграфическим почерком на благоухающей духами бумаге, резко контрастировало с другими, начертанными небрежно-размашистым почерком на листе, таком невероятно тонком, что сразу приходила на память папиросная бумага. Пространство между строк щедро заполняли кляксы и помарки. Вот это послание.

"Дражайшая Марми!

Кричу троекратное "ура" в честь нашего доброго старины папы. Брук повел себя просто отменно – телеграфировал сразу, как только папе полегчало. Узнав счастливую весть, я поднялась на чердак и хотела поблагодарить Бога, но, видимо, совсем чокнулась от радости, потому что вместо молитвы твердила одно: "Какое счастье! Какое счастье!" Не знаю, можно ли считать это молитвой. У нас происходит много забавного, и теперь, когда главные тревоги позади, я повеселела и даже посмеиваюсь над окружающими. Понимаешь, твои дочери стараются вести себя образцово, и мне порой кажется, что я живу в каком-то гнезде голубков. Воображаю, как позабавила бы тебя Мег. Представь: с чинным видом она сидит во главе стола, изо всех сил подражая тебе. Она с каждым днем все хорошеет, и я любуюсь ею. Младшие девочки просто ангелы. Ну а что касается меня, то я как была Джо, так ею и остаюсь. Наверное, мне при всем старании не стать никем другим. Должна признаться, на днях я чуть не повздорила с Лори. Я высказалась по поводу одной мелочи, но сделала это весьма резко, и он обиделся. Я была совершенно права, но, на беду, не смогла выразиться более деликатно. В общем, Лори ушел домой и сказал, что

не появится до тех пор, пока я не извинюсь перед ним. А я сказала, что не сделаю этого, и тут уже по-настоящему разозлилась.

Размолвка продолжалась целый день. Мне было очень скверно и не хватало тебя, ведь ты единственная, кто мог бы мне дать совет. Трудность заключается в том, что мы с Лори одинаково гордые, нам трудно заставить себя просить прощения. Все-таки я надеялась, что он уступит, ведь права была я, а не он. Но он так и не пришел, а ночью я вдруг вспомнила наш с тобой разговор в тот день, когда Эми провалилась под лед. И утром побежала к Лори просить у него прощения. Самое интересное, что мы встретились у калитки, он шел ко мне с тем же. Нам стало смешно, мы извинились друг перед другом и тут же забыли об этом глупом происшествии. Вчера, помогая Ханне стирать, я сочинила стихотворение. Я знаю, что папа любит читать ерунду, которую я сочиняю. Потому вкладываю произведение в конверт и посылаю вместе с письмом. Буду рада, если папу это хоть немного развлечет. Обними его от меня покрепче и попроси, чтобы он поцеловал тебя не меньше шести раз от твоей нескладехи Джо.

Песнь, родившаяся в мыльной пене

Я шью, мету и тетю Марч,

Как птаху, опекаю,

И все сильнее становлюсь,

И слезы высыхают!

Над корытом я стою,

Песню тихую пою.

Летит пена высоко,

И стирать мне нелегко.

Замачивать, тереть, крутить

И вешать на веревку,

И на ветру потом сушить…

О, дай мне Бог сноровку!

Над корытом я стою,

Песню тихую пою,

Всю тревогу с наших душ

Состираю и солью.

Тому, кто трудится как вол,

Нет времени стонать.

Беру метлу, иду во двор —

Дорожки подметать.

На дворе я убеждаюсь,

Как душою возвышаюсь.

У меня по горло дел,

И тоска – не мой удел".

"Дорогая Марми!

Единственно, что в моих силах, – послать тебе и папе мою любовь и несколько анютиных глазок. Это с того самого куста, который я держу в доме. Вот цветы и пригодились. Я думаю, папа обрадуется. Я каждое утро читаю что-нибудь из твоей книжки и стараюсь быть хорошей. А вечером пою себе папину колыбельную и сразу засыпаю. Его любимый псалом я теперь совсем не могу петь. Пробовала, но сразу начинаю плакать. Девочки ведут себя очень хорошо и заботятся друг о друге. Все хорошо. Конечно, как только может быть хорошо, когда нам всем так не хватает вас. Я ни разу не забыла застелить постели, завести часы и проветрить комнаты. Так что не волнуйся. Поцелуй папу в ту щеку, которую я называю своей. И возвращайтесь скорее! Ваша Бет ждет вас обоих!

Бет".

"Моя дорогая мама!

Мы живем харашо, я аккуратно готовлю уроки и не противоречу по поводу девочек. Мег меня поправляет, говорит, что надо написать "не противоречу девочкам". Не знаю, как уш там надо, но сестер я слушаюсь. Мег очень заботится обо мне. Каждый вечир дает желе к чаю. Мне это идет в пользу. Джо говорит: все потому, что у меня характер приводит к улучшению. Лори не так уж уважителен. Я почти взрослая, а он называет меня "цыпленком". И абижает быстротой разговора по-француски. Так быстро я не понимаю! У моево голубово платья рукава протерлись. Мег отпорола и пришила новые. Но они получились слишком уские и не гармонируют к платью. Мне не понравилось, но я ничего не сказала. Вот так и терплю свалившиеся нивзгоды. Все харашо, но пусть бы Ханна как следует накрахмаливала мои фартуки и пекла слаткое к чаю. Мег говорит что орфография и

знаки препинания у меня никуда не годятся. Это очень оскорбительно, но у меня столько дел, что не могу задерживаться! Шлю гору приветов папе! Целую!

Твоя любящая дочь Эми Кертис Марч".

"Дорогая миссис Марч!

Пишу парочку-другую строк сказать, что живем мы как надо. Девочки ведут себя умницами и просто летают вокруг, такое проворство. Из мисс Мег выйдет хозяйка с достоинством. Она все перенимает, и с большим вкусом. Джо как хочет, так всех обскочет, но совсем не думает. Тут она на днях целое корыто выстирала. Крахмалить стала, прежде чем выжимать, а розовое платье подсинила, будто белое белье. Я чуть живот не надорвала, так смеялась. Бет самое лучшее существо и мне большая помощница. Она такая надежная и услужливая, всему старается подучиться и ходит на рынок, как будто старше своего возраста. Она считает расходы, и, как я ей в этом помогаю, у нее получается просто здорово. Мы пока во всем экономим. Кофе девочкам подаю только раз в неделю. Как было Ваше желание, готовлю им простую и полезную еду. Эми ведет хорошо. В смыслах ее капризов напяливать то и дело парадное платье и есть сладкое тоже все в порядке. Что до мистера Лори, он, как прежде, фокусничает. Когда он у нас, весь дом ходуном ходит. Но я и в ус не дую. Девочек это веселит, пусть, думаю, порезвятся, мои бедняжки. Старик все время что-то посылает и просто у меня в печенках сидит со своим вниманием. Но как у него это от доброты, нечего и ругаться. Ну, милая, у меня уже тесто для хлеба подошло, некогда мне больше писать. Передайте мой верный поклон мистеру Марту. Надеюсь, он оправился от этой пневмонии?

Со всем моим почтением, Ханна Маллет".

"Госпожа главная медсестра!

В нашем лагере все спокойно. Войска в боевом настроении, интендантство работает исправно, части охраны под командованием полковника Тэдди бдительно охраняют город. Главнокомандующий, генерал Лоренс, ежедневно дает смотр войскам, квартирмейстер Маллет поддерживает образцовый порядок в лагере, а майор Лайон несет ночные вахты. В ознаменование радостной вести из Вашингтона был дан залп из двадцати четырех орудий и состоялся парад на площади Генерального штаба.

Главнокомандующий посылает Вам пламенный привет.

Полковник Тэдди присоединяется к приветствию".

"Дорогая моя мадам Марч!

С девочками все обстоит нормально. Бет и мой мальчик каждый день дают мне подробный отчет. Ханна достойна всяких похвал, она прекрасно ведет дом и, как преданный лев, охраняет прелестную Мег. Меня радует, что у Вас стоит хорошая погода. Очень прошу, пользуйтесь услугами мистера Брука настолько, насколько они Вам потребуются. Если Ваши расходы окажутся выше ожидаемого, пожалуйста, скажите мне. Сейчас нельзя ни в чем отказывать мистеру Марчу, ведь он, благодарение Богу, поправляется, и это самое важное.

Ваш покорный слуга и искренний друг Джеймс Лоренс".

Глава XVII

Маленькая праведница

Старый дом семейства Марчей всегда слыл оплотом добродетели, а за неделю отсутствия миссис Марч добродетелей в нем скопилось столько, что впору открывать торговлю излишками. Девочки вели себя просто как ангелы. Они с таким рвением пытались перещеголять друг

друга в деле самопожертвования, точно это стало последним криком моды.

Неизвестно, чем бы все кончилось, следуй они и дальше так уверенно по стезе добродетели, но неделю спустя пришли первые вести об улучшении здоровья мистера Марча. Настроение у всех поднялось, и девочки позволили себе расслабиться, спасаясь таким образом от фанатической праведности. Едва души их возрадовались, похвальное поведение стало уступать место обычному. Нет, они не забыли девиза, который мать провозгласила перед отъездом. Они по-прежнему трудились и надеялись, но теперь девочки позволили себе небольшую передышку.

Первое испытание выпало на долю Джо. Забыв, что ее стриженая голова требует несравненно более солидной защиты от холода, Джо надела слишком легкий головной убор и простудилась. Сестры единогласно постановили, что она должна сидеть дома до полного выздоровления. Собственно, Джо и возразить ничего не могла. Тетушка Марч не выносила, когда ей читали гнусавым от насморка голосом, а значит, Джо у нее делать было нечего. И она с радостью покорилась приговору. Джо несколько раз сбегала на чердак и в чулан и, запасясь солидной порцией книг, устроилась на диване лечить насморк с помощью капель и литературных произведений.

Эми вдруг пришла к выводу, что работа по дому иссушает душу художника. Она отрешилась от хозяйственных забот и снова посвятила себя куличикам.

Мег каждый день навещала Кингов, а дома ее ждало шитье. Правда, как-то незаметно получилось, что дома она в основном писала огромные письма матери или перечитывала письма от нее. Вот почему, если она и занималась шитьем, то совсем немного.

Одна Бет не поддавалась общему настроению. Она по-прежнему трудилась не покладая рук, и музыка была единственным развлечением, которое она себе позволяла. Теперь, когда сестры несколько успокоились и стали иногда забывать о своих обязанностях, Бет взвалила их на себя. Никто не спрашивал ее, как она со всем справляется, но она справлялась. Разделавшись со своей работой, она принималась за все, что недоделали сестры, и жизнь в доме шла, как хорошо отлаженные часы.

При первом серьезном испытании Бет оказалась гораздо ответственнее своих старших сестер. Мег и Джо при первых же радостных известиях о здоровье отца настолько успокоились, что сочли испытание оконченным. Они были очень довольны собой, своим поведением и в общем-то были правы. Ошибка их заключалась в одном: они успокоились слишком рано.

И лишь крошка Бет, словно чувствуя, что впереди их ожидает еще немало тревог, старалась держать себя в руках и, насколько могла, не давала забыть старшим о неотложных, по ее мнению, делах.

– Мег, надо бы навестить Хуммелей, – сказала Бет спустя десять дней после отъезда миссис Марч. – Марми просила не забывать о них.

– Только не сегодня, – ответила Мег, устраиваясь поудобнее в качалке, – я очень устала.

– Может, ты сходишь, Джо?

– Но, Бет, сегодня так ветрено. А у меня еще насморк не прошел.

– А мне казалось, ты почти выздоровела.

– Ну да! Именно почти. Я вполне могу гулять с Лори, но еще недостаточно окрепла, чтобы идти к Хуммелям, – со смехом сказала Джо.

– А почему бы тебе самой не пойти? – спросила Мег.

– Я хожу туда каждый день. Но у них заболел малыш, и я просто не знаю, что с ним делать. Миссис Хуммель уходит на работу, а Лотхен ухаживает за ним, но ему становится все хуже и хуже. Мне кажется, тебе или Ханне надо обязательно сходить к ним, – серьезно объяснила Бет.

Мег стало стыдно, и она пообещала завтра же обязательно навестить Хуммелей.

– А сейчас попроси Ханну приготовить им что-нибудь вкусное и сходи сама. Тебе полезно лишний раз побыть на воздухе, – извиняющимся тоном добавила Джо. – Я бы с тобой пошла, но… мне очень хочется дописать рассказ.

– Я тоже устала, и голова побаливает, – призналась Бет. – Вот я и подумала, может, кто-нибудь из вас сходит.

– Придет Эми, она и сходит, – тут же решила Мег.

– Ну, тогда я прилягу, пока она не пришла.

С этими словами Бет легла на диван, Мег занялась шитьем, а Джо продолжила писать рассказ.

Прошел еще час. Эми все не возвращалась. Мег поднялась наверх примерить новое платье, о Хуммелях она уже забыла. Джо настолько увлеклась рассказом, что вообще не замечала ничего вокруг. Ханна задремала у кухонной плиты.

Бет встала, тихо прошла в переднюю, оделась, собрала в корзину еду и кое-какие мелочи для детей и вышла на улицу. Голова у нее по-прежнему болела, но идти было некому, и, превозмогая себя, она отправилась к Хуммелям.

Домой она вернулась поздно и так тихо поднялась наверх в комнату матери, что никто не заметил ее прихода. Лишь полчаса спустя Джо что-то понадобилось в мамином шкафу, и она поднялась в комнату матери. Там она застала Бет. Девочка с растерянным видом сидела на сундуке с лекарствами. Глаза у нее были красные, а в руке она сжимала пузырек с камфорой.

– Силы небесные! Что случилось? – крикнула Джо.

Бет быстро вытянула руку, словно просила Джо не подходить ближе.

– У тебя была скарлатина? – спросила она.

– Ну да! Давно. Мы болели вместе с Мег. А что?

– Тогда я могу сказать тебе… Джо, маленький-то умер!

– Какой маленький?

– Ребенок миссис Хуммель, – всхлипнула Бет. – Он умер у меня на руках еще до того, как миссис Хуммель вернулась домой.

– Бедная! Ну и досталось тебе. Конечно, мне надо было пойти самой, – сказала Джо и, опустившись в большое кресло миссис Марч, посадила сестру к себе на колени.

– Знаешь, Джо, я совсем не испугалась, но это было так грустно. Я сразу поняла, что маленькому стало хуже. Лотхен сказала, что ее мама пошла за доктором. Я решила дать Лотхен хоть немного передохнуть и взяла у нее ребенка. Он сначала вроде бы спал, а потом крикнул, вздрогнул и затих. Я пыталась согреть его, а Лотхен пробовала напоить его молоком. Но он ни на что не реагировал, и я поняла, что он умер.

– Да не плачь ты так, Бет. И что же дальше?

– Я сидела и держала его, пока не вернулась миссис Хуммель с доктором. Он тоже сказал, что ребенок умер, а потом начал осматривать Мину и Генриха, потому что они сказали, что у них болит горло. Он сказал: "Это скарлатина, мэм, вам надо было позвать меня раньше". А она ему сказала, что у них нет денег на врача, вот она и лечила маленького сама, а теперь просит вылечить хоть остальных детей, хотя заплатить ей все равно нечем. Одна надежда на благотворительное общество. Тут он как-то по-доброму улыбнулся, и всем стало немного легче. Но все равно было очень грустно, я не удержалась и немного поплакала вместе с Хуммелями. Но тут доктор повернулся ко мне и велел немедленно идти домой и выпить лекарство, иначе я тоже заболею.

– Нет, ты не заболеешь! – испуганно закричала Джо, прижимая к себе сестру. – Не надо, Бет. Если ты заболеешь, я никогда не прощу себе! Что же нам делать?

– Не тревожься. Я думаю, у меня болезнь пройдет в легкой форме. Я посмотрела в мамином справочнике. Там написано, что все начинается с головной боли. Болит голова, больно глотать и вообще чувствуешь себя плохо. Все как у меня. Но я приняла лекарство, и мне уже лучше, – сказала Бет, пытаясь выглядеть как можно бодрее, хотя голова у нее просто раскалывалась от боли, и она не отнимала холодной руки от пылающего лба.

– Если бы мама была дома! – воскликнула Джо.

Джо взялась было за книгу, но, прочитав страницу, снова внимательно поглядела на Бет. Она поднесла руку ко лбу девочки и поняла, что у Бет жар.

– Ты же больше недели ухаживала за ребенком, – испуганно сказала Джо. – И с другими детьми миссис Хуммель возилась, а они ведь тоже, наверное, заразились. Боюсь, Бет, ты заразилась от них. Сейчас я позову Ханну. Она лучше меня понимает в болезнях.

– Только не пускай сюда Эми. У нее не было скарлатины. Я боюсь ее заразить. А у тебя и у Мег она не может повториться? – забеспокоилась Бет.

– Думаю, нет. Но мне все равно. Пусть повторится. Так мне и надо! Это я послала тебя туда. Мне, видите ли, хотелось дописать свою чушь! – в сердцах сказала Джо и побежала на кухню посоветоваться с Ханной.

Услышав о болезни своей любимицы, добрая служанка мигом стряхнула с себя остатки сна и принялась успокаивать Джо.

Она твердила, что нечего волноваться, все дети болеют скарлатиной, от нее только надо верно лечить, и тогда их дорогая Бет обязательно поправится. Она говорила так убежденно, что Джо в конце концов успокоилась и, облегченно вздохнув, пошла рассказывать обо всем Мег.

Ханна тем временем направилась к больной. Внимательно расспросив Бет о самочувствии, она приняла решение:

– Вот что мы сделаем – вызовем доктора Бенгса. Пусть осмотрит тебя и скажет, правильно ли мы тебя лечим. Эми пока отправим к

тетушке Марч, так будет безопаснее. Джо или Мег отведут ее, а другая останется с Бет.

– Я останусь, я ведь старшая, – сказала Мег, которая не знала куда себя девать от беспокойства и угрызений совести.

– Нет, останусь я, – твердо заявила Джо. – Это я виновата, что она заболела. Я обещала маме выполнять все ее поручения, а в результате все делала Бет.

– А ты, Бет, что скажешь? Выбирай, кого нам с тобой оставить? – спросила Ханна.

– Джо, останься, пожалуйста. – И Бет положила голову на плечо сестре.

– Пойду скажу Эми, чтобы одевалась, – обиженным голосом произнесла Мег.

Впрочем, она скорее испытала облегчение: ухаживать за больными она не любила и делала это куда хуже Джо.

Уговорить Эми оказалось не так-то просто. Она заявила, что лучше заболеет скарлатиной, чем пойдет к тетушке Марч. Сколько Мег ни просила сестру, ничего не помогало. Отчаявшись, Мег отправилась за помощью к Ханне. Не успела она вернуться, как в гостиную, тихонько посвистывая на ходу, вошел Лори. Увидев Эми, которая рыдала, уткнувшись в диванные подушки, он очень удивился. Эми обрадовалась его приходу и, уверенная, что обрела наконец защитника, все ему рассказала. Но ее ждало разочарование.

Не выказав ровно никакого сочувствия оскорбленной до глубины души Эми, он прошелся с задумчивым видом по гостиной, потом сел рядом с ней и сказал мягким, но очень серьезным тоном:

– Выслушайте меня внимательно, Эми. Если вы и впрямь разумное существо, то поступите, как вас просят… Нет-нет, не надо плакать. Лучше послушайте, что я придумал. Вы отправляетесь к тетушке Марч, а я буду каждый день заезжать за вами и брать вас кататься. Мне кажется, вам будет гораздо веселее, чем торчать тут.

– Меня отсылают, будто я им мешаю, – обиженно буркнула Эми.

– Да опомнитесь, крошка! Они это делают потому, что заботятся о вас! Не хотите же вы заболеть скарлатиной?

– Конечно, не хочу. Но, наверное, я все равно заболею. Ведь мы все это время были вместе с Бет.

– Вот потому-то вам и надо скорее уехать. Иначе вы уж точно заразитесь. А если переменить обстановку, вы или вообще не заболеете или перенесете болезнь в легкой форме. Советую вам как можно скорее перебираться к тете. Учтите, скарлатина – очень тяжелая болезнь.

– Но у тетушки Марч скучно, и она такая сердитая, – с испуганным видом сказала Эми.

– Но я же буду каждый день заезжать к вам. Вам не будет скучно. Мы станем кататься, гулять, и я вам буду все рассказывать про Бет. Ваша тетушка любит меня. Я постараюсь похитрее с ней обращаться, и тогда она позволит нам делать все, что мы захотим.

– А вы прокатите меня в пролетке?

– Даю честное слово.

– И ни одного дня не пропустите? Будете каждый день приезжать?

– Каждый день. Я буду точен, как морской хронометр.

– А как только Бет поправится, привезете меня назад?

– В тот же миг, как она почувствует себя здоровой.

– И мы тогда пойдем в театр?

– Хоть в дюжину театров.

– Ну, тогда я согласна, – шепотом сказала Эми.

– Молодец, – похвалил Лори. – А теперь позовите Мег и скажите, что сдаетесь.

Слово "сдаетесь" возмутило Эми, но предложение Лори звучало так соблазнительно, что пришлось подавить в себе негодование. Когда на ее зов в гостиную прибежали Мег и Джо, она, к их величайшему изумлению, как ни в чем не бывало заявила, что, пожалуй, поедет к тетушке Марч:

– Если, конечно, доктор подтвердит, что Бет больна, – добавила она.

– А как там наша тихоня? – спросил Лори.

К Бет он относился с особенной нежностью и, не показывая вида, в глубине души очень встревожился, когда узнал о ее болезни.

– Мы ее уложили на мамину постель, и сейчас она чувствует себя получше. Бет горевала, когда умер малыш Хуммелей. Мы еще надеемся, может, она просто простудилась? Ханна на это надеется, но она так встревожена, что меня это пугает, – сказала Мег.

– Ужасно устроен мир, – произнесла Джо, свирепо ероша коротко остриженные волосы. – Не успели избавиться от одной напасти, и вот – другая. Без мамы мы просто как без рук. Ума не приложу, что делать.

– Во-первых, Джо, не ерошьте волосы, вам это не идет. Лучше скажите, что я должен сделать. Посылать миссис Марч телеграмму или нет? И вообще, что надо? – выпалил Лори, который единственный пока еще не мог простить Джо выходку с волосами.

– Это-то нас и волнует, – ответила за сестру Мег. – Я считаю, если Бет серьезно больна, нужно дать знать Марми. А Ханна говорит, что раз она все равно не может оставить папу, значит, и волновать ее нечего. Она говорит, что Бет быстро поправится, а как лечить ее, она сама знает. Марми, когда уезжала, велела нам во всем слушаться Ханну. Наверное, мы должны поступить так, как говорит Ханна, но все-таки, мне кажется, это не совсем правильно.

– Ну, мне трудно сказать. Давайте сделаем так. Дождемся доктора, а когда он уйдет, посоветуемся с дедом.

– Правильно, Лори. Джо, иди быстрее за доктором Бенгсом. До того как он осмотрит Бет, мы все равно ничего не решим.

– Сидите, Джо. Роль посыльного я давно уже взял на себя. И никому не собираюсь ее уступать, – сказал Лори и надел шляпу.

– Вечно Мег отрывает вас от дела, – посетовала Джо.

– Нет, нет! Я сегодня отзанимался.

– Вы даже в каникулы занимаетесь? – удивилась Джо.

– Пример соседей заразителен, – ответил Лори и вышел из гостиной.

– Я очень надеюсь на нашего Лори, – сказала Джо, с одобрением наблюдая, как тот ловко перемахнул через забор.

– Да, для своего возраста он очень развит и образован, – равнодушно ответила Мег, не очень-то интересовавшаяся успехами Лори.

Вскоре появился доктор Бенгс. Осмотрев Бет, он сказал, что она явно больна скарлатиной, но, по его мнению, болезнь у нее должна протекать в легкой форме. Правда, услышав про Хуммелей, он насупил брови и велел как можно скорее отослать Эми из дома. Ей дали лекарство и немедленно отправили к тетушке Марч. Отбытие младшей сестры было обставлено с возможной торжественностью; в пути ее сопровождала свита, которую составили Джо и Лори.

Старая тетушка встретила процессию со свойственным ей радушием.

– Что вы тут забыли? – Вот первые слова, которые услышали от нее трое наших паломников.

Верный ученик и соратник, попугай, восседавший на спинке тетушкиного кресла, немедленно прокричал:

– Убирайтесь! Мальчишкам вход воспрещен!

Лори почел за лучшее отойти к окну, а Джо тем временем объяснила любезной родственнице, чем вызван их неожиданный визит.

– Чего уж тут удивляться? – не преминула съязвить тетушка. – Чего может добиться мать, которая разрешает детям шастать ко всяким оборванцам! Эми, конечно, может остаться у меня, если она не больна. Пусть живет и помогает мне. Хотя нет никакого сомнения: не сегодня-завтра она тоже заболеет.

У нее и сейчас совершенно нездоровый вид. Только уж будь любезна, дитя мое, не реви, – повернулась она к Эми. – Терпеть не могу всякое хлюпанье.

Услышав такое, Эми собралась разрыдаться, но в это время Лори украдкой дернул попугая за хвост. Попугай встрепенулся и злобно прокричал:

– Благослови мои ботинки!

И Эми, вместо того чтобы расплакаться, расхохоталась.

– Что слышно от вашей матери? – осведомилась старушка, и голос ее прозвучал не менее сварливо, чем при встрече.

– Папе стало гораздо лучше, – с трудом удерживаясь от смеха, ответила Джо.

– Вот оно что, – разочарованно протянула тетушка. – Ну, это временно. Марч никогда не отличался выносливостью, – обнадежила она племянниц.

Почувствовав, что конфликт усугубляется, Лори снова поспешил заняться попугаем. На этот раз он легонько пощекотал птицу, и та послушно выдала такую сентенцию:

– Ха! Ха! Ха! Чем помирать, лучше бы табачка понюхал!

Произнося этот выразительный монолог, попугай подпрыгивал на спинке кресла и пару раз цапнул лапой чепчик почтенной леди.

– Помолчи, старый невежа! – прикрикнула тетушка Марч. – А ты, Джо, отправлялась бы лучше домой. Нечего шататься по вечерам с такими разболтанными мальчишками вроде…

Но тут Лори снова "включил" попугая.

– Помолчи, старый невежа! – тут же прохрипел он и попытался схватить своего мучителя за палец, но промахнулся.

"Боюсь, мне такого долго не вынести, но я буду стараться", – подумала Эми.

Попугай злобно уставился на нее и крикнул:

– Убирайся вон, уродина!

И Эми, которая не поддалась на оскорбительные выпады тетушки, слов попугая выдержать не смогла. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Глава XVIII

Тяжелые времена

Жар у Бет никак не спадал. Положение ее оказалось куда серьезнее, нежели предполагали вначале доктор и Ханна. Мистеру Лоренсу самым категорическим образом запретили навещать Бет, а Ханна несла постоянную вахту у постели своей любимицы. Конечно, и доктор Бенгс делал все, что мог, но даже его усилия не шли ни в какое сравнение с самопожертвованием Ханны.

Мег взяла на себя хозяйственные заботы. Боясь кого-нибудь заразить скарлатиной, она прекратила всяческие визиты и даже забросила Кингов.

После каждого письма, отправленного в Вашингтон, Мег испытывала угрызения совести. Ведь Ханна так и не позволила ей сообщить о болезни Бет, и, читая ее письма, можно было подумать, что в доме все обстоит наилучшим образом.

Джо не отходила от Бет ни днем, ни ночью. Правда, Бет и во время болезни проявляла такую покладистость и кротость, что почти никому не доставляла забот. Несколько дней спустя положение изменилось. Температура поднялась еще выше, и Бет начала бредить. Как пугал Джо ее хриплый голос, ее попытки петь! Иногда Бет садилась на постели, и пальцы ее словно наигрывали на простыне какие-то замысловатые пассажи. Видимо, в бреду ей казалось, что она играет на рояле. Потом она перестала узнавать Ханну и Джо. Тут-то Джо наконец поняла, сколь опасно больна малютка Бет.

Мег принялась в который раз умолять Ханну сообщить обо всем миссис Марч, и Ханна, казалось, начала испытывать кое-какие сомнения. Она сказала, что подумает, надо ли, хотя пока опасаться не следует.

Следующее же письмо из Вашингтона окончательно выбило их из колеи: мать сообщала, что мистеру Марчу снова стало хуже и ее возвращение откладывается на неопределенное время.

Это были тяжелые дни. Дом словно опустел, и старшим девочкам казалось, что радость и счастье никогда уже не вернутся в эти стены. Мег в который раз перебирала минувшие дни и все отчетливее понимала, насколько не умела ценить счастье домашнего очага. В который раз Джо, неся свою вахту в затененной шторами комнате, вглядывалась в лицо Бет! Только сейчас, когда над сестрой нависла

угроза смерти, она поняла, каким необыкновенным характером наделил Всевышний малютку и сколько это дитя делало добра ближним! Стоило Джо задуматься об этом, как ее начинали душить рыдания.

Мучила совесть и Эми. Ей не давало покоя, что большинство своих обязанностей она сваливала на безропотную Бет, и теперь она рвалась из своего изгнания домой. Эми считала, что должна сидеть у постели больной сестры, и лишь изобретательность и энергия Лори удерживали ее на месте.

Молочник, булочник, зеленщик, мясник – все справлялись о здоровье Бет. Соседи и знакомые посылали ей самые горячие приветы и с неподдельной тревогой расспрашивали о ее состоянии. Никто из домашних, при всей любви к Бет, раньше и не подозревал, что она успела обрести стольких друзей.

А Бет между тем лежала в кровати, и рядом лежала Джоанна, самая несчастная из ее больных кукол. Даже в таком тяжелом состоянии девочка не забывала о своей любимице. Она признавалась, что очень соскучилась без котят, но не позволила их приносить – боялась, что котята могут заразиться. Когда бред проходил, она первым делом принималась расспрашивать Джо, как та себя чувствует, а уверившись, что не заразила ее, посылала небольшие весточки Эми и просила передать Марми, что скоро напишет ей. Иногда ей давали карандаш и бумагу, и она писала коротенькие письма отцу. "Иначе папа подумает, что я совсем забыла о нем", – говорила она.

Однако вскоре Бет была уже не способна даже на это. Часами металась она в бреду, бормоча что-то невнятное, и даже короткий, тревожный сон не приносил облегчения. Доктор Бенгс дважды на дню заходил к ней, Ханна проводила у постели больной ночи напролет, а Мег заготовила телеграмму, которую готова была послать по первой команде Ханны. Джо, как и Ханна, не видела ничего, кроме малышки Бет, и лишь самые крайние обстоятельства вынуждали ее покидать комнату, где лежала сестра.

И вот наступило ужасное утро. Мистер Бенгс тщательно осмотрел Бет и, бережно опустив пышущую от жара руку девочки на одеяло, тихо обратился к Ханне:

– Если миссис Марч может оставить мужа, лучше вызвать ее.

Ханна молча кивнула, и губы у нее задрожали. Мег, едва услышав, что говорит доктор, беспомощно опустилась в кресло. У Джо побелело лицо. Она выбежала в гостиную, схватила телеграмму и, кое-как нацепив пальто и шляпу, выбежала на улицу. Вскоре она вернулась, и, пока снимала пальто, в прихожей появился Лори. В руках он держал письмо, а на словах сообщил, что мистеру Марчу стало гораздо лучше.

Джо быстро прочитала письмо и убедилась, что Лори не преувеличивает. Но даже эта новость не в силах была избавить ее от тоски, ведь жизнь Бет висела на волоске. Едва взглянув на Джо, Лори все понял.

– Что, Бет стало хуже? – тут же спросил он.

– Я вызвала Марми, – ответила Джо.

– Правильно, Джо. Вы так сами решили? – спросил Лори, помогая ей снять ботинки, которые никак не снимались.

– Нет, доктор велел.

– Неужели так плохо, Джо? – растерялся Лори.

– Плохо. Она уже не узнает нас. И даже плюща на окне не замечает. А еще недавно говорила, что листья на нем, как стая зеленых голубей. Сейчас это словно и не Бет, и ничего ей не помогает. Мама с папой так далеко, и мне кажется, Бог не хочет услышать мои молитвы.

Слезы застлали Джо глаза, и, шагнув на лестницу, она вытянула вперед руку, боясь оступиться. Лори подбежал и крепко схватил Джо за руку.

– Держитесь за меня, Джо!

Так они и стояли какое-то время на ступеньке, и Лори продолжал сжимать руку девочки.

– Спасибо, Лори, – сказала наконец Джо. – Я так рада вам. Без вас мне совсем плохо.

– Не отчаивайтесь, Джо. Нужно верить в лучшее. Тем более, мама скоро приедет. Она-то уж обязательно выходит нашу Бет.

– Я рада, что папе лучше. Теперь маме будет не так трудно оставить его. Несчастья свалились на нас одно за другим. И все-таки самое большое свалилось на меня, – сказала Джо и опять заплакала.

– Неужели Мег не помогает вам? – возмущенно спросил Лори.

– Ну что вы! Она делает все что может и очень волнуется за Бет. Но просто она не так привязана к Бет, как я. Я… совсем не могу с ней расстаться! Не могу! Не могу!

Джо уткнула лицо в платок и снова затряслась от рыданий. Лори тоже раскис, и ему потребовалось немало времени, чтобы справиться со спазмом в горле. Наконец ему это удалось, и тогда он очень уверенно сказал:

– Она не умрет, Джо. Понимаете, она такая хорошая, и мы так ее любим… Ну не верю я, чтобы Бог отнял ее у нас так рано.

– Хорошие люди почему-то часто умирают рано, – с тоской возразила Джо.

И все-таки уверенность Лори передалась ей. Она перестала плакать, и у нее появилась надежда, что еще не все потеряно.

– Бедная, вы совсем измучились. Вот уж не думал, что Джо Марч может так упасть духом. Ничего, сейчас я вас немного подбодрю. – И Лори, перепрыгивая через две ступеньки, побежал наверх.

Он вернулся с бокалом вина и протянул его Джо.

– Я пью за здоровье Бет, – сказала она. Вино и присутствие Лори еще больше ободрили ее. – Я думала, вы просто верный друг, а вы, оказывается, еще и прекрасный врач, мистер Тедди Лоренс, – сказала она. – Не знаю, как и отблагодарить вас. Верно, мне всю жизнь так и оставаться у вас в неоплатных должниках.

– Ну, если вас так мучает совесть, доктор Тедди Лоренс представит вам счет, – весело ответил Лори, чрезвычайно довольный результатами своего лечения. – Но это после. А сейчас я вам дам еще одно лекарство. Ручаюсь, оно подействует на вас куда сильнее вина.

– Что вы имеете в виду?

– Я телеграфировал вашей маме. Брук ответил, что она выехала и сегодня к вечеру будет дома, – выпалил Лори.

Он хотел сохранить тайну до конца и, лишь увидев Джо, понял, что должен хоть чем-нибудь обрадовать ее.

– Марми! – воскликнула Джо и, бросившись к Лори, крепко обхватила его за шею. – Лори! Я так рада! Вот теперь я тоже верю, что Бет поправится. Но как вы догадались, что нам не обойтись без мамы?

– Ну что ж, придется признаться, – засмеялся Лори и поправил съехавший на сторону галстук. – Мы с дедушкой начали беспокоиться, посоветовались и решили, что Ханна берет на себя чересчур много и надо дать знать вашей маме. Потому что, если Бет… Ну, если что-нибудь случится, она нам этого никогда не простит. А когда я вчера заметил, с каким мрачным видом доктор вернулся от Бет, я предложил Ханне послать телеграмму. Она мне категорически запретила это делать. Но я не люблю, когда мне мешают, и в тот же вечер пошел на почту и вызвал вашу маму телеграммой. Теперь я точно знаю, что она приедет. Поезд приходит в два часа ночи. Не беспокойтесь, я ее встречу. Единственно, о чем прошу вас, не тревожьте Бет, пока не приедет мама.

– Лори, вы ангел. Мне и правда придется платить вам по счету.

– В таком случае обнимите меня еще раз, и мы будем в расчете. – И Лори засмеялся так весело, как никто из них не смеялся уже две недели.

– Ну уж извините. Хотя… – Джо улыбнулась. – Я, пожалуй, сделаю это через посредника. В качестве посредника избираю вашего дедушку. Ладно, хватит смеяться надо мной. Лучше идите домой и отдохните хорошенько. Вам и так из-за нас полночи не спать. Да благословит вас Бог, Тедди Лоренс!

Услышав такое напутствие, Лори с легким сердцем отправился домой, а Джо пошла на кухню, где объяснила котятам, что теперь верит в благополучный исход болезни сестры.

Узнав, что сделал Лори, Ханна сказала:

– Он дерзко вмешался, но все-таки я не могу на него сердиться. Я рада, что миссис Марч скоро приедет. Пойду-ка поставлю пирог на случай нежданных гостей, – добавила она и отправилась на кухню.

Одна только Бет не могла порадоваться приезду матери. Она по-прежнему лежала в забытьи. Ее живое очаровательное лицо ныне лишилось всякого выражения, исхудалые руки беспомощно покоились на одеяле, и единственное слово, которое слышали от нее сестры, весь день продежурившие у постели, было "пить". Сестрам оставалось лишь обращаться с мольбами к Богу да поджидать Марми, ведь они свято верили, что мать способна найти выход из самой тяжелой ситуации.

Весь день на улице бушевала метель. Но вот спустилась ночь, и сестры, сидевшие по разные стороны постели Бет, вслушивались в бой часов, доносившийся из гостиной, – с каждым ударом приближался миг возвращения матери. Зашел доктор и сказал, что к полуночи состояние больной должно или улучшиться, или, напротив, ухудшиться, и что к этому времени он обязательно вернется.

Ханна так умаялась за день, что, едва опустившись на кушетку, стоявшую в ногах Бет, тотчас уснула. А мистер Лоренс все шагал и шагал по гостиной, раздумывая, как при встрече ободрить миссис Марч. Даже битва с вражеским войском была бы для него более легкой задачей. Лори лежал на ковре и делал вид, что отдыхает, однако и в его взгляде нетрудно было заметить тревогу.

Эту ночь Мег и Джо запомнили до конца своих дней. Они ни на секунду не сомкнули глаз, и гнетущее ощущение бессилия как будто раздавило их. Девочки не знали, что предпринять, и им оставалось лишь молиться и надеяться на лучший исход.

– Если Бог пощадит Бет, я никогда больше ни на что не пожалуюсь, – очень серьезно прошептала Мег.

– Если Бог пощадит ее, я постараюсь всю жизнь быть примерной христианкой, – столь же серьезно и искренне проговорила Джо.

Они помолчали. Потом Мег сказала:

– И зачем только Бог наделяет нас сердцем?! Мне сейчас бы легче было быть бесчувственной.

– Если жизнь всегда такая тяжелая, я вообще не понимаю, как можно жить, – грустно отозвалась Джо.

И тут они услышали, как часы пробили полночь. Они сразу вспомнили, что говорил доктор, и внимательно посмотрели на Бет. Исхудавшее лицо ее немного изменилось. В доме стало очень тихо. Только вьюга по-прежнему бушевала на улице, и от ее воя девочек мороз подирал по коже. Ханна спала. Сестры неотрывно следили за Бет, и вдруг им показалось, что над лицом больной нависла какая-то тень.

Прошел еще час, который не принес никаких изменений. Только Лори тихо вышел из гостиной и поехал на вокзал. И еще минул час – ничто не нарушало однообразного течения ночи.

Джо поглядела в окно. На улице по-прежнему бушевала метель. Потом она услышала какой-то шорох и обернулась. Мег опустилась на колени подле материнского кресла и уткнулась лицом в подушку. У Джо перехватило дыхание. Она метнулась к кровати и, едва взглянув на Бет, поняла, что все кончено. Недавно искаженное страданием и жаром, лицо девочки теперь было исполнено покоя и умиротворения. От горя Джо даже не могла плакать. Она поцеловала сестру во влажный лоб и прошептала:

– Прощай, моя милая Бет!

Шепот разбудил Ханну. Она подбежала к постели, пощупала руки Бет и прижалась ухом к ее груди. Потом повела себя совсем странно. Задрав фартук на голову, она принялась раскачиваться из стороны в сторону и монотонно бормотать:

– Кризис наступил. Она вспотела. Нормально спит. Слава Создателю нашему! О Боже! Дышит легко.

Слушая ее, девочки постепенно начали постигать суть этой странной полупохвалы, полумолитвы, но прошло еще какое-то время, прежде чем они решились поверить в благополучный исход. Затем пришел доктор. Вообще-то все девочки Марч сходились во мнении, что их доктор красотой не отличается. Однако когда он, осмотрев Бет, улыбнулся и объявил, что на этот раз малютка, по-видимому, выкарабкается, Мег и Джо показалось, что они еще не видели лица прекраснее.

– Дайте ей выспаться, – продолжал доктор, – а потом дайте ей…

Что надо было дать Бет после того, как она проснется, слушала только Ханна. Не в силах совладать с охватившей их радостью, девочки на цыпочках выбежали из комнаты. Они опустились на ступени лестницы и сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Чуть успокоившись, они вернулись обратно. Ханна ласково притянула их к себе и взглядом указала на спящую Бет. Лицо ее было столь безмятежно, будто она и не болела вовсе. Она, как и всегда во сне, заложила руки за голову, и, не знай сестры, как страшно все могло обернуться еще мгновение назад, они могли бы подумать, что она просто заснула после трудного дня.

Еще ни разу в жизни рассвет не казался Джо и Мег столь прекрасным. Заря побеждала долгие часы тьмы, и девочки думали о Бет и о томительных днях ее болезни, длившихся как муки ада.

– Ты слышишь? – резко вскочив со стула, спросила Джо.

У входной двери раздался звонок, и тут же восторженный возглас Ханны возвестил девочкам, что миссис Марч наконец вернулась домой. А потом они услышали громкий шепот Лори:

– Мег, Джо! Где вы там? Ваша мама приехала!

Глава XIX

Эми составляет завещание

Пока в доме происходили все эти события, Эми томилась в плену у тетушки Марч. Тут надо заметить, что тетушка, будучи от природы женщиной доброй и даже чувствительной, относилась к той чрезвычайно странной породе людей, которые считают стыдным выражать кому бы то ни было свою привязанность и умудряются делать все, чтобы жизнь самых близких им людей становилась совершенно невыносимой. Она души не чаяла в племянницах, но ни одна из девочек ни разу не слышала от нее доброго слова. Эми тетушке нравилась больше всех. Однако, оценив в глубине души покладистость и вежливость младшей из сестер Марч, тетушка, словно нарочно, старалась доставить ей как можно больше неприятных минут.

Бедная Эми! Только теперь она поняла, с какой нежностью относились к ней домашние. Отныне она с самого утра не знала покоя. После завтрака ее заставляли зубрить уроки. Потом она мыла чашки, чистила старинные ложки, большой серебряный чайник и стаканы, и тетушка не успокаивалась, пока серебро не начинало блестеть как зеркало. После этого она заставляла Эми вытирать пыль в гостиной. Мучительнейшая процедура! Мебель, словно нарочно, состояла из одних изгибов и узоров, которые впитывали в себя пыль, и тетушка никогда не бывала довольна результатами уборки. После пыли в ведение Эми поступали собака и попугай. Попугая требовалось накормить, а собаку вычесать. Но и на этом мучения юной узницы не кончались. Из-за сильной хромоты тетушка почти не вставала с кресла.

Зато ей постоянно что-нибудь требовалось, и Эми не меньше ста раз бегала вверх и вниз по лестнице, относя какие-нибудь вещи или передавая прислуге распоряжения тетушки. Если добавить, что в промежутках добрая старушка умудрялась читать Эми длиннейшие нотации, легко себе представить, каково девочке было в ее доме.

Лишь один час в день Эми испытывала истинную радость. Этот час тетушка отводила племяннице на игры и развлечения, и она неизменно проводила его в обществе Лори. Лори ни разу не нарушил слова. Он сумел уговорить тетушку Марч отпускать с ним Эми на прогулки. Они катались, гуляли и вообще чудесно проводили время. Так продолжалось до обеда. Потом для Эми снова наступали черные времена. После обеда она должна была читать почтенной леди вслух; когда же та засыпала (обычно это происходило еще до того, как Эми успевала дочитать первую страницу), Эми приходилось терпеливо ждать ее пробуждения. Когда этот счастливый миг наконец наступал, из рабочей корзины извлекались вещи, которые требовалось подштопать или зашить. При одном виде этих вещей душа Эми исполнялась бурного протеста. Однако зная, что протесты ни к чему не приведут, она покорно бралась за дело. Вечерами тетушка развлекала Эми историями из своей молодости. Это были очень скучные истории, но в конечном итоге они даже приносили пользу. Не успевала Эми добраться до постели, как, убаюканная очередным случаем из жизни тетушки, тут же засыпала.

Почти все, что окружало Эми в этом доме, дышало откровенной враждебностью. Попугай невзлюбил ее сразу и не упускал случая нагадить ей. Он умудрялся вцепиться ей в волосы каждый раз, как она проходила мимо. Стоило Эми вычистить его клетку, как он опрокидывал блюдце с молоком и накрошенным хлебом, и Эми вновь приходилось чистить клетку. Не сложились у Эми отношения с тетушкиным мопсом. Это оказалась самая коварная собака на свете. Когда Эми ее вычесывала, она то и дело старалась укусить ее. Кроме того, мопс отличался сказочной прожорливостью и требовал пищу почти все время, когда не спал. Тетушкина кухарка казалась Эми самой сварливой женщиной на свете. О кучере она не могла составить ровно никакого

представления: он был глух и попросту ничего не понимал, когда к нему обращались.

Зато с тетушкиной горничной, милой старушкой Эстер, Эми подружилась. Впоследствии Эми любила повторять, что не будь рядом Эстер и Лори, ей никогда бы не пережить этих страшных дней.

Эстер много лет прожила с тетушкой Марч, которая настолько привыкла к француженке, что не могла и часа обойтись без нее. Эстер умело пользовалась этой зависимостью и была единственным человеком в доме, имевшим влияние на деспотичную хозяйку. К Эми она привязалась сразу, и в те часы, когда девочка поступала в ее ведение, Эми чувствовала себя лишь чуть-чуть менее счастливой, чем на прогулках с Лори. Приведя в порядок гардероб мадам, Эстер рассказывала Эми, как жила во Франции, и Эми с жадностью ловила каждое ее слово. Ведь в отличие от постных историй старой тетушки, рассказы Эстер изобиловали сценами из красивой жизни, и восхищению Эми не было предела. Дозволяла ей Эстер и другие удовольствия. Эми могла беспрепятственно разгуливать по дому, роясь в многочисленных шкафах, старинных сундуках и кладовых. Особенно привлекал ее старый секретер. В его ящиках, нишах и арочках хранились старинные драгоценности и всякие изящные безделушки, и Эми могла часами перекладывать их с места на место.

Чего тут только не было! Гранатовый гарнитур, сопровождавший юную тетушку Марч во время первого выхода в свет. Жемчуг, который подарил тетушке Марч на свадьбу отец. Бриллианты – тоже свадебный подарок. Еще тут были пряди волос, портреты давно почивших друзей, детские браслеты, которые принадлежали единственной дочери тетушки. Часы дядюшки Марча с большой красной печаткой, побывавшие за свою жизнь во множестве детских рук. И, наконец, обручальное кольцо тетушки. Руки у нее к старости опухли, кольцо не налезало и теперь бережно хранилось в отдельной коробке.

– Ну, дорогая мадемуазель, а что бы вы выбрали из этого, если бы вам предложили? – спросила однажды Эстер, которая всегда в таких случаях сидела рядом с Эми, а затем сама запирала секретер.

– Вообще-то я предпочитаю бриллианты, – важно произнесла Эми. – Но из всех украшений мне больше всего идут ожерелья, а тут я не нашла ни одного бриллиантового ожерелья. Поэтому я бы выбрала вот это. – И она кинула восторженный взгляд на длинную нить, унизанную массивными бусинами из черного дерева с золотом, среди которых красовался крупный черно-золотой крест.

– И впрямь, мадемуазель! Мне тоже очень нравится эта вещь, – ответила Эстер, столь же восторженно глядя на бусы. – Только я бы их не носила на шее. Я бы стала молиться с ними. Ведь это четки.

– Так, значит, это для того же, для чего бусы из пахучего дерева, которые висят у вас под зеркалом? – спросила Эми.

– Да, они для молитвы. Святые были бы довольны, если бы я молилась с такими красивыми четками. Поэтому я никогда бы не надела их на шею, будто какую-то безделушку.

– Эстер, мне кажется, молитва приносит вам большое удовольствие, – сказала Эми. – Вы всегда какая-то особенная, после того как помолитесь.

– Это правда, мадемуазель. Знаете, я бы и вам посоветовала. Уединяйтесь хоть ненадолго каждый день, чтобы чуть-чуть подумать о себе и помолиться. Вы сами поймете, какое это утешение. Если хотите, я обставлю вам маленькую комнату рядом с вашей, и вы сможете там молиться за вашу больную сестру.

– Хорошо, Эстер, – согласилась Эми и принялась неторопливо укладывать в коробку длинные четки. – Все-таки интересно, кому это достанется после тетушки?

– Вам и вашим сестрам, милая мадемуазель. Это я точно знаю. Мадам выбрала меня свидетелем, и я подписывала ее завещание, – с улыбкой прошептала Эстер.

– Здорово! Но лучше бы она подарила нам все сейчас. Зачем откладывать? – сказала Эми, окидывая взглядом драгоценности.

– Вы еще слишком молоды для таких украшений, – возразила Эстер. – Как только первая из вас объявит о помолвке, мадам отдаст ей жемчуг. А вот это маленькое колечко с бирюзой тетушка подарит вам, когда вы соберетесь домой. Если, конечно, будете так же хорошо себя вести.

– Правда? – обрадовалась Эми. – Тогда я постараюсь вести себя еще лучше. Какое красивое кольцо! Даже у Кэти Браун такого нет! Ну и тетушка! Знаете, Эстер, хоть она и цепляется все время ко мне, но все-таки она очень хорошая.

Эми примерила колечко и, убедившись, что оно ей совершенно впору, твердо решила его заслужить.

С этого дня поведение Эми было образцовое, и, наблюдая за ней, почтенная леди не уставала хвалить себя. Бедняжка, она считала, что на Эми подействовали ее методы воспитания!

Будучи ревностной католичкой, Эстер не забыла о душе мадемуазель, и вскоре маленькая комната рядом со спальней Эми превратилась в некое подобие часовни. Эстер отнесла туда стол и скамеечку, а над столом повесила изображение Мадонны. В картине этой сама Эстер не усмотрела ничего особенного и перенесла ее из

нежилой части дома только из-за сюжета. Однако, как это часто случается, именно образ в немалой степени послужил тому, что Эми, едва зайдя в комнату, тут же настраивалась на возвышенный лад.

Эми очень быстро полюбила свой уголок. На столе лежали Евангелие и Псалтырь. Теперь она каждый день заходила сюда и, вглядываясь в прекрасный лик Богородицы, испытывала совершенно новые для себя чувства. Здесь она забывала о себе и своих невзгодах. В такие мгновения она ощущала себя частицей некоего единого доброго начала и истово молила Бога, чтобы он поскорее послал выздоровление Бет.

Постепенно чувства ее принимали более ясную форму, а потребность быть доброй и справедливой все больше овладевала ее существом. Вот и получилось, что, оказавшись вдали от дома, младшая из сестер Марч самостоятельно отправилась по "пути пилигрима". Она делала лишь первые робкие шаги, ей не у кого было спросить совета, и это приводило к тому, что порой самые искренние намерения оборачивались забавными поступками. Например, вспомнив о завещании тетушки, Эми решила первым делом тоже составить завещание, из коего будет следовать, что, если она вдруг заболеет и умрет, все ее состояние надо разделить по справедливости. Следует заметить, что для Эми это был величайший акт самопожертвования. Свои сокровища она ценила не меньше, чем тетушка Марч – драгоценности, и ей страшно было даже подумать, что ими кто-нибудь завладеет. И все-таки Эми решилась на подобный шаг.

Уединившись, Эми старательно составила завещание. Потом посоветовалась с Эстер по поводу юридической терминологии и попросила ее поставить подпись в качестве свидетельницы. Добрая женщина согласилась, после чего Эми с чувством выполненного долга отложила документ в сторону. "Теперь дождусь Лори, – решила она. – Пусть он будет вторым свидетелем".

Весь этот день не переставая лил дождь. Эми поднялась наверх и вошла в комнату, где находился большой платяной шкаф со старинными нарядами. Эстер разрешала Эми их примерять, и это занятие очень увлекло девочку. Сейчас она облачилась в одеяние из парчи и важно расхаживала перед зеркалом, шурша юбками и приседая в изысканнейших реверансах. Когда парчовое платье ей наскучило, Эми переоделась. Теперь ее голову увенчивал большой розовый тюрбан, который никак не мог ужиться с платьем синего цвета, а то, в свою очередь, пребывало в состоянии непримиримой вражды с ярко-желтой нижней юбкой. Именно в этом облачении и застал ее Лори. Заглянув в дверь, он едва удержался от смеха. Эми, гордо вскинув голову, обмахивалась веером и шуршала юбками. Кроме того, она надела туфли на высоченных каблуках, и каждый шаг стоил ей труда и немалых мук.

Лори потом в лицах изображал ей, какое это было потешное зрелище. Эми шла на негнущихся ногах, а позади семенил попугай Полли, которого она взяла с собой наверх для компании, и, подражая каждому ее жесту, кричал:

– Ну и вырядилась! А ну, помолчи! Пошла вон, уродина! Ха-ха-ха! Поцелуй меня, дорогая!

Но это Лори рассказал позже, а тогда, подойдя к двери, постарался незаметно ретироваться, чтобы не смутить юную модницу. Немного погодя он вежливо постучался и получил милостивое соизволение войти.

– Садитесь, Лори. Я только уберу все эти вещи. А потом мне надо с вами посоветоваться. Это очень важно.

Эми все еще пребывала в своем великолепном одеянии. Попугай пытался было снова что-то крикнуть, но Эми решительно оттеснила его в угол, и он умолк.

– Эта птица меня с ума сведет, – посетовала Эми, разматывая розовый тюрбан. – Вчера, когда тетя спала, – вы же знаете, Лори, как я радуюсь, когда тетя спит днем, – он, как назло, принялся хлопать крыльями. Я заглянула в клетку. Там оказался паук. Я согнала его, и он побежал под книжный шкаф. Полли пошел за ним следом. Можете себе представить, он заглянул под книжный шкаф, подмигнул: "Пойдем, милый, погуляем". Я не выдержала и засмеялась. Тетя проснулась и отругала меня и попугая.

– А как паук? – спросил Лори. – Он пошел гулять с попугаем?

– Да. Он правда вышел. Только Полли его испугался. Он вскочил на спинку кресла и закричал: "Лови его! Лови его!" Пришлось мне опять прогонять паука.

– Все врет! – неожиданно вмешался в беседу попугай. – О Боже мой! – добавил он и с силой клюнул ботинок Лори.

– Попал бы ты ко мне, я бы тебя живо отучил дразниться, – сказал Лори и погрозил попугаю кулаком.

– Ты бы поберег свои пуговицы, милый, – весьма ловко нашелся попугай.

Но тут Эми наконец закрыла платяной шкаф и сказала:

– Я готова. – Она извлекла из кармана сложенную вчетверо бумагу и очень серьезно добавила: – Я хочу, чтобы вы внимательно прочитали это. Мне надо знать, правильно ли я все составила и насколько это соответствует закону. Я сочла своим долгом составить завещание. Жизнь, знаете ли, быстротечна, и я не хочу препираний над моей могилой.

Лори закусил губу и с завидным самообладанием прочитал вверенный ему документ. Он лишь чуть отвернулся в сторону от Эми. И это было единственное послабление, которое он себе позволил. О мере его сдержанности можно судить по тексту манускрипта.

"МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ

Я, Эми Кертис Марч, в здравом уме и твердой памяти завещаю все свое состояние следующим лицам.

Моему отцу – все лучшие мои картины, наброски, географические карты и произведения искусства, включая рамки. Ему же завещаю сто долларов, пусть поступает с ними по своему усмотрению. Матери моей завещаю все свои платья, кроме голубого фартука с карманом. Свой портрет и медальон тоже пусть наследует дорогая мамочка.

Дорогой старшей сестре я отдаю бирюзовое колечко, если получу его сама, а также зеленую коробочку с голубком, кусок настоящего кружева, можно сделать из него воротник, и мой портрет на память о ее маленькой сестричке.

Джо я завещаю ту булавку, которую чинили сургучом, а также бронзовую чернильницу, она все равно потеряла от нее крышку. И гипсового кролика пусть возьмет, потому как мне очень жалко ее тетрадку, которую я сожгла.

Бет, если она проживет дольше меня, отдаю кукол, маленький столик, веер, полотняные воротнички и новые туфли, если у нее после болезни так похудеют ноги, что она сможет в них влезть. Прошу также передать ей свои сожаления за мои насмешки над ее больной куклой Джоанной.

Другу своему Теодору Лоренсу завещаю папку из папье-маше и глиняную лошадь, хотя он и говорит, что у этой лошади нет шеи. В

ответ на проявленную ко мне доброту разрешаю ему также выбрать любую из моих картин, какая ему больше всего понравится. Пускай даже забирает лучший мой шедевр "Собор Парижской Богоматери".

Нашему благодетелю мистеру Лоренсу завещаю фиолетовый ящичек с зеркальной крышкой, он может класть туда свои карандаши и вспоминать об умершей девочке, благодарной за доброту к семье, в особенности к Бет.

Лучшей своей подруге Кэти Браун отдаю голубой фартук и кольцо из золотого бисера.

Ханне завещаю шляпную коробку, она давно у меня просит, и всю штопку, которую я сама не успею доделать, в надежде, что она посмотрит на нее и вспомнит меня.

Теперь, распорядившись самыми ценными вещами, которые составляют мое состояние, надеюсь, все останутся довольны и не повинят меня ничем в усопшем состоянии. Прощаю всех. Надеюсь, увидимся после Иерихонской трубы. Аминь.

К завещанию сему и последней воле прикладываюсь со своей подписью, а также печатью.

Ноября, тридцатого дня, 1861 года от Рождества Христова

Эми Кертис Марч.

Свидетели:

Эстер Вальнор,

Теодор Лоренс".

Имя и фамилию Лори Эми написала карандашом. Она потребовала, чтобы Лори обвел свою подпись чернилами и поставил печать.

– Хорошо, Эми, – согласился он, – но только объясните, кто вас надоумил написать это? Вам кто-нибудь сказал, что Бет раздает свои вещи?

– Нет, – ответила Эми и, положив перед Лори сургуч, красную ленту, свечу и чернильницу, рассказала, почему решилась составить завещание. – А что вы там говорили про Бет? – вдруг спросила она с тревогой.

– Раз уж я заговорил об этом… – вздохнул Лори. – Знаете, на днях ей было так плохо, что она решила подарить рояль Мег, вам – свою птицу, а Джо – любимую куклу Джоанну. Она очень сокрушалась, что больше у нее ничего нет. Поэтому она завещала нам всем по локону, а дедушке – свою любовь. Но она и не подумала составлять завещание.

Рассказывая об этом, Лори трудился не покладая рук. Он поставил подпись и, разогрев на свече сургуч, начал запечатывать завещание. И тут почувствовал, что на его склоненную голову упала слеза. Он поглядел вверх и встретился взглядом с Эми. В глазах у нее стояли слезы.

– Кажется, некоторые еще пишут в завещании постскриптум? – тихо проговорила она.

– Да, это называется дополнением.

– Дополните тогда к моему, что я хочу состричь все свои локоны и раздать друзьям.

Лори снова раскрыл завещание и, улыбаясь, исполнил пожелание Эми. "И откуда в ней столько самопожертвования?" – с удивлением думал он.

Потом Лори принялся изо всех сил развлекать девочку различными историями, а Эми поделилась с ним событиями последних дней; не забыла она рассказать и о том, как проводит время в маленькой комнате подле спальни.

Лори уже собирался домой, когда она с тревогой спросила:

– Что, Бет действительно серьезно больна?

– Боюсь, да, Эми. Но мы должны надеяться на лучшее. И вам совсем не надо плакать, милая.

С этими словами он ласково обнял ее за плечи.

Когда Лори ушел, Эми тихо пробралась в свою часовню. На этот раз она молилась дольше обычного, а потом долго сидела в вечерних сумерках. Все ее мысли были только о Бет. Эми очень боялась потерять сестру. И еще она со страхом подумала, что, если это случится, ее уже никогда ничего не обрадует. Пусть даже тетушка Марч подарит ей не одно, а миллион колец с бирюзой.

Глава XX

Доверительность

Почти весь первый день миссис Марч провела у постели Бет. Когда она поднялась в спальню, у маленькой больной недостало сил даже на то, чтобы как следует удивиться. Она открыла глаза, увидела мать, ласково улыбнулась и, взяв ее за руку, снова заснула. Несмотря на уговоры старших дочерей, миссис Марч не пожелала оставить Бет, пока

та спала, и Ханне пришлось принести обильный вкусный завтрак, приготовленный специально для дорогой хозяйки, прямо в спальню. Здесь же миссис Марч рассказала об отце, которому становилось лучше, о самоотверженности мистера Брука, взявшего на себя до ее возвращения все заботы о мистере Марче, о буре, задержавшей на несколько часов поезд в пути, и, наконец, о том, как взволновал ее вид Лори на перроне вокзала.

А Лори в это время сидел у тетушки Марч и с таким чувством рассказывал ей и Эми о событиях минувшей ночи, что даже тетушка, против обыкновения, ни разу не обронила своего ехидного "я всегда говорила, что это добром не кончится". Эми проявила выдержку просто необычайную. Ей очень хотелось немедленно увидеть мать, прижаться к ней и поведать о всех страданиях, которые выпали на ее долю, но стоило Лори сказать, что Эми еще придется пожить у тетушки, как она немедленно согласилась с его доводами. Лишь слезы, навернувшиеся на глаза Эми, свидетельствовали, каких страданий ей стоит эта отсрочка. Даже тетушка не выдержала.

– Наша маленькая Эми – настоящая женщина, – повернувшись к Лори, объявила она.

Попугай, казалось, тоже остался доволен Эми. Во всяком случае, он подлетел к ней, легонько потрепал пуговицы на платье и провозгласил:

– Хорошенькая девочка. Пошли погуляем, милый!

Все это было сказано самым любезным тоном, какого только можно было ожидать от Полли.

Стоял ясный морозный день. Эми очень хотелось выйти на улицу. Только она собралась сказать об этом Лори, как вдруг заметила, что он из последних сил борется со сном и едва не засыпает на стуле. И тут Эми снова повела себя словно настоящая маленькая женщина. И виду

не показав, как ей хочется гулять, она вдруг объявила, что непременно должна послать письмо Марми. Для этого она уходит в свою комнату, а Лори может пока отдохнуть на диване.

Девочка поднялась к себе и стала писать письмо. Это заняло у нее немало времени. Вернувшись в гостиную, Эми увидела, что Лори мирно спит на диване. Но больше всего ее удивила тетушка, которая сидела в кресле с таким видом, будто считала охрану сна Лори главным делом жизни. Только тут Эми заметила, что шторы на окнах задернуты. Видимо, тетушка позаботилась, чтобы яркий свет не разбудил Лори.

Так они просидели довольно долго. Потом дверь гостиной отворилась, и в комнату вошла миссис Марч. Эми радостно вскрикнула. Сну Лори пришел конец. Зато Эми была счастлива. Устроившись у матери на коленях, она говорила и говорила и не могла остановиться, пока не поведала обо всех своих переживаниях. Под конец она с некоторой опаской рассказала о часовне, которую оборудовала для нее добрая Эстер.

Но опасения ее были излишни. Мать очень заинтересовалась и непременно захотела все увидеть сама.

– Мне очень тут нравится, милая, – сказала она, когда Эми провела ее в маленькую комнатку около спальни.

Миссис Марч сразу заметила на столе Евангелие. За время ее отсутствия книга заметно истрепалась, и это очень обрадовало мать: "Значит, малютка Эми часто читала ее". Подобно дочери, она долго не отрывала взгляда от чудесной картины.

– По-моему, нет ничего мудрее этой книги, – продолжала она. – Когда тебе плохо, или грустно, или одолели несчастья, самое лучшее – уединиться в такой вот часовне. У тебя в жизни будет еще много моментов, когда, побыв в часовне, ты вновь сможешь обрести

спокойствие и волю. Девочка моя! – Миссис Марч прижала дочь к себе. – Я очень рада, что ты уже учишься этому.

– И я, мама, – ответила Эми. – Когда я вернусь домой, я хочу устроить себе уголок в чулане. Я отнесу туда свои книги. И еще я хочу сделать копию с этой картины. Я уже пробовала. Младенец у меня вышел, а вот Мадонна пока не очень. Когда я писала младенца, он мне стал еще ближе, чем раньше. Как бы тебе объяснить... Ну, я вдруг поняла, что он обязательно поможет и мне, и Бет.

Когда Эми показала рукой на Христа-младенца, миссис Марч заметила у нее на пальце кольцо и улыбнулась.

– Ой, – спохватилась Эми, – я совсем забыла тебе сказать. Это тетушка подарила. Она вдруг велела мне подойти, а когда я подошла, поцеловала меня и надела мне на палец кольцо. А потом сказала, что гордится мной и что хотела бы, чтобы я всегда у нее жила. Бирюзовое кольцо у меня спадало с пальца, и она мне надела сверху еще вот это. Говорит, что так вернее. Мне бы очень хотелось носить их. Можно, мама?

– Кольца очень красивые. Только боюсь, ты еще слишком мала для таких украшений, – ответила миссис Марч, глядя на два изящных золотых кольца, сияющих на пальце дочери.

Одно увенчивала небесно-голубая бирюза, другое, которое держало на пальце первое, было сделано в виде двух сцепленных ладоней.

– Я постараюсь не очень гордиться, – ответила Эми. – Конечно, кольца чудные, но мне хочется носить их не только из-за этого. Они мне напоминают одну важную вещь. И я хочу, как девушка из сказки, носить кольцо, чтобы не забыть о ней.

– Ты боишься забыть тетушку? – засмеялась мать.

– Нет, я боюсь забыть, что нельзя думать только о себе. – Эми произнесла это так серьезно, что мать перестала смеяться. – Я вдруг поняла, сколько у меня грехов, и решила постараться, чтобы их стало поменьше. И еще я поняла, почему все так любят Бет – она обо всех заботится и совсем не думает о себе. Вот мы и боимся ее потерять. А если бы я заболела, никто не стал бы обо мне беспокоиться. И правильно, я не заслужила. И все-таки я тоже хочу, чтобы меня любили и чтобы у меня было как можно больше друзей. Я постараюсь. Я постараюсь быть как Бет. А чтобы не забывать, мне нужно, чтобы мне все время что-нибудь напоминало.

– Понимаю, – ответила миссис Марч. – Вообще-то я больше верю в уголок, который ты решила устроить в чулане. Но если кольца настраивают тебя не такой серьезный лад, носи на здоровье. Ну, мне пора возвращаться к Бет, – спохватилась она. – Не унывай, милая. Тебе осталось потерпеть совсем немного, скоро ты опять будешь дома.

В тот же вечер, улучив минутку, когда Мег писала отцу подробный отчет о благополучном возвращении Марми-путешественницы, Джо проскользнула в комнату больной и, застав мать подле постели, в нерешительности остановилась перед ней.

– Что с тобой? – спросила миссис Марч, с тревогой глядя на дочь.

Джо волновалась и от нервозности теребила немного отросшие волосы.

– Мне надо тебе сказать одну вещь, мама.

– Что-нибудь о Мег?

– Откуда ты знаешь? Да, о ней. Может, это совсем неважно, но я все время об этом думаю и никак не могу успокоиться.

– Надеюсь, это не про молодого Моффата? Он не заходил к вам? – тут же забеспокоилась миссис Марч.

– Нет, не о нем. Попробовал бы он! Да я бы на порог его не пустила, – решительно заявила Джо.

– Ну а что же тебя так волнует? – уже гораздо спокойнее спросила мать. – Только говори тише, – предупредила она, – Бет только что заснула.

Джо опустилась на ковер у ног матери.

– Помнишь, прошлым летом Мег забыла у Лоренсов перчатки, а назад Лори прислал только одну? Скоро мы про это совершенно забыли. Но через некоторое время Лори мне рассказал, что вторую перчатку бережно хранит мистер Брук. Постоянно носит ее в кармане жилетки. Как-то она у него выпала. Лори заметил и стал над ним подтрунивать. Тогда мистер Брук признался, что ему очень нравится Мег, но он не решается сказать ей об этом. Когда Лори спросил почему, мистер Брук ответил, что для такой прекрасной девушки занимает слишком ничтожное положение и слишком мало обеспечен. По-моему, Марми, это просто ужас какой-то.

– А как тебе показалось, Мег он нравится? – спросила миссис Марч, и в голосе ее прозвучало беспокойство.

– Буду я еще ломать голову над такой чушью! – презрительно воскликнула Джо, чем, однако, не смогла скрыть, что вопрос этот весьма живо ее интересует. – Не знаю. В романах девушки в таких случаях вздрагивают, падают в обморок, худеют и вообще ведут себя как дуры. Мег ничего такого не делает. Она ест, пьет и спит, как все нормальные люди. Когда я заговариваю о мистере Бруке, она слушает спокойно. Правда, когда Лори несколько раз подшучивал над влюбленными, Мег почему-то чуть-чуть краснела. И зачем он ее

дразнит? Сколько раз я ему говорила, чтобы он прекратил, но он не слушается.

– Значит, по-твоему, Мег не питает к Джону никаких чувств?

– К кому? – удивилась Джо.

– К Джону. Я теперь зову мистера Брука просто по имени. Однажды в госпитале я обратилась к нему так, и он сказал, что ему это очень нравится. С тех пор мы оставили формальности.

– Ну, вот! И вы тоже на его стороне! – сказала Джо и смерила мать исполненным возмущения взглядом. – Ну конечно, конечно. Он так добр и так внимателен к отцу! Теперь ты не сможешь прогнать его, и стоит Мег захотеть, она спокойно выйдет за него замуж. Ну и пролаза! Подлизался к тебе и к папе, а теперь делает все, что хочет. – И Джо в сердцах так дернула себя за волосы, что чуть не выдрала прядь.

– Ну, ну, перестань злиться, – ласково одернула ее миссис Марч. – Лучше послушай, как все было на самом деле. Мистер Лоренс попросил Джона сопровождать меня. Но когда мы приехали, он стал ухаживать за папой лучше самой преданной сиделки. Ну как, скажи на милость, мы могли к нему после этого относиться? С каждым днем мы все больше и больше привязывались к нему. А потом он нам признался, что любит Мег, но не откроется ей, пока не заработает на приличный дом. Нас он только просил, чтобы мы позволили ему надеяться заслужить ее любовь. Ну как, сама посуди, мы могли не выслушать его, да и отказать такому замечательному человеку, по-моему, невозможно. И все-таки я воспротивилась такой ранней помолвке.

– Ну и правильно! Тоже мне, выдумали! Так я и знала, что этот Брук затевает какую-то пакость. Жаль, что я не мужчина. Я бы сама женилась на Мег. Тогда она, по крайней мере, не ушла бы из нашей семьи.

Подобное решение проблемы так рассмешило миссис Марч, что она не смогла сдержать улыбки. Но она тут же взяла себя в руки.

– А теперь вот что, Джо. Я доверила тебе секрет, и ты не должна даже намекать об этом Мег. Придет время, и мистер Брук все сам ей расскажет. Понимаешь, мне надо увидеть их вместе, но так, чтобы Мег не знала, что от нее ждут решения. Если она узнает заранее, мне трудно будет понять, как она относится к Джону.

– Она все равно угадает по его красивым глазам, она мне о них все уши прожужжала. В общем, чувствую, все обернется скверно. Стоит кому-нибудь посмотреть на Мег с нежностью, как она тут же тает. Она ведь просто грезит возвышенными чувствами. Она даже его письма читала внимательнее, чем твои. Когда я стала ее стыдить, она ущипнула меня и перевела разговор. Она любит карие глаза. Понимаешь, Марми, ей даже его имя кажется красивым.

Посмотрев на дочь, миссис Марч тяжело вздохнула.

– Значит, тебе это тоже не нравится, да, Марми? – с надеждой спросила Джо. – Я думаю, мы вот как с тобой поступим, – с заговорщицким видом продолжала она. – Давай скажем ему, что Мег не любит его. Тогда он нас оставит в покое, а Мег скоро забудет его, и мы заживем как прежде.

– Ты меня не так поняла, Джо. Нет ничего плохого в том, что все вы со временем уйдете и построите свой очаг. Это естественно. А вздохнула я потому, что, конечно, мне жаль расставаться с вами. Я мать и, разумеется, хотела бы удержать вас подольше возле себя. Жалко, что все произошло так быстро, ведь Мег всего семнадцать. Но Джон сам поставил условие, и для его выполнения потребуется не менее трех лет. Поэтому мы с папой решили, что Мег не должна выходить замуж, пока ей не исполнится двадцать. Если они с Джоном действительно любят друг друга, они дождутся срока, а заодно и проверят, насколько крепка

их любовь. У Мег очень развито чувство ответственности, и я уверена, что она не сможет плохо обойтись с Джоном. Моя красавица Мег! Надеюсь, она будет счастлива, – дрожащим голосом закончила миссис Марч.

– А ты не думаешь, что лучше бы Мег выйти за кого-нибудь побогаче? – спросила Джо.

– Ты права, Джо, без денег не проживешь. Я мечтаю, чтобы ни одна из вас не испытывала нужды. Но я мечтаю и о другом. Изобилие денег таит в себе множество искушений, и я хочу верить, что те из моих дочерей, кому выпадет быть богатой, с честью выдержат это испытание. Я очень хочу, чтобы Джон добился прочного положения в жизни, без этого невозможно обеспечить достаток семье, или он будет вынужден постоянно влезать в долги. Но, сказать тебе честно, Джо, большего мне и не надо. Не надо ни крупного состояния, ни громкой фамилии, ни положения в свете. Все это ценно только вместе с любовью. Конечно, если это произойдет, я порадуюсь за вас. Но, уж поверь мне, счастливым можно быть и без этого. Вот почему меня совсем не волнует, что Мег, выйдя за Джона, столкнется с жизнью, при которой заработок дается ежедневным кропотливым трудом. Быть может, она познает и кое-какие лишения. Зато у нее будет другое богатство: она станет женой порядочного и преданного человека, а дороже этого нет ничего на свете.

– Я понимаю, Марми. Ты совершенно права, но я-то надеялась, что Мег и Лори со временем полюбят друг друга и поженятся. Представляешь, как было бы здорово! Вот с Лори Мег всю жизнь провела бы в роскоши.

– Но, Джо, ведь Лори моложе Мег и…

– Ну и что? – перебила Джо. – Он выглядит гораздо старше своих лет. Он высокого роста и, когда хочет, держит себя совсем как

взрослый. Я уж не говорю о том, какой он щедрый, добрый и как всех нас любит. Но… – Джо горестно покачала головой. – Этот Брук нарушил все мои планы.

– Боюсь, Джо, что Джон тут ни при чем. Просто Лори, хоть он и правда умеет себя вести совсем как взрослый, все же слишком молод для Мег. Да он еще и не совсем повзрослел.

Я очень люблю его, но пока он и сам не решил, чего хочет от жизни. Разве можно давить на него? Скорее всего, это было бы несчастьем и для Мег, и для Лори. Никогда не строй подобных планов, Джо. Предоставь людям самим решать свою судьбу.

– Хорошо, Марми, я больше не буду. Но, знаешь, очень досадно, когда все идет не так, как хотелось бы. И зачем только мы все растем? Мне кажется, если бы мне сказали, что надо все время ходить с утюгом на голове и тогда останешься маленькой, я бы согласилась.

– Какие еще утюги на голове? – раздался вдруг голос Мег.

– Да не обращай внимания, – ответила Джо, – просто я решила немного пофантазировать. Ладно, я ложусь спать. – И она быстро вышла из комнаты.

Тем временем Мег подошла к матери и протянула ей письмо, которое только что написала отцу.

– Прекрасно, – быстро прочитав его, сказала миссис Марч, – ты написала все, что требовалось. И слог очень хороший. Только припиши еще, пожалуйста, что я шлю Джону привет, – добавила она и снова отдала письмо Мег.

– Ты теперь зовешь его Джоном? – спросила Мег, посмотрела на мать исполненным невинности взглядом и улыбнулась.

– Да, за это время он стал нам с папой почти что сыном. Мы очень полюбили его, – пристально глядя на дочь, ответила миссис Марч.

– Я очень рада. У мистера Брука нет родных. Спокойной ночи, милая Марми. Как хорошо, когда ты рядом, – спокойно и искренне проговорила Мег.

Мать нежно поцеловала ее и отправила спать.

– Итак, она еще не любит Джона, – оставшись одна, тихо проговорила миссис Марч. – Но это недолго продлится. Скоро она полюбит его.

В эту ночь она еще долго размышляла о Мег и о Джоне, и сожаление в ее душе мешалось с радостью.

Глава XXI

Ссоры и примирение

Проснувшись на следующее утро, Джо тут же вспомнила о секрете, который доверила ей мать. Причастность к тайне настолько возвысила Джо в собственных глазах, что на лице ее вмиг застыло неестественное, напряженное выражение. Вот почему, стоило ей выйти к завтраку, как Мег догадалась, что сестра что-то скрывает от нее, но не подала вида, зная, что чем меньше пристаешь к Джо с расспросами, тем скорее она проговорится.

Однако на сей раз испытанная тактика не сработала. Ни за завтраком, ни позже Джо не удостоила Мег откровенности. Вместо этого она завела совершенно никчемный разговор. Но больше всего возмутил Мег тон сестры. Никогда еще Джо не обращалась к ней в такой высокомерно-покровительственной манере. Терпеть это Мег посчитала просто ниже своего достоинства. Она гордо вздернула

голову и принялась как ни в чем не бывало беседовать с миссис Марч. Сколько Джо ни пыталась привлечь внимание сестры, Мег делала вид, что не замечает ее.

После нескольких безуспешных попыток Джо объявила, что пойдет посидеть с Бет, но встретила решительный отпор со стороны миссис Марч, которая сказала, что Джо и так совершенно измучилась и что сегодня с Бет посидит она сама, а Джо следует развеяться и набраться сил. Словом, Джо предоставили полную свободу, что порядком ее озадачило. Мег явно не хотела с ней разговаривать, Эми по-прежнему гостила у тетушки. Идти к Лори? Но как раз этого, несмотря на всю привязанность к другу, Джо не хотела бы сегодня больше всего, поскольку хорошо знала проницательность Лори и не сомневалась, что он догадается о секрете. А как только догадается, тотчас выведает тайну.

Опасения Джо были не напрасны. Лори сразу почувствовал что-то необычное. Глаза его азартно заблестели, и он ринулся в атаку. О, это была длительная осада, и бедной Джо пришлось нелегко. Лори пускался на самые разнообразные уловки – то высмеивал ее скрытность, то сулил в обмен на откровенность самые соблазнительные призы, то грозил, то принимался сетовать, что есть, оказывается, такие, которые не только не ценят старых друзей, но и не доверяют им. Исчерпав все аргументы, он напускал на себя равнодушный вид, ожидая, подобно Мег, что Джо сама проболтается. Но Джо продолжала молчать, и он предпринимал все новые атаки. Наконец, понеся немалый урон, он все же выяснил, что тайна касается Мег и мистера Брука. Тут Лори не на шутку обиделся. Ведь он считал мистера Брука своим другом, а оказалось, что тот скрыл от него тайну, словно от малого ребенка, которому нельзя доверять ничего серьезного! Потрясенный до глубины души вероломством учителя, Лори решил, что оставить такое безнаказанным невозможно, и стал вынашивать план мести.

Мег недолго предавалась размышлениям по поводу странного поведения Джо. Близился день, когда отец должен был вернуться

домой, и все силы Мег уходили на то, чтобы приготовить дом к приезду выздоравливающего. Но тут на нее нашло что-то странное, и целых два дня она была просто сама не своя. Стоило кому-нибудь заговорить с ней, как она испуганно вздрагивала и краснела. Заметив на себе чей-то взгляд, Мег смущенно опускала голову над шитьем. Мать и Джо не на шутку встревожились, но на расспросы матери Мег отвечала, что чувствует себя превосходно, а Джо просила не приставать к ней.

– Теперь она себя ведет в точности, как я читала в романах. Раздражается, почти не ест, лежит по ночам с открытыми глазами, я сама видела, и все время забивается в какой-нибудь уголок, чтобы там погрустить. Один раз слышала, как она тихонько напевала. Я подошла ближе, а она вдруг говорит: "О, Джон!" А когда заметила меня, покраснела. Надо что-то делать, Марми, – решительно тряхнула головой Джо.

– А что мы можем сделать? – мягко ответила мать. – С приездом папы Мег, наверное, немного развеется. А пока постарайся быть с ней поласковее.

На том откровенный разговор и кончился. На следующее утро Джо достала из "почтового отделения" письмо, адресованное Мег.

– Тебе записка, Мег, – тут же оповестила она сестру. – Не пойму только, зачем он ее запечатал? Когда Лори мне пишет, он никогда не заклеивает конвертов, – удивленно добавила она.

Отдав Мег записку, она села рядом с матерью и принялась шить. И тут Мег вскрикнула. Миссис Марч и Джо взглянули на нее. На лице Мег застыл ужас.

– Что случилось, милая? – спросила миссис Марч, подбегая к дочери, в то время как Джо пыталась взять записку, которую Мег крепко зажала в руке.

– Значит, это неправда! Он ничего не посылал… О, Джо, как ты могла! – И, закрыв лицо ладонями, Мег разрыдалась.

– Что могла? Я ничего не понимаю! – воскликнула Джо.

Мег посмотрела на Джо. И куда только девался ее мягкий, исполненный доброты взгляд! Сейчас глаза ее горели гневом. Мег вынула из кармана записку и резко швырнула Джо.

– Значит, это ты написала! – сказала она, и в голосе ее звучала горечь. – Ты написала, а этот негодный мальчишка тебе помогал! Как же вы могли! Ведь вы оскорбили нас обоих!

Но Джо едва слышала то, что говорила сестра. Она была целиком поглощена текстом записки, которую читала вместе с матерью.

"Дорогая Маргарет!

Не будучи в силах больше скрывать свою страсть, я молю Вас решить мою участь до того, как я вернусь из Вашингтона. Я так еще и не решился поговорить с Вашими родителями, однако смею надеяться, что узнав о нашей взаимности, они не будут возражать. Мистер Лоренс посодействует, чтобы я нашел хорошее место, и тогда, дорогая моя девочка, мы с Вами заживем счастливее всех на свете. Прошу Вас, не говорите пока, пожалуйста, ничего Вашим родным, а просто пошлите мне весточку через Лори. Итак, жду Вашего решения. Мое счастье в Ваших руках.

Преданный Вам навеки Джон Брук".

– Ну и негодяй! – гневно воскликнула Джо. – Это он отомстил мне за то, что я так и не выдала ему секрета! Ну ладно же, Тедди Лоренс! Придется вам смирить свою гордость и извиниться! Уж я заставлю вас это сделать!

И, повинуясь праведному гневу, который сейчас просто испепелял ее, Джо вскочила из-за стола, чтобы немедленно совершить правосудие.

– Постой, Джо, – остановила ее мать.

Джо недоуменно застыла на месте. Она и не предполагала, что Марми может говорить таким жестким и строгим тоном.

– Вот что, дорогая моя, – столь же резко продолжала мать. – Прежде чем ты уйдешь, мне кажется, тебе следует рассказать, не помогала ли ты ему? Обычно вы придумываете все вместе. Думаю, и тут без тебя не обошлось.

– Да честное слово, мама! Я ни при чем. Клянусь жизнью, я этой записки в глаза не видела. Я вообще понятия ни о чем не имею.

Лицо Джо пылало таким негодованием, что усомниться в ее искренности было попросту невозможно.

– Если бы я принимала участие, – продолжала Джо, – я бы написала так, что никто бы не догадался. А тебе, Мег, следовало бы знать, что мистер Брук ни за что не написал бы такой ерунды.

С этими словами Джо небрежно оттолкнула от себя записку.

– Но почерк очень похож, – растерянно проговорила Мег и положила рядом записку, которую сжимала в руке.

– Неужели ты ответила, Мег? – резко спросила миссис Марч.

– Да, ответила! – призналась дочь и закрыла руками горевшее от стыда лицо.

– Ну и дела! Пустите меня! Я все-таки поговорю с этим прохвостом. Он у меня сейчас узнает. – Джо снова рванулась к двери.

– Погоди! – опять остановила ее миссис Марч. – Сперва я должна окончательно во всем разобраться. Пока я вижу, что дело обстоит серьезнее, чем мне сперва казалось. Ну-ка расскажи мне подробно, Маргарет. – И, кинув властный взгляд на старшую дочь, миссис Марч жестом остановила Джо, выходящую из гостиной.

– Первое письмо мне передал Лори, – с трудом начала Мег. – Он сказал, что не знает, что в нем такое. Когда я прочитала, я очень расстроилась. Сначала я хотела показать его тебе, мама, но потом вспомнила, как хорошо вы с папой относитесь к мистеру Бруку, и решила, что вы не будете на меня сердиться за то, что я на какое-то время сохраню тайну. Знала бы я, что этот мерзкий мальчишка меня дурачит! Но я-то думала, что мне мистер Брук написал. Я чувствовала себя будто девушки в романах и написала. О! – воскликнула она в отчаянии. – Теперь я никогда не решусь заговорить с ним.

– Что же ты написала ему? – спросила миссис Марч.

– Я написала, что еще слишком молода и не могу ничего решить втайне от вас с папой. Я просила мистера Брука поговорить с вами. Потом поблагодарила его за письмо и сказала, что пока мы будем просто друзьями. Вот и все.

Лицо миссис Марч озарила улыбка, и было видно, что ответ Мег принес ей огромное облегчение. Джо захлопала в ладоши.

– Ну, Мег, ты у нас просто воплощенная мудрость! – воскликнула она. – Рассказывай дальше! Что он-то тебе ответил?

– Он ответил, что никакого признания в любви мне не делал и ему очень жаль, что Джо ради веселой шутки не пожалела ни меня, ни его. Он написал мне очень доброе письмо, но мне-то от этого не легче!

Мег в отчаянии прижалась к матери, а Джо, щедро посылая проклятия на голову Лори, заметалась по гостиной. Вдруг она замерла на месте и, с задумчивым видом направившись к столу, внимательно посмотрела сначала на одну, потом на другую записку.

– Успокойтесь, – наконец уверенно сказала она. – Мистер Брук не видел ни одной из этих записок. И ту и другую написал Лори. Твой ответ он оставил у себя. Это он решил так мне отплатить за то, что я не выдала секрет.

– Знаешь, Джо, советую тебе лучше не иметь секретов, – назидательно сказала Мег. – А то попадешь, чего доброго, в такое же положение, как я. По-моему, лучше уж сразу рассказать все Марми.

– Ах, сестра! Как раз Марми и доверила мне этот секрет! – воскликнула Джо.

– Ну-ну, Джо, – поспешила вмешаться миссис Марч. – Мы с Мег немного успокоимся, а ты сбегай-ка за Лори. Уж выяснять, так выяснять. Я хочу разобраться в этой истории и положить конец его выходкам.

Джо побежала за Лори, а миссис Марч в самой что ни на есть деликатной форме поведала Мег об истинном отношении к ней мистера Брука.

– Ну а теперь скажи, ты-то сама как к нему относишься? – спросила мать. – Чувствуешь ли ты в себе силы ждать, пока он сможет создать прочный семейный очаг, или предпочтешь не связывать себя никакими обязательствами?

– Я так переволновалась из-за всей этой истории, – смутилась Мег. – Наверное, мне теперь всю жизнь будет противно даже думать о замужестве. Если Джон правда ничего не знает об этих глупых записках, не говори ему. И Джо с Лори тоже скажи, чтоб держали язык за зубами. Вот еще, нашли кого дурачить! А я не потерплю всяких дурацких преследований! – И Мег сердито топнула ногой.

Как все это было не похоже на спокойную, невозмутимую Мег. То ли ее выбила из колеи жестокая шутка Лори, то ли… Миссис Марч принялась успокаивать дочь, уверяя ее, что мистер Брук никогда не узнает об этой истории. Потом в передней послышались шаги. Мег убежала, а миссис Марч удостоила виновного аудиенции. Джо ввела его в гостиную, и затем ей было велено удалиться. Девочка вышла, но принялась расхаживать взад-вперед по коридору, словно часовой, следящий, как бы преступник не изловчился и не удрал от правосудия. Из-за двери раздавались голоса, однако слов Джо разобрать не могла, и ей оставалось только догадываться о событиях, которые разворачиваются в гостиной.

Боясь, как бы Лори не отказался идти, Джо не объяснила, зачем он понадобился миссис Марч, но стоило ему войти в гостиную и встретиться глазами с почтенной матерью семейства, как он тут же догадался, в чем дело. Он застыл с таким виноватым видом, что миссис Марч сочла совершенно излишним упрекать его. Ей стало ясно: он и сам глубоко раскаивается в содеянном. Никто из сестер не узнал о содержании их короткой беседы. Когда же Мег и Джо наконец позвали, они увидели Лори, который стоял возле кресла Марми со столь покаянным видом, что Джо, еще секунду назад кипевшая от возмущения, тут же простила его. Мег благосклонно выслушала его покаянную речь и, когда он дошел до клятвенных заверений, что мистер Брук ни слова не узнает обо всей этой истории, тоже успокоилась.

– Пусть меня бросят под копыта диким лошадям, я все равно не выдам ему этой тайны, – добавил он. – Простите меня, Мег. Я

постараюсь в дальнейшем загладить вину. Надеюсь, мне представится случай доказать вам на деле, как я раскаиваюсь.

– Я прощаю вас, Лори. Но вы поступили совсем не по-джентльменски. Вот уж не ожидала от вас, – строго ответила Мег.

Она уже почти не сердилась на Лори, и суровый тон служил ей не столько для того, чтобы отчитать насмешника, сколько для того, чтобы скрыть собственное смущение.

– Я поступил ужасно, Мег. Даже если вы целый месяц не будете со мной разговаривать, я не сочту, что наказан слишком строго. Но вы же не поступите со мной так, правда, Мег?

Лори молитвенно сложил руки и являл собой такое изумительное сочетание комизма и искреннего покаяния, что ни миссис Марч, ни сестры не могли на него больше сердиться. Когда же он заявил, что готов понести любую кару и сколько угодно времени искупать свой грех, а в случае, если семейство Марч предаст его анафеме, будет ползать, как червь, перед оскорбленной Мег, моля ее о прощении, все засмеялись и решили навсегда забыть о неудачном розыгрыше.

Пожалуй, только Джо никак не хотела показывать, что больше не испытывает негодования. Она посылала Лори суровые взгляды; когда же он наконец начал прощаться, и вовсе отвернулась от него. Однако стоило Лори уйти, как Джо охватило раскаяние. А потом мать и Мег поднялись наверх. Оставшись в гостиной одна, Джо почувствовала себя совсем неуютно. Ей вдруг захотелось поболтать с Лори. Какое-то время она боролась с собой, затем вскочила с места и, схватив в охапку книги, которые брала читать у Лоренсов (прекрасный предлог!), отправилась в Большой дом.

Открыв входную дверь, она тут же увидела горничную, которая спускалась по лестнице.

– Мистер Лоренс дома? – осведомилась Джо.

– Да, мисс. Но боюсь, он вас сейчас не примет.

– Он что, заболел?

– Нет, мисс. Но он поругался с мистером Лори. Мистер Лори устроил скандал, и старый джентльмен так рассердился, что я даже боюсь к нему подходить, мисс.

– А Лори где?

– Заперся у себя в комнате. Я уже несколько раз стучалась к нему, но он не отвечает. Просто не знаю, что делать. Обед давно готов, а есть некому.

– Ну, я не боюсь ни того, ни другого. Пойду узнаю, что у них стряслось.

Джо поднялась наверх и громко постучала в дверь комнаты Лори.

– Если сейчас же не прекратите, я вам задам! – заорал он в ответ.

Но Джо колотила в дверь до тех пор, пока Лори и впрямь не распахнул ее. Воспользовавшись его оплошностью, она рывком влетела в комнату.

Едва взглянув на друга, она убедилась, что на него в очередной раз накатило дурное настроение. Но это ее не обескуражило. Джо прекрасно знала, как привести его в чувство. С нарочито театральным видом Джо бухнулась перед ним на колени и воскликнула:

– О, мистер Лори! Я пришла вымолить ваше великодушное прощение или умереть. Знайте, я была не права, мне не следовало на вас злиться.

– Ладно, не стройте из себя гусыню и поднимайтесь с колен, – милостиво ответил мистер Лори.

– Вы очень великодушны, о мой господин, – продолжала игру Джо. – А теперь позвольте полюбопытствовать, что с вами еще произошло? Вид у вас, должна заметить, не слишком радостный.

– Меня трясли за плечи, – ответил он, и голос его дрогнул от обиды.

– Кто?

– Дедушка. Посмотрел бы я на кого-нибудь другого, кто осмелился бы меня трясти! – Оскорбленный юноша сжал руку в кулак.

– Да ну, пустяки какие, – ответила Джо. – Я тоже часто трясу вас за плечи, но вы же не обижаетесь на меня за это.

– Сравнили! Одно дело, когда это в шутку… А потом, вы девочка. Но я не допущу, чтобы какой-нибудь мужчина тряс меня за плечи!

– Если вы всегда будете ходить с таким грозным видом, думаю, вряд ли кому-нибудь захочется это делать, – заметила Джо. – Но все-таки почему он с вами так обошелся?

– Потому что я не сознался, зачем ваша мама звала меня. Я ведь обещал молчать и ни за что не нарушу слова.

– А дедушка?

– Заладил, что ему нужно знать правду. Если бы я мог не выдавать Мег, я бы, конечно, рассказал ему про розыгрыш. Но это невозможно. Вот я и молчал, а мой несравненный дедушка требовал разъяснений. Я терпел, пока мог, а когда почувствовал, что не в силах сдерживаться, убежал к себе.

– Н-да, пожалуй, это было не очень-то справедливо со стороны мистера Лоренса, – сказала Джо, – но я уверена, что он и сам жалеет о случившемся. Пойдемте к нему, я помогу вам помириться.

– Нет, – решительно возразил Лори. – Лучше уж я сразу повешусь. Мне осточертело выслушивать брань со всех сторон. Я плохо поступил с Мег и извинился. Так должен поступать каждый мужчина. Но я не собираюсь извиняться, когда не виноват.

– Но он-то не знал, что вы не виноваты.

– Он обязан мне верить, а мне не доверяют, будто я маленький. Нет, Джо, придется доказать, что я могу сам о себе позаботиться. А то он, видно, воображает, что так и будет водить меня на помочах.

– Ну и горячи же вы оба! – воскликнула Джо. – И как, позвольте спросить, вы собираетесь выходить из положения?

– Думаю, ему следует извиниться передо мной, – с важностью ответил Лори, – ведь он оскорбил меня недоверием. Я-то ему сразу сказал, что не могу ничего объяснить, потому что это секрет.

– Но вы же понимаете, что ваш дедушка никогда не станет извиняться.

– Значит, я не пойду вниз.

– Знаете, Тедди, я вот подумала… А может, нам так поступить? Уступите, а я все сама объясню мистеру Лоренсу. Не сидеть же вам всю жизнь в своей комнате?

– А я и не собираюсь тут долго сидеть. Еще немного подожду, а потом сбегу из дома. Куда-нибудь уеду. Когда я исчезну, он сразу поймет, что виноват.

– Он-то, может, и поймет, но вы не имеете права так волновать его.

– Да перестаньте поучать меня! Я хочу съездить в Вашингтон к Бруку. Хоть немного развеюсь и отдохну от всех этих передряг.

– Как бы мне хотелось тоже поехать! – мечтательно воскликнула Джо, совсем забыв, что говорила секунду назад по поводу замысла Лори.

– Поехали вместе! А что? – воодушевился Лори. – Представляете, как ваш папа обрадуется? А я чуть-чуть расшевелю старину Брука. Это будет прекрасно. Собирайтесь, Джо. Оставим им записку, чтобы не волновались, и в путь. Денег у меня хватит, вам тоже полезно развеяться, и, главное, вы ведь не делаете ничего плохого. Вы едете навестить отца.

Чем больше говорил Лори, тем сильнее Джо захватывала эта идея. За время болезни сестры ее вконец измучила работа по дому. Кроме того, она почти все время проводила в четырех стенах, и теперь душа ее жаждала перемен и новых впечатлений. Возможность повидать папу еще до того, как он вернется домой, представлялась ей и вовсе восхитительной! Глаза ее загорелись, и она мечтательно посмотрела в окно. Но взгляд ее тут же упал на старый дом, темневший за живой изгородью, и вместо готового уже вырваться у нее согласия, она грустно сказала:

– Будь я мальчиком, я бы обязательно убежала с вами. Представляю, как мы здорово провели бы время! Но увы, я родилась девочкой и должна соблюдать приличия. Не уговаривайте меня, Тедди. Я останусь дома. Да и вообще это безумная затея.

– Вот-вот! Я не сомневался, что вы так ответите! – крикнул Лори, которого робость Джо просто выводила из себя.

– Ну что вы в самом деле! Зачем травите мне душу? Сами ведь видите, как мне хотелось бы поехать. Но увы, такие прогулки не для девочки из приличной семьи. Кроме того, я пришла сюда восстановить мир и справедливость, а вы меня толкаете на новые безумства.

– Если бы мне ответила так Мег, я ничуть бы не удивился, но от вас, Джо, я ожидал большей смелости, – с издевкой ответил Лори, которого отказ Джо не на шутку расстроил.

– Оставьте меня в покое, несносный мальчишка, – без тени обиды ответила Джо. – Сядьте на минутку и выслушайте меня внимательно. Надеюсь, это поможет вам осознать свои грехи, а заодно и не стараться приобщить к числу грешников меня. Скажите, если я уговорю вашего дедушку извиниться, вы не станете убегать из дома?

– Конечно. Но вам это не удастся, – сказал Лори.

Он и сам был не прочь помириться, но оскорбление казалось ему слишком серьезным, чтобы просто так пойти на уступки.

– Сумела справиться с молодым, уж как-нибудь справлюсь и со старым, – пробормотала Джо и, предоставив Лори изучать схему железнодорожных линий Соединенных Штатов, вышла из комнаты.

Поравнявшись с дверью мистера Лоренса, она постучала.

– Войдите, – немедленно раздалось в ответ, и Джо показалось, что голос старого джентльмена суровее обычного.

– Это я, мистер Лоренс, – сказала Джо, решительно переступая порог комнаты, – я хочу вернуть книги.

Старый джентльмен был явно раздражен, но изо всех сил старался скрыть это от Джо.

– Возьмите еще что-нибудь, – как можно любезнее предложил он.

– С удовольствием, мистер Лоренс. Мне так понравился этот Сэм. Теперь я не успокоюсь, пока не прочту второй том.

Джо помнила, как расхваливал ей мистер Лоренс "Сэмюэла Джонсона" Босуэлла[10], и надеялась, что ее восторженный отзыв смягчит старого джентльмена.

Лицо мистера Лоренса и впрямь несколько подобрело, он любезно подкатил стремянку к тому стеллажу, где стояли сочинения Босуэлла, и Джо с готовностью забралась на ступеньки. Делая вид, что выискивает нужный том, Джо лихорадочно обдумывала, как бы ей перевести разговор в нужное русло.

Вдруг мистер Лоренс, дотоле расхаживавший взад-вперед по комнате, резко повернулся к Джо. Она вздрогнула от неожиданности, и том Босуэлла с грохотом упал на пол. Мистер Лоренс сказал:

– А ну выкладывайте, что там натворил этот мальчишка? И не вздумайте его выгораживать. Я сразу понял, что он набедокурил. Посмотрели бы вы на него, когда он вернулся. Но я не смог вытянуть из этого паршивца ни слова. А когда я сказал, что все равно вытрясу из него правду, он сбежал и заперся у себя в комнате.

– Он нехорошо поступил, но мы простили его. А потом… – Джо замялась. – Мы обещали друг другу, что никому не станем рассказывать об этом.

– Я вижу, он ловко устроился, – недовольно проговорил мистер Лоренс. – Вы пожалели его, а он теперь прикрывается обещанием хранить тайну Нет уж, я так считаю: если провинился, изволь понести и наказание. В общем, выкладывайте, Джо. Я не желаю, чтобы меня дурачили.

Голос мистера Лоренса звучал столь резко, а вид у него был такой угрожающий, что больше всего Джо хотелось сбежать домой. Но она сидела на верхней ступеньке стремянки, а мистер Лоренс стоял у ее подножия, и путь к отступлению был отрезан.

– Но в том-то и беда, сэр, что и я не могу вам ничего сказать. Мама запретила нам это. Лори во всем сознался, и мы его простили. Поверьте, он и так уже достаточно наказан. А молчать мы договорились совсем не для того, чтобы его выгородить. Тут замешаны другие лица. Прошу вас, поверьте мне на слово. Если вы вмешаетесь, все только усложнится. Есть тут и доля моей вины. Но что было, то прошло. Давайте лучше не вспоминать об этом и поговорим о какой-нибудь книге.

– К дьяволу книги! – взревел мистер Лоренс. – Ну-ка слезайте вниз и дайте мне честное слово, что мой лоботряс не совершил ничего бесчестного или непростительного. Но если это не так, я выпорю его собственными руками, и даже вы его не спасете.

Угроза была нешуточной, но Джо и тут не растерялась. Она не сомневалась, что при всей вспыльчивости старый джентльмен никогда не поднимет руку на Лори. Джо тут же спустилась вниз и покорно поведала о шутке Лори ровно столько, сколько позволяло ей обещание не вмешивать в это дело Мег и мистера Брука.

– Хм-м-м, – задумчиво промычал мистер Лоренс, – это меняет дело. Выходит, он молчал не из упрямства, а потому что обещал не разглашать чужой тайны. Ну, тогда я готов простить его.

Глядя на старика, Джо с удивлением заметила, что лицо его разом просветлело. Теперь у мистера Лоренса был такой вид, словно проведя несколько часов подряд в душной комнате, он наконец вышел на улицу.

– Знаете, – доверительно добавил старый джентльмен, – мне ведь с ним нелегко приходится. Он такой упрямый…

– Я тоже, – подхватила Джо, – но иногда доброе слово на меня действует сильнее, чем ушат угроз.

– Вы хотите сказать, что я недостаточно добр к нему? – спросил мистер Лоренс.

– Нет, что вы, сэр! Иногда вы даже слишком добры. Но вот когда он чем-нибудь раздражает вас, вы поступаете чересчур строго. Разве я не права, сэр?

Решившись на откровенность, Джо выпалила свою тираду с самым что ни на есть бравым видом, хотя у нее поджилки тряслись от страха.

Выслушав ее, старый джентльмен в сердцах сорвал с себя очки и, кинув их на стол, воскликнул:

– Вы совершенно правы, дорогая девочка! Если б вы знали, как я люблю этого мальчишку! Да, порой он меня раздражает, и тогда я срываюсь. Прямо не знаю, что с собой поделать. Боюсь, добром наши ссоры не кончатся.

– Вы правы, сэр. Откровенно говоря, он собирается сбежать от вас.

Едва проговорив это, Джо уже пожалела о своей откровенности. Стоило мистеру Лоренсу услышать о побеге, как он беспомощно опустился на стул и с беспокойством посмотрел на висящий над письменным столом портрет красивого молодого человека. Это был отец Лори, в юности он вправду сбежал и женился против воли отца. И тут Джо со стыдом подумала, что разбередила старую рану мистера Лоренса.

– Не расстраивайтесь, сэр, – тут же спохватилась она. – Лори очень привязан к вам. Он может сбежать, только если очень обидится на вас. Он угрожает, что сбежит. Честно говоря, мне тоже хочется сбежать, – со смешком добавила она. – Во всяком случае, с тех пор, как я постригла себе волосы. Так что если мы сбежим, то вместе. И тогда, мистер Лоренс, вам придется искать сразу двоих мальчиков. Наверное, вы обнаружите нас на корабле, который отправится в Индию.

Услышав ее смех, мистер Лоренс несколько успокоился.

– И не стыдно вам так пугать бедного старика? – ласково обратился он к ней. – Да благословит Бог девочек и мальчиков! Знаете, – задумчиво добавил он, легонько потрепав Джо по щеке, – иногда мне кажется, что все вы только для того и существуете на свете, чтобы трепать нам нервы. И все-таки без вас жизнь лишилась бы всякого смысла.

Мистер Лоренс мгновение помолчал.

– А теперь вот что, – снова обратился он к Джо. – Идите и приведите этого упрямца вниз. Скажите, что все в порядке. Я жду его обедать и прошу не взваливать на себя роли трагического героя, потому что в таком случае он будет выглядеть очень смешно, и мне, вместо того чтобы есть, придется смеяться.

– Сэр, он не пойдет, – честно ответила Джо. – Он очень обиделся. Он ведь объяснял вам, что вынужден молчать, а вы не поверили. А больше всего его оскорбило, что вы грозились вытрясти из него правду.

Джо надеялась растрогать мистера Лоренса, но дело обернулось еще лучше. Мистер Лоренс внимательно посмотрел на нее, расхохотался, и Джо поняла, что старалась не зря.

– Очень сожалею, – проговорил сквозь смех старый джентльмен. – Счастье мое, что он сам меня в ответ как следует не встряхнул. Ну, выкладывайте, чем я могу заслужить его прощение?

– Если вы спрашиваете моего совета, то я бы, сэр, на вашем месте написала ему короткую записку. Он говорит, что все равно не спустится, пока не получит от вас извинения. Он задумал какой-то глупый побег в Вашингтон. Но ваша записка быстро приведет его в чувство, и он, как миленький, спустится обедать. Уверяю, у Лори хватит чувства юмора, он все поймет правильно. Я сама отнесу ему записку, а уж когда он успокоится, то вправлю ему мозги.

Мистер Лоренс пристально посмотрел на Джо, потом надел очки.

– Ну и хитрюга же вы, – сказал он. – Впрочем, вам и Бет я дозволяю водить себя за нос. Ну-ка дайте мне листок бумаги, и уладим наконец эту дурацкую ссору.

Мистер Лоренс составил записку по всем правилам этикета. Короткое послание было исполнено именно тех выражений и оборотов, с коими принято обращаться к джентльмену, если вы невольно нанесли ему оскорбление. Джо схватила записку и, поцеловав мистера Лоренса в лысую макушку, побежала наверх. Подсунув листок под дверь комнаты Лори, она крикнула, что советует ему смириться. Потом, не дожидаясь, пока он дочитает до конца, спустилась вниз.

Результат не замедлил сказаться. Вскоре дверь наверху отворилась, а еще несколько секунд спустя Лори съехал по перилам вниз и с самым что ни на есть ангельским видом предстал перед Джо.

– Ну вот, Джо. В который раз вы мне доказываете, какой вы удивительный друг. Вам от него здорово попало?

– Да нет. В общем-то он вел себя очень умно.

– Простите меня, Джо. Понимаете, сегодня на меня будто целый мир ополчился, и даже вы не пожелали на меня смотреть, когда я был у вас дома. Вот я и решил сбежать куда-нибудь, – виновато произнес он.

– Ну, ну, дитя мое, – насмешливо отозвалась Джо, – вы искупили свой грех, начните все сначала.

– Мне иногда кажется, будто я только и делаю, что начинаю сначала. Когда я был маленький, я так обращался с тетрадками. Начну, испачкаю страницу и беру новую тетрадь. Но так ничего не добьешься. Нельзя же всю жизнь начать с начала, – грустно сказал он.

– Знаете, идите лучше обедать, – посоветовала Джо. – Я слышала, что еда лучше всего излечивает мужчин от меланхолии. Голодные мужчины вечно впадают в тоску.

С этими словами Джо помахала ему рукой и выскользнула на улицу. Лори отправился в столовую. Дед встретил его очень ласково и до конца дня оказывал ему чуть ли не королевские почести. Так рассеялись последние тучи, и теперь все решили, что о выходке Лори действительно можно забыть. Во всей этой истории лишь один человек не мог преодолеть себя – Мег.

О, она, разумеется, давно бы забыла все, если бы речь шла просто о неудачной или даже жестокой шутке, но вот о мистере Бруке она

забыть не могла. Она редко произносила вслух это имя, хотя оно постоянно занимало ее мысли и даже сны. И вот однажды Джо, которая искала по всему дому марку, чтобы отправить письмо, открыла ящик стола Мег. Вместо этого она нашла бумажку, на которой значилось: "Миссис Джон Брук". У Джо вырвался стон, и она в сердцах кинула бумажку в огонь. Она поняла – проделка Лори лишь приблизила то, чего она так боялась.

Глава XXII

Долина Радостей

Больные быстро поправлялись. Вот уже мистер Марч в последнем своем письме сообщил, что в январе возвратится домой. Бет, правда, была еще очень слаба, но и она выздоравливала. Дневные часы она теперь проводила на диване в гостиной, где сначала играла с заметно повзрослевшими котятами, а потом принялась шить наряды для кукол, которые, по ее словам, совершенно обносились. Старшие сестры хлопотали. Бет еще плохо держалась на ногах, и Джо с готовностью носила ее на руках по всему дому. А Мег с таким старанием готовила для малютки Бет обеды, что, кажется, совсем забыла о своих холеных руках и, стоя у кухонной плиты, с поистине королевской щедростью обжигала пальцы о раскаленные кастрюли и сковороды.

Вернувшись домой, Эми решила продемонстрировать душеспасительные свойства кольца с бирюзой. С этой целью она устроила целый фейерверк самопожертвований, в результате которого почти все шедевры ее изобразительного искусства и другие сокровища были розданы матери и сестрам.

Приближалось Рождество, и в доме семейства Марчей строили далекоидущие планы.

Джо и Лори никак не соглашались свести праздник к постановке рождественской мистерии. Они наперебой предлагали самые разные увеселения. В конце концов Лори однажды вечером заявил, что Рождество в этом году может вовсе не наступить, если не ознаменовать его праздничными арками и кострами в саду, а также пышным фейерверком. Миссис Марч и Мег немедленно обвинили детей в прожектерстве[11] и высмеяли все их планы. Джо и Лори обиженно удалились в угол гостиной и больше разговора о празднике не возобновляли. Однако по тому, как весело они хохотали в последующие дни, оставаясь наедине, и по заговорщицким перемигиваниям на людях, легко было заподозрить, что они отступили, но не сдались.

Перед Рождеством установилась необычайно теплая погода. Видимо, именно это обстоятельство позволило Ханне со всей определенностью заявить:

– Моя душа чует настоящий праздник.

Впрочем, Рождество, кажется, и впрямь обещало счастье на весь грядущий год. Отец прислал поздравление и повторил, что скоро будет вместе с ними. А Бет настолько окрепла, что почти без помощи Джо добралась до окна и, завернувшись по самую голову в алый халат, который подарила ей мать, восхищенно смотрела в сад. И ее нетрудно было понять.

Каждый мог воочию убедиться, что Джо и Лори не из тех людей, которых можно сломить насмешками. Выждав, пока все заснули, они отправились в сад, работали всю ночь, и к утру сюрприз для малютки Бет был готов.

Прямо перед окном высилась статуя Снежной королевы. Чело ее венчал зеленый венок из остролиста. В одной руке она держала корзину с фруктами, в другой – ноты нового рождественского гимна. На плечах Снежной королевы красовалась яркая шаль, а изо рта высовывался

огромный язык из розовой бумаги, на котором крупными буквами было начертано:

Бет от Снежной королевы

Дай Бог тебе здоровья,

Моя малютка Бет!

Тебе на Рождество я

Дарю кулек конфет.

Еще найдешь ты фрукты

И чудный новый гимн,

Который в Рождество ты

Споешь своим родным.

Вот только, умоляю,

Оденься потеплей,

Побольше на рояле

Играй и не болей!

Я снежное творенье,

Но нежностью горю

И пылко поздравленья

От Джо и Лори шлю!

Прочтя это, Бет весело засмеялась. А Лори побежал на улицу, чтобы принести подарки, которые статуя посулила в своем поздравлении. Заметив, что торжественная церемония утомила Бет, Джо подхватила ее на руки и перенесла на диван в кабинет мистера Марча. Там выздоравливающая отдала щедрую дань замечательному винограду. Оставалось только удивляться, где Снежная королева отыскала его в такое время года.

– Я так счастлива, – со вздохом проговорила Бет. – Вы меня просто засыпали подарками. Теперь мне и мечтать не о чем. Ну, вот только чтобы папа быстрее приехал.

– А мне тоже кое-что досталось, – горделиво похлопала себя по карману Джо, в кармане у нее лежал томик "Ундины и Синтрама", которым она грезила еще перед прошлым Рождеством.

– И мне, – подхватила Эми.

Миссис Марч подарила ей окантованную в красивую раму литографию, на которой была изображена Мадонна с младенцем Христом.

– Ну а обо мне и говорить не приходится! – воскликнула Мег, бережно расправляя складки серебристого шелкового платья, которое преподнес ей мистер Лоренс.

– И все-таки я счастливее вас всех, – сказала миссис Марч, переводя взгляд с улыбающегося лица Бет на письмо мужа, а с него – на брошь, сплетенную из прядей волос всех членов семьи, которую дочери только что прикололи ей на платье.

Не успела она произнести эти слова, как произошло одно из тех редких событий, которые заставляют нас забыть о том, что на свете вообще существуют скука и обыденность. В такие мгновения мы начинаем чувствовать себя счастливее героев самой чудесной сказки. Дверь гостиной медленно отворилась, и Лори, прокравшись через всю комнату, остановился на пороге кабинета.

– Еще один рождественский подарок! – срывающимся от волнения голосом провозгласил он.

Он старался сдерживаться изо всех сил. Однако на лице его застыло столь торжественное выражение, что все, кроме Бет, разом вскочили на ноги и бросились в гостиную.

Посреди комнаты стоял рослый мужчина, лицо его до самого носа укутывал теплый шерстяной шарф. Рядом стоял другой мужчина и бережно поддерживал первого под руку. Первый мужчина силился что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Впрочем, и остальные проявляли не больше красноречия. Кинувшись к вновь прибывшему, они заключили его в объятия.

Это была впечатляющая сцена! Мистер Марч совсем пропал за частоколом любящих родственников, а сопровождавший его мистер Брук вдруг подошел к Мег и поцеловал ее – по ошибке, как он потом смущенно объяснил присутствующим. Джо от радости едва не лишилась чувств. А Эми, торопясь обнять отца, споткнулась у самых его ног о ковер и, забыв о своих чопорных манерах, заключила в объятия его сапоги.

– Тише! – раздался вдруг предостерегающий шепот миссис Марч, которая первой обрела дар речи. – Не потревожьте Бет!

Но она опоздала. Именно в это время дверь кабинета отворилась, и малютка Бет, задрапированная в алый халат, со всех ног кинулась к

отцу. Никто не понимал, откуда у нее взялись силы, но, видимо, ничто не лечит так быстро, как нежданные радости.

Романтический колорит встречи любящего родителя с семейством нарушило появление Ханны. Она стояла с блюдом, на котором красовалась рождественская индейка, и обильно поливала сие лакомство крупными слезами. Тут уж никто не смог сдержаться, и гостиная огласилась смехом.

Когда все немного успокоились, миссис Марч принялась благодарить мистера Брука за преданность и заботу о муже. Мистер Брук, зардевшись от смущения, хлопнул себя по лбу:

– Боже! Как же это я забыл? Ведь мистеру Марчу сейчас необходимо отдохнуть с дороги!

Подхватив Лори под руку, он поспешно удалился, не преминув, правда, напомнить, сколь необходим сейчас мистеру Марчу длительный отдых. Домашние немедленно последовали его совету. Обоих больных усадили в большие мягкие кресла, и, устроившись рядом, все принялись слушать мистера Марча, а тот рассказывал, что доктор рекомендовал ему воспользоваться неожиданно теплой погодой для возвращения домой. Вот тут-то мистер Марч и решил преподнести сюрприз своим домашним. Следует заметить, что почти в каждой фразе этого рассказа находилось место для похвал мистеру Бруку. Вот почему, когда мистер Марч наконец довел до конца историю своего возвращения домой, ни у кого из слушателей не оставалось сомнения, что глава семьи относит мистера Брука к числу лучших представителей человечества. Вероятно, излишне объяснять, отчего Мег вдруг кинулась ворошить прекрасно горевшие дрова в камине, а миссис Марч, бросив на мужа выразительный взгляд, осведомилась, не проголодался ли он с дороги. Но прежде чем он ответил, Джо перехватила взгляд, который отец адресовал матери, и пришла к кое-каким умозаключениям. Результатом оных явилась фраза, которую она обронила, шествуя на кухню за бульоном и вином.

– Терпеть не могу достойных молодых людей! – пробормотала Джо, хлопнув в сердцах дверью гостиной. – Особенно с карими глазами!

Все Марчи сошлись на том, что никогда в жизни еще не видели такого роскошного рождественского обеда. Сочная, украшенная зеленью индейка радовала взгляд и таяла во рту. Как и сливовый пудинг, и фруктовое желе, столь восхитившее Эми, что она потеряла всякое чувство меры. Ханна утверждала, что высокое качество обеда ее и саму удивляет, потому что…

– В голове у меня такая мешанина, дорогая миссис Марч. Уж как я не поджарила пудинг вместо индейки и не нафаршировала индейку желе, ума не приложу.

За обедом присутствовали мистер Лоренс с внуком и мистер Брук. В последнего Джо то и дело метала грозные взгляды, и Лори от души забавлялся этим увлекательным зрелищем. Во главе стола сидели мистер Марч и Бет, которым, как выздоравливающим, был противопоказан обильный обед, и они довольствовались отварным цыпленком и фруктами. Впрочем, подобное ограничение отнюдь не мешало им веселиться наравне с остальными.

За тостами, воспоминаниями, песнями день незаметно сменился вечером. Лори предложил покататься на санях, но девочки не захотели даже ненадолго покинуть отца, и катание решили перенести на завтра. Посидев еще немного, гости откланялись и ушли домой, а Марчи расселись вокруг камина.

Некоторое время они молча смотрели на весело потрескивавший огонь.

– А помните, как мы убивались в прошлом году? Тогда нам казалось, что никогда еще у нас не было такого печального Рождества, – первой нарушила молчание Мег. – И что же? Год завершился совсем неплохо.

Со свойственным молодости эгоизмом Мег горделиво подумала о том, как здорово удалось ей сегодня дать понять мистеру Бруку, что она рада его видеть, и при этом ни в малейшей мере не поступиться собственной гордостью.

– Нет, это был тяжелый год, – возразила Эми, внимательно разглядывая кольцо.

– Я рада, что он прошел, потому что теперь мы снова вместе, – сказала Бет и еще крепче прижалась к отцу, который посадил ее к себе на колени.

– Да, милые пилигримы, вам пришлось нелегко. Особенно в конце испытаний. И все-таки вы не повернули назад. Думаю, скоро вы сможете опустить свою ношу и отдохнуть, – сказал мистер Марч и окинул дочерей таким взглядом, каким только может смотреть отец, по праву гордящийся своими детьми.

– Откуда ты знаешь? Мама тебе рассказала? – осведомилась Джо.

– Кое-что рассказала, – подтвердил мистер Марч. – Но многое я понял сам. Знаете, я за сегодняшний день успел сделать несколько открытий.

– Каких? Расскажи, – опускаясь на стул рядом с ним, потребовала Мег.

– Изволь. Вот первое. – Отец взял Мег за руку и ласково провел пальцем по мозолям, следам от ожогов и уколам, оставленным на ладони швейной иглой. – Помнится, раньше эти ручки радовали нежностью и белизной, и ты, моя милая, прилагала немало усилий, чтобы сохранить их. Тебе это действительно очень шло. И все-таки, если тебя интересует мое мнение, теперь мне твои руки милее прежнего. Все эти отметины для меня как книга, и я легко могу понять,

как ты жила этот год. Я вижу, что в тебе поубавилось тщеславия, а вещи, которые ты сшила, наверняка красивы и добротны, ведь именно так шьет каждая женщина, когда ею движет добрая воля. Знай, дорогая, самая прекрасная женщина та, что делает дом счастливым.

Отец улыбнулся и легонько пожал дочери руку. "Увы, мне будет нелегко отпустить ее из дома, – с грустью подумал он. – Остается лишь надеяться, что это случится не очень скоро".

Если Мег и нуждалась в поддержке и награде за труды минувших месяцев, то сейчас ее самолюбие было удовлетворено сполна. Глядя на исполненную счастья и доброты улыбку отца, Мег подумала, что ради такой похвалы, пожалуй, была бы способна и на куда большие подвиги.

– А про Джо ты ничего не скажешь? – шепнула отцу Бет. – Скажи, пожалуйста, ей будет очень приятно.

Отец засмеялся и внимательно поглядел на высокую девочку, сидевшую напротив него.

– Если бы не короткая стрижка, я не узнал бы в этой женственной особе прежнего мальчишку Джо, – ответил он. – Глазам своим не верю! Аккуратный воротничок, ботинки зашнурованы по всем правилам. Кроме того, за весь вечер ты ни разу не свистнула, не употребила ни единого вульгарного выражения и даже не улеглась, как раньше, на ковер. Да ты у меня стала настоящей леди! Ты осунулась и устала. Тебе, бедной, досталось больше всех, пока болела Бет. Но мне радостно смотреть на тебя. Черты твоего лица смягчились, и ты научилась говорить тихим голосом. Кроме того, ты теперь умеешь не только прыгать, но и спокойно двигаться, я уже не говорю о том, что ты заботилась о Бет не хуже матери. Признаться, мне чуть-чуть не хватает тебя прежней. Однако я вижу, что место необузданной девчонки занимает настоящая маленькая женщина. Ну разве я могу не радоваться? У тебя оказался сильный характер. На такого человека, как ты, можно положиться в

любой ситуации. Не знаю, право, насколько тебе нравится твоя короткая стрижка. Зато знаю другое: все сокровища Вашингтона не заменили бы мне двадцати пяти долларов, которые ты, Джо, прислала мне в подарок.

Последние слова мистер Марч произнес таким голосом, что у Джо на глаза навернулись слезы, а лицо раскраснелось.

Эми хотелось услышать о себе, но, сдержав нетерпение, попросила:

– Теперь о Бет, папа.

– От нее так мало осталось, что я и говорить много боюсь, – улыбнулся мистер Марч. – И все-таки хочу похвалить тебя, Бет. Ты стала менее застенчивой.

Тут, вспомнив, что недавно едва не лишился ее, он еще крепче прижал дочь к себе и добавил:

– Ну, теперь я снова крепко держу тебя и, даст Бог, сумею охранить от невзгод.

Он немного помолчал. Затем взглянул на Эми, которая устроилась на скамеечке у его ног, и, проведя рукой по ее шелковистым волосам, сказал:

– Насколько я мог заметить, ты, Эми, весь день делала все, о чем тебя просила мама, потом уступила Мег свое место за столом, а потом искренне старалась каждому сделать что-нибудь приятное. Ты ни разу не закапризничала, не вертелась перед зеркалом и даже не похвасталась кольцом с бирюзой, которое красуется у тебя на пальце. Вывод напрашивается сам собой: за то время, что мы не виделись, ты научилась думать о других. Мне кажется, ты решила всерьез заняться своим характером. Если так, уверен, ты вылепишь его не хуже своих

фигурок из глины. Только не подумай, что я перестал любить твои статуэтки. Я с радостью получил бы еще несколько ко дню рождения. Но как бы я ни гордился твоими способностями к ваянию, мне будет несравненно приятнее, если ты овладеешь искусством скрашивать жизнь и себе, и окружающим.

– Бет, о чем ты задумалась? – спросила Джо после того, как Эми, польщенная похвалой отца, рассказала, откуда у нее красивое кольцо с бирюзой.

– Я думаю о том, что прочла в "Странствиях пилигрима", – ответила Бет. – Я сегодня как раз дошла до главы, где после многих мытарств герои оказались в зеленой долине. Там круглый год цветут лилии и так прекрасно, что они чудесно провели время и набрались сил для дальнейших странствий. И вот мне показалось, что мы тоже сейчас попали в такую долину.

С этими словами Бет съехала с колен отца и подошла к роялю.

– Мы всегда пели на Рождество, – сказала она и легко прошлась пальцами снизу вверх по клавиатуре. – Я хочу, чтобы сегодня было все, как всегда. Я знаю, папа, тебе нравилась песня пастушка из "Странствий пилигрима". Я положила ее на музыку. Послушай!

Бет взяла несколько тихих аккордов, и вдруг, к удивлению присутствующих, гостиную заполнил ее по-прежнему чистый и нежный голос, который никто уже и не надеялся услышать после тяжелой болезни его обладательницы. Тихая мелодия, исполненная полутонов и мягких гармонических переходов, очень подходила к тексту, и все, затаив дыхание, слушали чудесный рождественский гимн, в котором пилигрим благодарил Бога за ниспосланную ему участь мытаря и просил Создателя позволить ему пройти земную стезю в любви и сострадании к ближнему И, когда Бет взяла последний аккорд, все в

один голос признали, что лучше завершить сегодняшний праздник было попросту невозможно.

Глава XXIII

Свирепая тетушка

На следующий день родные по-прежнему не отходили от мистера Марча, ловя каждое его слово и предугадывая малейшее желание. Даже Ханна поминутно заглядывала в гостиную, уверяя, что должна хоть изредка видеть дорогого хозяина, иначе ей начинает казаться, что это был всего-навсего сон.

Казалось, с выздоровлением Бет и возвращением главы семьи в доме раз и навсегда воцарились счастье и покой. Лица домочадцев светились такой радостью, словно они достигли предела мечтаний и счастье больше не покинет их дом.

Мистер и миссис Марч все чаще поглядывали на Мег, а затем украдкой обменивались беспокойными взглядами. Джо тоже чувствовала, что есть в их семье некто, еще не достигший полного блаженства. Это ощущение сердило Джо, и, проходя по передней, она не упускала случая показать кулак зонтику, который мистер Брук забыл на вешалке.

Мег вела себя очень странно. Порой она совершенно не замечала, что творится вокруг; когда звонили в дверь, она вздрагивала, а стоило кому-нибудь произнести имя "Джон", как лицо ее заливала краска.

Наблюдая за всеми этими странностями, Эми сначала удивлялась, затем начала тревожиться. Наконец она не выдержала.

– Не понимаю, – поделилась она с Бет, – мне кажется, все ведут себя так, словно чего-то ждут. А чего еще ждать? Папа-то уже с нами…

Бет разделила ее недоумение, присовокупив от себя, что ее удивляет, отчего ни Лоренсы, ни мистер Брук до сих пор не навестили их сегодня.

– Обычно они не оставляют нас так долго одних, – добавила она.

Во второй половине дня появился Лори. Он чинно зашел в сад, однако стоило ему увидеть в окне Мег, как он повел себя очень странно – опустился на колено прямо в снег и с мольбой простер руки к окну. Когда же Мег гневным жестом повелела ему убираться прочь, он скорчил скорбную мину, выхватил из кармана платок и, делая вид, что осушает воображаемые слезы, уныло поплелся за угол дома.

– Интересно, что еще задумал этот кривляка? – спросила Мег и деланно засмеялась, всем своим видом стремясь показать, что совершенно не понимает намеков Лори.

– Будто неясно, – высокомерно заявила Джо. – Просто он изобразил твоего Джона.

– Прошу тебя, никогда не называй его моим. Как ты сама не понимаешь? Это неприлично, – запротестовала Мег. – К тому же он совсем не мой. Только ты можешь воображать, будто я думаю о каком-то Джоне. Да, мы друзья, но не больше.

– Нет, больше, – упрямо возразила Джо. – После выходки Лори мне все стало ясно. Даже ко мне ты теперь совсем по-другому относишься. Не думай, что я ничего не вижу. И Марми все понимает. Не бойся, я все снесу. Просто мне хочется, чтобы это поскорее решилось и все перестали врать. Терпеть не могу, когда врут!

– Для того чтобы решилось, он должен заговорить, – резко сдала свои позиции Мег, – а он молчит. Наверное, его напугал папа, когда объяснил, что я слишком молода.

Последнюю фразу она произнесла с какой-то загадочной улыбкой, по которой можно было предположить, что она не вполне разделяет мнение отца по поводу своего возраста.

– Ну а если он заговорит? Будто я не знаю! Ты выслушаешь и уступишь ему, – с упреком продолжала Джо. – Уж, во всяком случае, у тебя недостанет сил ему отказать.

– Только не воображай, что я действительно такая слабая и глупая. Он не застанет меня врасплох. Я давно решила, что отвечу, и готова в любой момент его выслушать.

Мег произнесла это столь торжественно, что Джо не сдержала улыбки. Впрочем, серьезность и яркий румянец лишь украшали и без того красивое лицо старшей сестры.

– В таком случае, может, поделишься, что же ты собираешься ему ответить? – спросила Джо, и теперь в ее голосе звучало больше почтительности, чем насмешки.

– Изволь. Тебе уже шестнадцать. Не удивлюсь, если мой опыт скоро тебе самой пригодится.

– Вот еще, – ответила Джо, и в голосе ее послышался такой страх, будто Мег предрекала ужасное несчастье. – Со мной такого никогда не случится. Просто забавно, чем у вас все кончится?

– Да что тут такого?! – удивилась Мег. – Представь себе, что ты кому-то понравилась, а он понравился тебе… – продолжала она, глядя в окно на аллею, где летними вечерами часто гуляли влюбленные. – И вот он…

– Мне показалось, что ты хотела мне рассказать, как ты отвергнешь этого мистера Брука, – перебила Джо.

– О, это проще простого, – не растерялась Мег. – Я очень спокойно и твердо отвечу: я очень благодарна вам, мистер Брук, но папа правильно говорит – я еще чересчур молода. Мне пока рано брать на себя серьезные обязательства. Поэтому, прошу вас, оставим этот разговор и останемся друзьями.

– Неплохо, – похвалила Джо. – Строго и с достоинством. Но я не верю, что ты сможешь это сказать. А если и сможешь, он все равно не успокоится. Он тут же сделается таким несчастным, и тебе его станет жалко. Ты сдашься, чтобы не оскорбить его.

– Не сдамся! Я скажу ему: "Я уже все решила. Не тратьте силы на дальнейшие уговоры!" – и гордо выйду из комнаты.

Мег встала со стула, чтобы продемонстрировать, как выйдет из комнаты, но тут в передней послышались шаги, и она спешно ретировалась в кресло. Она тут же схватила шитье и принялась с такой свирепостью орудовать иголкой и ниткой, точно какой-то злобный волшебник предрек ей смертные муки в том случае, если она не сделает работу в один присест.

Столь неожиданная смена настроения порядком позабавила Джо. Когда же шаги смолкли у самой двери и кто-то робко постучал, она открыла, и лицо ее выражало все, что угодно, но только не гостеприимство.

– Д-добрый день, – запинаясь, проговорил мистер Брук. – Я, знаете ли, пришел за своим зонтиком и еще, наверное, услышать самочувствие мистера Марча, – добавил он, проявляя совершенно не свойственное ему раньше косноязычие.

– Он чувствует себя хорошо, на вешалке, – не более красноречиво ответила Джо, пытаясь слить воедино информацию о состоянии здоровья отца и местонахождении зонтика мистера Брука.

С этим она выскользнула в коридор, и Мег теперь предоставлялась полная возможность продемонстрировать во всем блеске чувство собственного достоинства.

Но с Мег стало происходить что-то странное. Вместо того чтобы гордо выслушать признание мистера Брука, а затем бросить ему в лицо великолепную свою отповедь, она вдруг поднялась с кресла и бочком попятилась к двери.

– Садитесь, садитесь, пожалуйста, – бормотала она на ходу. – Мама будет очень рада вас видеть. Пойду позову ее.

– Не бойтесь меня, мисс Маргарет, – произнес мистер Брук таким обиженным тоном, что Мег в смущении остановилась.

Она успела отметить про себя, что мистер Брук первый раз в жизни назвал ее полным именем. Ей это очень польстило, и на лице ее к краске, вызванной смущением, прибавился румянец удовольствия.

Стремясь сгладить впечатление от явно неучтивого приема, который она ему оказала вначале, Мег протянула мистеру Бруку руку.

– Ну как же я могу вас бояться, когда вы столько сделали для папы? – ласково возразила она. – Просто не знаю, как отблагодарить вас.

– Сказать вам как? – не отпуская ее руку, откликнулся мистер Брук и посмотрел на нее с такой нежностью, что у нее перехватило дыхание.

– О нет, прошу вас. Не говорите мне ничего, – испуганно залепетала она и попыталась вырвать руку.

– Я буду краток, – неумолимо продолжал мистер Брук, – и постараюсь не испытывать вашего терпения. Мне важно знать, как вы относитесь ко мне, Мег. Дело в том, что я вас очень люблю.

Кажется, Мег могла ликовать. Ей предоставлялась блестящая возможность. Вот сейчас бы ей продемонстрировать свое достоинство и строгость, чтобы этот мистер Брук раз и навсегда понял, как надо себя с ней вести! Но тщательно заготовленная речь так и не была произнесена. Чеканные фразы вылетели у Мег из головы, от уверенного тона не осталось и следа, и, опустив голову, она едва проговорила дрожащим голосом:

– Н-не знаю.

Кому-нибудь другому подобная неопределенность, быть может, показалась бы оскорбительной либо обескураживающей. Кому-нибудь, но не мистеру Бруку! Мег явно обрадовала его своим ответом. Пылко пожав маленькую руку, которую он по-прежнему удерживал в своих ладонях, мистер Брук с мольбою воскликнул:

– Но вы постараетесь? Ведь вы постараетесь это узнать? Поймите, мне это очень важно. Если да, я должен уже сейчас начать строить наше будущее. Но я не могу начинать, пока вы не скажете, стоит ли мне надеяться.

– Я… я… слишком… молода, – прошептала Мег, искренне недоумевая по поводу накатившей на нее радости; впрочем, она не испытывала ровно никаких неприятных чувств.

– Ничего, я подожду, – немало не смутился ее ответом мистер Брук. – Может быть, за это время вы постараетесь полюбить меня? Вам будет это не очень трудно?

– Нет, не очень, если я этим как следует займусь, но…

– Прошу вас, Мег, постарайтесь! – с еще большей мольбой в голосе воскликнул мистер Брук. – Я помогу вам. Говорят, я неплохой учитель. К

тому же, надеюсь, это мне будет легче, чем давать уроки немецкого, – добавил он, как бы невзначай завладевая другой ее рукой.

Теперь она чувствовала себя словно в капкане и, когда он посмотрел ей в глаза, не смогла даже опустить голову. Это и погубило дело, которое уже вот-вот должно было прийти к благополучной развязке. До сих пор Мег не решалась взглянуть на мистера Брука и лишь слушала его речи, в которых мольба мешалась с крайней почтительностью. Теперь она видела перед собой его лицо и с возмущением обнаружила, что он… улыбается, будто заранее уверен в успехе. Это был ощутимый удар по ее самолюбию, и ей тут же пришли на память советы, которые ей давала когда-то Энни Моффат. Тогда Мег сочла все это недостойным кокетством, но сейчас в ней вдруг проснулась жажда власти. Собственно, она не очень-то понимала, что с ней происходит, просто, повинуясь какому-то импульсу, она внезапно вырвала руки из ладоней мистера Брука и капризно сказала:

– Можете стараться сколько угодно, но я не собираюсь себя принуждать. Я вас выслушала, а теперь прошу оставить меня в покое.

Бедный мистер Брук! Слова Мег совершенно ошеломили его. Он ожидал услышать от нее все, что угодно, но только не это. Он чувствовал себя, словно путник, который долго стремился к прекрасному замку, а тот вдруг взял да и обрушился, стоило ему подойти поближе.

– Вы правда хотите, чтобы я ушел? – переспросил он, пристально глядя ей в глаза.

– Да. Я не желаю, чтобы меня изводили такими разговорами. Отец говорит, что мне нет нужды слишком рано связывать себя словом, да я и сама не хочу.

– Но могу я хоть надеяться, что в будущем вы будете более благосклонны ко мне? – в отчаянии вопрошал мистер Брук. – Я буду ждать. У вас достаточно времени, чтобы подумать. Только не надо шутить со мной, Мег. Ведь вы совсем не такая. Вы не можете быть жестокой.

– Думайте, что хотите. Меня это не волнует, – ответила Мег, испытывая все большее наслаждение властью; теперь она уже сознательно испытывала терпение мистера Брука.

А самому мистеру Бруку было не до улыбок. Лицо его стало серьезным и таким бледным, что Мег поневоле отметила поразительное сходство с теми романтическими героями, которыми она так восхищалась в книгах. Правда, в отличие от сих носителей возвышенных качеств, он не стал колотить себя по лбу или носиться по комнате подобно загнанному хищнику. Он просто стоял, внимательно разглядывая ее, и в прекрасных его карих глазах было столько преданности, что сердце ее не выдержало. Неизвестно, как бы развернулись события, останься они еще какое-то время наедине. Но в тот самый момент, когда Мег намеревалась что-то сказать, дверь в гостиную широко распахнулась, и на пороге показалась тетушка Марч.

Катаясь по городу, старая леди повстречала Лори. Узнав от него о возвращении родственника, она, не заезжая домой, отправилась прямо к Марчам. Семья в это время находилась в другой половине дома, и никто не заметил, как она подъехала. Это обстоятельство порадовало тетушку. Она решила преподнести сюрприз и, прокравшись по коридору настолько тихо, насколько позволяла ей хромота, резко распахнула дверь гостиной.

Сетовать, что из-за отсутствия в гостиной любимого родственника сюрприз не удался, было бы по меньшей мере несправедливо. Пусть мистер Марч и лишился возможности лицезреть тетушку с первых же минут ее визита, зато внезапность появления старой леди по достоинству оценили другие. Этими счастливчиками, как легко

догадаться, оказались Мег и мистер Брук, и уж на них-то приход достойной дамы произвел неизгладимое впечатление.

Мег стояла как вкопанная, и в глазах ее застыл такой ужас, словно перед ней явилась не тетушка Марч, а по крайней мере привидение. Что касается мистера Брука, то, развив скорость почти немыслимую для человеческого существа, он мелькнул на мгновение пред взором тетушки Марч и укрылся в кабинете.

– Ну и дела творятся в этом доме! – грозно проскрипела достойная леди, стуча изо всех сил по полу тростью. – И кто же это такой, позволь узнать, дорогая? – И тетушка метнула огненный взгляд в открытую дверь кабинета.

– Это папин друг, тетушка, – смущенно ответила Мег и, надеясь спастись от длинной нотации, льстиво добавила: – Я так рада видеть вас, милая тетя!

– Оно и видно, – проворчала та, усаживаясь в кресло. – Но что это у тебя с лицом, милая? – с поистине сатанинской проницательностью продолжала она. – Хотела бы я знать, о чем это вы тут беседовали с папиным другом, что ты стала краснее пиона. Нет, я не позволю себя дурачить! – крикнула она и, снова стукнув по полу тростью, властно добавила: – А ну-ка выкладывай, что у вас тут происходит?

– Ну, тетушка, мистер Брук зашел за своим зонтиком, и мы немного поговорили, – начала Мег, сетуя, что реальная жизнь не похожа на сказку и у нее нет волшебной палочки. Будь так, мистер Брук и его зонт давно бы уже оказались за тридевять земель отсюда.

– Ты сказала Брук? Это учитель мальчишки Лоренса? Ну, теперь понятно. Не беспокойся, я все-все знаю. Джо случайно прочитала мне письмо вашего отца, и я выведала все, как полагается. Надеюсь, дорогая, ты не сделала глупость, не приняла его предложение?

– Тише, тетушка, – предостерегающе шепнула Мег. – Он может услышать. Позвать маму, тетя? – попыталась она отвлечь старушку от опасной темы.

– Пока не надо, – твердо ответила та. – Мне надо тебе еще кое-что сказать, иначе меня будут мучить угрызения совести. Неужели ты хочешь выйти замуж за этого Брука? Дело, конечно, твое, но учти: в таком случае я тебе не завещаю ни пенса.

Тетушка Марч относилась к той сравнительно редкой породе людей, все советы которых вызывают отчетливое желание противоречить даже у самых кротких и незлобивых людей. Знай она о своих феноменальных способностях, она сейчас на коленях умоляла бы Мег принять предложение мистера Брука и, вполне вероятно, вынудила бы племянницу отказать ему Но тетушка Марч привыкла действовать без обиняков и, отдав категорическое приказание не любить мистера Брука, побудила Мег внезапно испытать то, на что, быть может, потребовались бы недели, месяцы и даже годы.

Не успела Мег услышать слова тетушки, как ощутила, что симпатия к мистеру Бруку переходит в стойкое и неистребимое чувство.

– А мне и думать нечего, тетушка, – возмущенно возразила она. – Мне не нужны ваши деньги. И замуж я выйду за того, кого люблю.

– Ну и ну! – свирепо отозвалась старая леди. – Так-то вы, мисс, слушаете мои советы! Ничего, ты еще горько пожалеешь об этом. Только когда ты поймешь, что счастья не бывает в хижине бедняка, будет поздно.

– Ну, тетушка, в собственном доме, даже если он очень красивый и удобный, тоже можно быть несчастным, – отразила удар Мег.

Тетушка надела очки и ошеломленно уставилась на племянницу. Никогда еще она не слышала от Мег ничего подобного, да Мег и сама удивлялась своей решимости и независимости. Удивлялась и одновременно гордилась, что так смело защитила Джона и свое право связать с ним жизнь, если действительно полюбит его. Тут даже тетушка Марч поняла, что повела себя не так, как надо, и, спохватившись, решила переменить тактику.

– Ну, Мег, – как можно более вкрадчиво сказала она, – я тебя прошу только успокоиться и подумать над тем, что я тебе сказала. Мне просто не хочется, чтобы ты с самого начала испортила себе жизнь. Тебе нужно выйти замуж за состоятельного человека. Ты не должна думать только о себе. Тебе нужно помочь семье.

– Знаете, тетя, папа и мама говорят совсем другое. Им очень нравится Джон, и бедность его их совсем не пугает.

– Ну, дорогая, должна сказать тебе, что твои папа и мама хуже малых детей. Они ничего не смыслят в жизни.

– Как хорошо, что они у меня такие! – немедленно воскликнула Мег.

Но тетушка Марч пропустила ее реплику мимо ушей.

– Этот твой Рук беден, – как ни в чем не бывало продолжала она. – Богатой родни у него тоже нет, так?

– Да, но зато у него есть много друзей.

– Не смеши меня, дорогая. Ни одному человеку еще не удавалось жить за счет друзей. Можешь попытаться. Увидишь, как сразу они к тебе охладеют. Дела у твоего Бука, – она нарочно коверкала имя молодого человека, – тоже никакого нет, верно?

– Да, – согласилась Мег, – пока нет. Но мистер Лоренс сказал, что поможет ему начать.

– Ну, его надолго не хватит. Джеймс Лоренс вздорный старик, на него нельзя положиться. Из всего этого следует, что ты хочешь выйти замуж за человека, у которого нет ни денег, ни связей. Значит, тебе придется работать еще больше теперешнего. А если бы ты послушала меня, ты могла бы выгодно выйти замуж. И не знала бы бедности до конца своих дней, Мег. Я бы на твоем месте серьезно задумалась.

– Нет, тетушка. Уверена, проживи я еще полжизни, мне все равно не найти никого лучше Джона. Он талантлив, умен, трудолюбив, энергичен и смел. Я уверена, он обязательно добьется положения. Все его любят и уважают, и я очень горжусь, что он любит меня. Просто не понимаю, что он во мне нашел! Ведь я бедна, неумна, да к тому же еще и слишком молода, – с пылом ответила Мег и, кажется, еще больше похорошела от гнева, который у нее вызвали рекомендации почтенной старушки.

– О, будь спокойна! Он знает, что у тебя богатые родственники. Я даже предполагаю, что этим-то ты его, главным образом, и привлекаешь, – не растерялась тетушка Марч.

– Как вы можете, тетя! – в негодовании Мег забыла о светскости и гостеприимстве и очертя голову кинулась на защиту Джона. – Да знаете ли вы, что мой Джон так же не способен на брак по расчету, как и я! И мне и ему даже думать об этом противно! Мы будем работать и ждать, пока Джон не добьется положения в обществе. А бедности, тетя, я не боюсь. Я привыкла, мы давно живем бедно, но я счастлива, потому что все мы любим друг друга. Джон тоже любит меня и…

На этом месте Мег замолчала. Пыл ее несколько поугас, и она неожиданно вспомнила, что, собственно, у них с Джоном ничего еще не решено и последнее, что она ему посоветовала – уходить и никогда впредь не заговаривать с ней на подобные темы.

Такого тетушка совершенно не ожидала. Она давно уже вознамерилась облагодетельствовать Мег выгодным замужеством, поправить тем самым дела разорившегося родственника и, в довершение всего, закатить на свои средства пышную свадьбу, о которой потом говорил бы весь город. И вот весь этот замечательный план рушится. Нужно ли удивляться, что радужное настроение, с коим тетушка ехала навестить мистера Марча, уступило место раздражению!

– Ну что ж, – свирепо проговорила она, – ты меня убедила. Должна только заметить тебе, что такой упрямой девчонки я не встречала никогда в жизни. Учти, ты теряешь много больше, чем думаешь! Ты меня очень разочаровала, и с твоим отцом мне что-то не хочется сегодня видеться, – добавила тетушка, с трудом поднимаясь на ноги. – И еще учти, – проговорила она уже на ходу, – никакого подарка к свадьбе тебе от меня не будет! Пускай друзья этого твоего мистера Рука заботятся о тебе. А между нами, милочка, все кончено!

Последние слова тетушка произнесла уже на пороге гостиной. Договорив, она хлопнула дверью, и по резкому звуку, который за этим последовал, легко было измерить силу гнева, обуявшего почтенную леди. Но, как только она отбыла, решимость снова оставила Мег. Совершенно сбитая с толку неожиданным происшествием, она в растерянности застыла посреди гостиной и не знала, как быть дальше. Однако мистер Брук взял бразды правления в свои руки. Быстро выйдя из кабинета, он приблизился к Мег.

– Я был слишком близко от вас, – сказал он. – Глупо даже скрывать, что я слышал каждое слово. Благодарю вас за защиту. Но, знаете, я полон признательности вашей тетушке. Не заведи она этот разговор, я, может быть, еще долго не знал бы правды. Значит, Мег, вы все-таки немного любите меня?

– Я и сама этого не знала, пока тетушка не начала оскорблять вас, – простодушно призналась девушка.

– Значит, мне можно остаться? – оживился мистер Брук. – Вы разрешите? Скажите "да", и я буду самым счастливым человеком на свете!

Ах, какой прекрасный момент! Конечно, Мег уже во многом сдала свои позиции, но мистер Брук со свойственным ему благородством снова предоставлял ей возможность взять реванш. Ведь именно сейчас она могла произнести отповедь, которую так одобрила Джо, а затем гордо удалиться! Но Мег почему-то не сделала этого. К счастью, Джо не было в гостиной, иначе Мег навеки пала бы в ее глазах. Вместо того чтобы произнести гневную тираду, она покорно прошептала:

– Да, Джон.

Затем она – о, ужас! – спрятала свое лицо у него на груди.

Четверть часа спустя Джо подкралась к двери гостиной и прислушалась. Она ничего не услышала, и тишина наполнила ее душу ликованием. "Мег отказала ему, – удовлетворенно подумала Джо. – Пойду спрошу, как все вышло. Воображаю, как смешно он себя вел!" И Джо открыла дверь.

С какой скоростью мы иногда переходим от ликования к скорби! Лишь только Джо вошла в гостиную, как эта истина предстала ей со всей очевидностью. Увиденное повергло ее в юдоль печалей. Да и как могло быть иначе, если тот, кого она еще секунду назад расценивала в качестве обреченного на бегство врага, с самым независимым видом устроился на диване, а Мег сидела у него на коленях, и от всего ее облика веяло совершенно возмутительной и недостойной покорностью. Джо от неожиданности замерла на месте. Рот ее непроизвольно раскрылся, глаза округлились, а уста исторгли не стон, а пронзительный вопль, который можно услышать, если толкнешь кого-нибудь неожиданно под ледяной душ.

Это вышло так громко, что услышали даже влюбленные. Мег испуганно вскочила, а "этот человек", как презрительно называла его Джо про себя, повел себя, к ее удивлению, совершенно спокойно. Он медленно поднялся с дивана, подошел к Джо и, поцеловав ее в щеку, сказал:

– Поздравьте нас, сестрица Джо!

Тут Джо почувствовала себя так, словно мистер Брук нанес еще один удар по ее и без того разбитому сердцу. По-прежнему не находя слов, она с помощью скупой, но выразительной жестикуляции выразила все или почти все, что думала по поводу этих двоих. Затем она взметнулась наверх и, перепугав до полусмерти выздоравливающих, заорала:

– Быстрее вниз! Мы должны хоть что-нибудь сделать. Мистер Брук ужасно ведет себя, а Мег это нравится.

Услыхав такое, родители опрометью бросились вниз, а Джо упала ничком на постель и поведала Бет и Эми о том, что случилось внизу. Реакция младших девочек глубоко ее разочаровала. К немалому ее изумлению, ни Эми, ни Бет не усмотрели в поступке мистера Брука ничего страшного и, похоже, радовались за Мег. Кипя от возмущения, Джо удалилась на чердак, где провела несколько часов в обществе милейшей Скребл и ее потомства. О, Джо, конечно же, посетовала им на возмутительное поведение Маргарет, и, хотя семейство ручных крыс еще не освоило человеческой речи, бедной Джо показалось, что она наконец-то нашла сочувствие и понимание. Теперь, конечно, трудно сказать, но возможно, именно благодаря этому Джо тогда не умерла от отчаяния.

Между тем в гостиной разворачивались следующие события. Мистеру и миссис Марч так и не удалось узнать, что вызвало негодование Джо. Увидев их, мистер Брук не дал им вымолвить ни

слова. С горячностью и красноречием, которых они раньше не замечали у этого сдержанного и молчаливого молодого человека, он рьяно принялся отстаивать свое семейное предприятие и с такой щедростью живописал планы на будущее, что они вынуждены были смириться и принять решение, которое, как он выразился, возносит его на вершину блаженства.

Он как раз начал набрасывать перед благодарными слушателями эскизы семейного рая, который собирался создать для Мег, когда звонок к чаю заставил его на время прервать сей пленительный экскурс в будущее. За столом и он и Мег сидели с такими сияющими лицами, что Джо сменила гнев на милость. О младших сестрах и говорить не приходится. Они во все глаза смотрели на влюбленных, и им казалось, что нет на свете зрелища возвышеннее. Самое большое впечатление на Эми произвело то, как настойчиво и деликатно мистер Брук оберегал достоинство Мег. А Бет не знала, что ее восхищает больше. Ее радовало, что у ее сестры и у мистера Брука все складывается хорошо, и глаза ее сияли таким восторгом, будто не Мег, а она сама нашла счастье. Не меньшее удовольствие испытывали мистер и миссис Марч. Будь тут старая тетушка, она бы могла с полным правом воскликнуть: "Ну, я же говорила, что эти люди ничего не смыслят в жизни!" Но наблюдатель помоложе и подобрее непременно отметил бы другое: не только присутствующие, но даже старая гостиная с изрядно закопченным потолком выглядела сегодня нарядной и почти элегантной.

– Мег, наверное, теперь ты не будешь говорить, что тут не происходит ничего веселого? – спросила Эми, прикидывая в воображении, как лучше написать портрет Мег и Джона.

– Конечно нет, – отозвалась Мег. – Просто удивительно, как много для меня изменилось за этот год! Мне кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я жаловалась в прошлом году на нашу бедность!

И Мег блаженно вздохнула.

– За неприятностями часто наступает полоса удач, – заметила миссис Марч. – Будем надеяться, что начало хорошему положено. Дай Бог, чтобы весь год у нас выдался таким!

– Нет уж, пусть дальше будет лучше, – не согласилась Джо.

Как она ни крепилась, ей все же никак не удавалось смириться с тем, что вниманием старшей сестры завладел посторонний человек.

– В этом году, наверное, уже ничего не случится, – с эгоизмом влюбленного сказал мистер Брук. – А вот через три года, если я правильно все рассчитал, все будет просто отлично.

И он с такой уверенностью взглянул на Мег, что той стало ясно: если он только будет жив, то непременно осуществит все свои намерения.

– Как долго придется ждать! – с досадой воскликнула Эми, которой уже не терпелось повеселиться на свадьбе сестры.

– Но мне еще нужно многому научиться, – ответила Мег, и все заметили, что лицо ее приняло какое-то совершенно особое выражение.

– Вы будете ждать, а я буду работать, – заявил Джон и с таким рвением кинулся поднимать с пола салфетку, которую уронила Мег, словно именно этим деянием решил положить начало семейному счастью.

Глядя на него, Джо продолжала страдать. Вот почему, услышав, как хлопнула входная дверь, она обрадовалась больше обычного. "Ну, наконец-то Лори пришел, – подумала она, – а то даже поговорить не с кем".

Но бедную Джо ждал новый удар. Лори не удостоил ее вниманием. Он вбежал в гостиную с огромным букетом и принялся поздравлять

"миссис Джон Брук". При этом он так сиял, словно лично устроил Бруку и Мег семейное счастье.

– Я не сомневался, Брук своего добьется. Он у нас такой. Уж если он что-нибудь решит, скорей небосвод обвалится, чем он уступит, – заявил Лори, вручая Мег цветы.

– Благодарю за комплимент, – ответил Джон, которого сегодня умилял даже такой мятежник, как Лори, – будем надеяться, что твои слова окажутся пророческими.

– О, Джо! – Лори соблаговолил наконец обратить на нее внимание. – У вас какое-то дивное выражение лица, – скорчив комическую мину, продолжал он. – Чтобы взглянуть на вас такую, пожалуй, не грех прикатить даже с другого полушария. Если у вас еще когда-нибудь так получится, а я буду в отъезде, тут же пишите. Я моментально примчусь, – добавил он, увлекая ее в укромный уголок гостиной.

– Я не поддерживаю этот брак, но решила терпеть. Я не скажу им ничего против, – снисходительно заявила Джо. – И все-таки мне так тяжело отказаться от Мег.

При последних словах Джо не выдержала, и голос ее дрогнул.

– Да что вы такое говорите! – принялся утешать ее Лори. – Кто же вас заставляет отказываться от Мег? Просто теперь у нее будете вы все и еще Брук.

– И все равно будет уже по-другому, – горестно вздохнула Джо, – я теряю самого близкого друга.

– Между прочим, у вас остался я, – заявил Лори. – Конечно, по сравнению с Мег я не многого стою, зато могу пообещать, что не покину вас никогда в жизни.

Джо пристально посмотрела ему в глаза и с удивлением заметила, что он и не думает шутить.

– Спасибо, Тедди, – растроганно ответила она. – Вы всегда были мне настоящим другом. – И она крепко пожала ему руку.

– А раз так, хватит распускать нюни, иначе я подумаю, что ничего не значу для вас. И перестаньте тревожиться за Мег. Поймите: она счастлива, а будет еще счастливее. Вы не знаете Брука: он сделает все для ее счастья. Для себя бы он, может, и стараться не стал, а для нее из кожи вон вылезет. И дедушка мой ему поможет. Представляете, как забавно будет выглядеть Мег в собственном доме? Обещаю вам, что к тому времени, как они поженятся и она уедет от вас, вы скучать не будете. Я успею кончить колледж, и мы сможем отправиться куда угодно. Например, поедем в Европу. Надеюсь, такое путешествие вас утешит, Джо?

– Наверное, да, – задумчиво проговорила Джо. – Хотя, кто знает, что случится за эти три года?

– Да, вы правы, – живо отозвался Лори. – Было бы здорово хоть на секунду увидеть себя в будущем!

– А мне бы не хотелось, – возразила Джо. – Вдруг нам предстоит что-нибудь грустное? Стоит ли омрачать жизнь заранее! Смотрите, как счастливы все за столом! – И, обведя глазами присутствующих, Джо улыбнулась.

Это была и впрямь одна из тех сцен, которые способны умилить даже отпетого пессимиста. Мистер и миссис Марч сидели прижавшись друг к другу и словно заново переживали собственную помолвку, свершившуюся двадцать лет назад. Эми пыталась нарисовать Мег и Джона, но никак не могла ухватить выражение их лиц. Тут не было ничего удивительного: двое влюбленных сейчас витали в прекрасном и

загадочном мире. Мир этот находился далеко за пределами гостиной Марчей, и Эми просто не могла о нем знать.

Бет, лежа на диване, весело беседовала со своим старым другом (разумеется, мистер Лоренс-старший тоже пришел поздравить молодых!). Почтенный джентльмен крепко держал ее за руку, как будто чувствуя удивительную силу, исходившую от этого маленького существа. Вот уже год она озаряла его жизнь радостью, покоем и чудесной музыкой.

Джо восседала на своем любимом низеньком стуле. Лицо ее сейчас было спокойно и торжественно, и это очень ее красило. Лори облокотился о спинку ее стула, так что голова Джо приходилась на уровне его подбородка.

Так как он сидел позади, он видел только ее затылок. Но перед Джо находилось зеркало, в котором они оба отражались. И вот, поглядев в зеркало, Лори весело подмигнул отражению Джо, а та едва заметно улыбнулась в ответ.

Настало время опустить занавес. Быть может, в будущем он поднимется снова, и вы узнаете, как сложилась судьба Мег, Джо, Бет и Эми. Но первый акт сыгран. Две старшие сестры повзрослели, да и младшим вот-вот предстоит перешагнуть порог, за которым иной мир и иные заботы.

Примечания

1

В книге не раз упоминается знаменитый нравоучительный роман-аллегория писателя и проповедника Джона Беньяна (1628-1688) "Странствия пилигрима".

2

Имеется в виду Гражданская война между Севером и Югом (1861-1865 гг.), положившая конец рабству в США.

3

Капеллан – священник в армии.

4

Поплин – ткань из хлопка или шелка, имеющая поперечные рубчики.

5

Да, мадемуазель (фр.).

6

Гейдельберг – город в Германии, в котором находится старейший немецкий университет.

7

Бремер Фредрика (1801–1865) – шведская писательница, автор семейных романов.

8

Эджворт Мария (1767–1849) – ирландская писательница, автор детских рассказов.

9

Пикули – маринованные овощи.

10

Джонсон Сэмюэл (1709–1784) – английский писатель. Его романы и "Жизнеописания выдающихся английских поэтов" пользовались большой популярностью в Великобритании и США. Роман английского писателя Джеймса Босуэлла "Жизнь Сэмюэла Джонсона" (1791) считается одним из шедевров мемуарной литературы.

11

Прожектерство – увлечение несбыточными проектами.